

Русскоязычная поэзия Израиля

книга 2

**Москва – Тель-Авив
2008**

УДК 821.161.1
ББК 84.6-5 (Изра.)

Русскоязычная поэзия Израиля.

Книга 2. Тель-Авив – Москва, 2008. – 352 с.

(Продолжение книги «120 поэтов русскоязычного Израиля»)

В книгу вошли произведения израильских поэтов, пишущих на русском языке.

Составители (на общественных началах):

Михаил Беркович

Эвелина Ракитская

Финансовое обеспечение печати тиража –

Александр Асманов

В оформлении обложки использована картина **Дмитрия Громана**,

Компьютерная верстка и дизайн **Эвелины Ракитской**

(на общественных началах).

В некоторых подборках сохранены особенности авторского стиля, орфографии и пунктуации.

ISBN 978-5-98575-288-5

© Издательское содружество Э.РА, составление и оригинал-макет, 2008

© Авторы (см. оглавление), тексты, 2008

От составителей

В 2005 году вышла в свет книга «120 поэтов русскоязычного Израиля». Это было большим событием израильской, и не только израильской, литературной жизни. И хотя мы стеснялись назвать свою книгу антологией, а называли коллекцией (потому что далеко не все достойные поэты в нее вошли), но впервые в Израиле под одной обложкой было собрано столько русскоязычных поэтов – хороших и разных. Отзывы об этой книге в печатных СМИ и в интернете можно увидеть на сайте Издательского содружества Э.РА по адресу: www.era-izdat.ru/priboii.htm

Были проведены презентации книги по стране, а также в Москве. Поэт **Александр Ступников**, шеф бюро НТВ на Ближнем Востоке, автор программы «Сегодня в Израиле», сделал о ней передачу, которую смогла увидеть вся русскоязычная диаспора планеты... Стихи из книги, интервью с составителями неоднократно звучали и по израильскому радио: в передачах **Фредди Зорина**, **Ефима Гаммера**, **Йоси Тавора**. Мы, авторы и составители, бесконечно благодарны людям, которые нас поддержали. Всех даже не перечислишь в этом предисловии! Благодарности журналистам, организаторам презентаций, авторскому активу принесены на нашем сайте.

Однако, к сожалению, а может быть, и к счастью, работа над нашей коллекцией израильской русскоязычной поэзии на этом не закончилась. Наоборот, всё только началось... Мы стали получать письма и звонки людей, по разным причинам не вошедших в «120...». Оказалось: достойных пишущих людей гораздо больше. Два года на абсолютно общественных началах на сайте издательства нами собирались стихи новых авторов. Возникла сетевая версия второго тома нашего проекта (www.era-izdat.ru/120plus.htm). И наконец спонсор – московский издатель, поэт и бард **Александр Асманов**, пообещавший отпечатать тираж, – нашелся.

Издательством Э.РА был подготовлен оригинал-макет, и книга передана издательству Александра Асманова. Особо подчеркиваем: в книгу «120-Плюс» не включались авторы, вошедшие в первый том, а включались лишь те имена, которые в первом томе отсутствуют. В новой книге – 131 автор.

Но это еще не всё...

История с книгой «120 поэтов» получила и еще одно неожиданное продолжение. Один из авторов, Валерий Пайков, выступил с предложением: сделать издание ежегодным альманахом, где будут публиковаться новые стихи наших авторов, а также наших друзей из других стран. Этот проект нашел горячую поддержку: первый выпуск альманаха («Год поэзии. Израиль-2006» (117 авторов, составители Валерий Пайков и Эвелина Ракитская) был успешно составлен и издан. Подготовлен и скоро выйдет в свет и «Год поэзии. Израиль-2007». О проекте можно прочесть по адресу: www.era-izdat.ru/ejegodnik.htm

Хочется еще раз объяснить авторам:

«120-Плюс» и «Год поэзии...» – это разные проекты. Издание «Года поэзии», мы надеемся, будет продолжено, а «120 поэтов русскоязычного Израиля» и «120-Плюс» останутся своеобразным историческим документом, срезом поэтического русскоязычного Израиля 2005-2007 гг.

Наш проект получил и еще одно продолжение. Эвелина Ракитская заинтересовалась у давнего автора и друга издательства, поэта Михаила Ромма, живущего в Сан-Диего (США), не считает ли он целесообразным составить похожую книгу в Америке. Михаил Ромм поддержал идею, взял руководство проектом в свои руки и вместе с поэтом Борисом Штейном, живущим в Лос-Анджелесе, составил книгу «Общая тетрадь. Из современной русской поэзии в Северной Америке» (Издательское содружество А. Богатых и Э.Ракитской, Москва-Сан-Диего, 2007). В книгу вошли около 60 авторов из Америки и Канады. Увидеть информацию о ней можно по адресу: www.era-izdat.ru/amer-poesia.htm

Нельзя не написать и об «Антологии поэзии» Александра Кобринского. Она была составлена в том же 2005 году одновременно с нашей «120 поэтов...» Часть имен в двух книгах совпадают, но далеко не все! Может быть, такие издания – веяние времени? А может быть – места? С чем это связано? **Ниже мы помещаем (в сокращении) послесловие Михаила Берковича к книге «120 поэтов...». Он пытается ответить на этот вопрос.**

Михаил Беркович. Стихи – слёзы человеческой души...

... Я и сам долго удивлялся, откуда такое огромное количество пишущих стихи в такой маленькой стране. Причем речь идет не о всей стране, а всего лишь о миллионе с небольшим граждан, изысканных на русском языке. И не я один искал ответа на столь сакраментальный вопрос. Одни утверждали, что так влияет на личность Святая Земля, другие находили ответ в избранности народа... У меня иной ответ, не претендующий на истину в последней инстанции. Тем не менее. На этом клочке земли живет народ, прошедший такие муки ада, что иному и не снилось. Поговорите с каждым евреем рождения двадцатых, тридцатых годов, и вы услышите такое, что забыть не сможете никогда.

Эти люди, едва родившись, попали в лапы гитлеровских головорезов. Пройдя через концлагеря и гетто, они чудом остались в живых. Есть такие, кому довелось дважды, а то и трижды выкарабкиваться из расстрельных ям и брести по озверевшему миру без толики надежды на спасение. Эти люди прошли с боями четыре года войны, и, победив самого страшного врага человечества – фашизм, оказались в сталинских лагерях за анекдот, за неосторожно высказанную фразу, за колоски... А когда они решили уехать в свою страну, то есть бежать от озверевшего советского антисемитизма, у них стали отбирать боевые награды, с них стали требовать плату за образование, которое они получили в СССР. Но и здесь, на своей земле, им довелось через край хлебнуть того же варева... когда тебе не только нет работы по специальности, но и в течение почти шестидесяти лет в наших городах гремят взрывы – под одобрительные вопли все понимающей Европы!

Этот народ дал России Левитана и Эренбурга, Плисецкую и Райкиных, Кобзона и Йоффе, Ботвинника и Мандельштама... Тысячи высококвалифицированных инженеров и врачей, деятелей литературы и искусства. Мы так хотели называть Россию своей Родиной, но во все времена были изгоями,

нас уничтожали в многочисленных погромах, нас приковывали к позорному столбу, загоняли в сталинские лагеря только по национальному признаку... Мы и здесь переживаем то же самое. Нас систематически расстреливают арабы из автоматов Калашникова, из бывших гвардейских минометов, именуемых «Катюшами», а некоторые из братьев, пригласивших нас сюда, стали называть нас «грязными русскими»... Стихи – слезы человеческой души. Говорят, плохая жизнь дает хорошие стихи.

Вот вам и ответ на вопрос, откуда в Израиле много поэтов... Из Руси, вестимо! Бывший СССР насчитывал около двух тысяч больших городов. И в каждом работали один-два прилично пишущих поэта жуткой национальности. Как только открыли железные ворота, они в большинстве своём разлетелись по свету: США, Великобритания, Дания, Австралия... Но больше всего их залетело в Израиль. Так что не удивляйтесь, просто читайте...

...

Михаил Беркович, лето 2005 г.

Михаил Ромм

Посвящение книге «120 поэтов...» (11. 06. 2005)

Не страшно ли тебе, когда роняет полночь
Небрежно в тишину двенадцатый удар?
Открой-ка том второй, найди, прочти «Бог помочь...»,
Возьми слова себе, поскольку это дар.
Возьми слова себе, поскольку не убудет
От дремлющих веков – ничто их не проймёт.
Века спокойно спят, никто их не разбудит,
Века текут в песок, слова идут вразлёт.
Века текут в песок, на них не понадейся,
Возьми себе лишь то, что золотом горит,
Иначе – всё в песок: и музыка, и песня,
Все языки в песок: и русский, и иврит.

(Сан-Диего, Калифорния, США)

mromm@san.fr.com

120-Плюс

Авторы:

Давид Адесман 9	Герман Гуревич 98
Павел Абрамович 12	Юрий Дагимов 99
Светлана Авербух 13	Евгений Девиков 102
Лев Аксельруд 15	Ион Деген 105
Израэль Айзеншарф 17	Анатолий Добрович 108
Дмитрий Аркадин 19	Нонна Дорожинская 111
Игорь Бель 22	Анна Жолкова 114
Моисей Басс 23	Альберт Заборцев 116
Арье Бен Цель 24	Людмила Злачевская 119
Любовь Берштейн 24	Любовь Знаковская 121
Михаил Берман 25	Лидия Заяц 128
Михаил Бильковский 27	Галина Каган 130
Сергей Бирюков 29	Ольга Каган 132
Наталья Бородинова-Фаерман 34	Ольга Кардаш-Горелик 134
Галина Борина 37	Роман Камбург 137
Евгения Босина 39	Альберт Каминский 139
Илья Бошно 43	Иосиф Келейников 140
Леонид Брайловский 45	Евгения Клименко 143
Павел Бронштейн 48	Александр Кобринский 145
Яков Бронштейн 49	Яков Коган 148
Мара Будовская 50	Наталья Козловская 151
Борис Вайнштейн 53	Эли Корман 154
Светлана Вельковская 56	Людмила Костромичева 157
Яков Верховский 59	Игорь Кочнев 158
Владимир Вейхман 62	Виталий Кравчик 163
Александр Винокур 65	Евгений Красноштейн 164
Инна Вольнская 71	Сергей Крашенный 167
Клавдия Виноградова 73	Михаил Кругликов 170
Виталий Гиллер 75	Феликс Куперман 173
Виктор Гирник 78	Валентин Куц 176
Аркадий Гительсон 80	Михаил Левин 179
Виктория Глух 83	Алла Любимова 183
Борис Гольдинов 86	Нинель Мерлин 183
Нахум Горовиц 87	Дан Мирошенский 185
Михаил Гробман 90	Роман Межберг 189
Матвей Губенко 94	Иина Набиева 190
Альберт Гуревич 95	

Леонид Ольгин 193
 Анна Парчинская 200
 Елена Пейсаховч 202
 Феликс Замир (Пейсахович) 205
 Александр Перчиков 207
 Натан Перчиков 209
 Ольга Пильщик 210
 Елена Плагова 212
 Григорий Подольский 214
 Юрий Портной 215
 Ирина Правосуд 217
 Инна Розумовская 218
 Феликс Рахлин 221
 Ася Родштейн 226
 Любовь Розенфельд 229
 Инна Рос 232
 Борис Рубежов 236
 Клара Рубина 238
 Яков Руппа 240
 Виктор Сапиро 242
 Валерий Саулов
 (Рубинштейн) 244
 Феликс Сегаль 247
 Виктория Серебро 249
 Валерий Слуцкий 252
 Лидия Слуцкая 255
 Леонид Сорока 257
 Гоша Спектор 260
 Ирина Спивак 265
 Лев Спивак 269
 Александр Ступников 271
 Юрий Супоницкий 275
 Борис Суслович 279
 Марк Тверской 282
 Ирина Тверская 284
 Елена Текс 286

Ярослава Фаворская 288
 Макс Фарберович 290
 Мария Фердман 296
 Анна Фишелева 297
 Александр Фрейдлес 300
 Игаль Хагай 301
 Борис Хайкин 304
 Владимир Ханан 306
 Алла Хананашвили 310
 Гелий Хейфец 315
 Наталья Хейфец 318
 Инна Цивина 320
 Людмила Чеботарева 321
 Андрей Черепов 324
 Олег Чимкентский 325
 Марк Шабашкевич 329
 Северина Школьникова 332
 Григорий Шмуленсон
 (Гаш) 336
 Вика Юнус 343
 Михаил Юрковецкий 340
 Ирина Явчуновская 347
 Григорий Ярок 350

ДАВИД АДЕСМАН

Родился в г. Могилев-Подольский в 1935 году. Окончил филологический факультет Черновицкого университета. Работал в системе общества слепых. Автор книг «Летние грозы» (в составе коллективного сборника «Жажда памяти», 1989, Киев). В Израиле с 1994 г. публиковался в «Иерусалимском журнале», в сентябре (1997) издал книгу «Подснежники». Подготовлено к изданию еще две книги.

В 2005 году в издательском содружестве А. Богатых и Э. Ракитской (Э.РА, Москва), вышла в свет книга «Песни псалмов» (переложения псалмов), над которой Давид Адесман работал 7 лет. Здесь помещены несколько псалмов из этой книги.

Из псалмов Давида

Я возмечтал о Храме для Тебя,
 Как если бы Ты сам сказал об этом.
 Священник, благоволие клубя,
 Под куполом объялся чистым светом.
 В зеленой роще найденный ковчег
 Внесен в притвор, где утвердилась Тора,
 Где одеянье, белое, как снег,
 Несут к Тебе ревнители притвора.
 Такие стены, царь мой, возведу,
 Такой чудесной роскошью украшу,
 Что все, что мне напишешь на роду,
 Преобразится в честь и славу нашу.
 Двойник великолепней Твоего,
 Престол мой громогласно утвердится,
 Как истины высокой торжество,
 Ничто с которой в мире не сравнится.

Я обласкаю каждую ступень,
 Я расцелую каждую колонну,
 В угаданный строителями день
 Поднявшись первым затемно по склону.
 Вот это холм – отныне и вовек
 Главенствовать он будет над холмами
 О, Господи, продли мой жалкий век,
 Дай мне пропеть осанну в нашем Храме.

Из раздела «Стихи о Давиде»

Пресветлый царь, благословенный Богом,
 Из уст своих изливший благодать,
 Готов ли ты к сражениям и дорогам,
 Готов ли сам других благословлять.
 Во имя правды, кротости и славы
 Тогда скажи соратникам – пора!
 И пусть твой меч, товарищ битв кровавых,
 Тяжел и остр, качнется у бедра.
 Взметенный вверх ступенью колесницы,
 Державной волей голос напряги.
 И пусть узнают мощь твоей десницы
 Со всех сторон идущие враги.
 Как стрелы дня пронизывают тучи,
 Так их пронизжут сонмы стрел твоих.
 Как голова, скатившаяся с кручи,
 Багряно солнце в травах полевых.
 Ты победил, к твоим стопам народы
 Несут с мольбой о милости дары.
 Таких пиров дворца не знали своды.
 Таких гостей не видели пиры.
 Пресветлый царь, у всех перед очами
 Лишь ты один в венце из алых роз.
 Красавицы, рожденные царями,

Твой ловят взор, счастливых полный слез:
 И вдруг сухим он сделался и острым,
 Как в грозный час при трубах боевых.
 Вон та, к своим склонившаяся сестрам,
 Кто, кто она? И мигом шум утих.
 Ее ресницы загнуты и длинны.
 Ее уста в багрянце, как в крови.
 Встаешь, глядишь, лицо серее глины
 То в грудь твою вошла стрела любви.

Из раздела «Исайя. В долине видения»

Разве служит истине, законы
 Вкривь и вкось толкующий судья.
 Разве истязаемого стоны
 Не вина и Бога, и моя.
 Что я сделал, чтобы нечестивых
 Сокращалось черное число,
 Чтобы рты клеветущих и лживых
 Судорогой намертво свело.
 Мало сделал, непристойно мало,
 Так и не припомнивший, когда
 И кого дотла испепеляло
 Пламя нестерпимого стыда.
 Их послушать – я на свете лишний.
 И припав к судейскому столу,
 Молятся, чтоб для меня Всевышний
 Выбрал позанозистей стрелу
 Тот безумец, кто не ищет выгод,
 И от них уносит ноги прочь? –
 В бешенстве отыскиваю выход.
 Ухожу в изветренную ночь.

ПАВЕЛ АБРАМОВИЧ

Родился в г. Тирасполь (Молдавия) 28 июля 1932 г. Работал на Тираспольском механическом заводе фрезеровщиком, после службы в армии осваивал целину в Казахстане, затем окончил институт и получил специальность горного инженера-электрика. Преподавал в том же вузе вычислительную технику, работал в газетах, был ведущим программы «Открытое рандеву» в прямом эфире... Стихи, рассказы звучали на Всесоюзном радио и публиковались в газетах.

В Израиле с мая 1997 года. Руководит русскоязычным литературным клубом в г. Ришон- ле-Цион. В 2003 г. издал книгу рассказов, стихотворений «Исправление ошибок».

Мольба

Секрета нет, – я всё открою:
Стою с протянутой рукою.
Я обнищал, я обезмысел,
Не верю больше в силу чисел,
святых провидцев, как в пропойцев,
«прогрессы» – по спиральям, кольцам.
молно бегущих, проходящих
О мыслях, пусть из заваливших,
Идеях, пусть из сумасшедших,
Внезапно в голову пришедших,
Но из таких, что двинут в гору,
Дадут и мне, и прочим фору
В простом движенье по планете,
Когда земляне все, как дети,
Не только в Интернета сети
Пойдут бродить сквозь страны-клетки
Без визга виз. Погром таможен –
Навеки станет невозможен.
И расы – мерзкая помета –

С пометой вечной будет «Вето!».
Нам вырваться б из плена мрака,
Где каждый час за дракой – драка,
Где мистику возводят в Веру,
Где мыслей нет – взамен – химеры...

СВЕТЛАНА АВЕРБУХ

Родилась в Украине, училась в Москве. Окончила Московский институт связи. В Израиле с 1990 года. Стихи писала с детства, но только для себя. В литературное объединение «Негев» пришла в 2002 году. Печаталась в «Хронометре», «Новостях Недели», «Новостях», в альманахе «Талисман пустыни-2». Дипломант конкурса им. Ури Цви Гринберга в 2006 году. Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Тебе, родной мой, было только двадцать
В тот год, когда закончилась война.
И обожжённые стволы акаций
Забуть пытались жаркий плеск огня.

Когда, казалось, миновали беды,
Свирелью птичьей пела тишина.
Послушницей смиренною победа
Пристроилась у вдовьего окна,

Но, потеряв любое чувство меры,
На площадях плясала до зари.
И молодым вином поила вера,
Восставшая из пепла и золы.

Тебе, родной мой, было только двадцать
(Мне б нынешней годился в сыновья),
А за плечами – лагеря и плацы,
И в седине нелепой голова.

Мальчишка, Господи, совсем мальчишка.
Твой младший брат остался на войне.
И мать в притихшем маленьком домишке
Застыла ожиданием в окне.

И ты вернулся. И твои награды
Позванивали гордо на груди.
И жизнь грохочущею эстакадой
Звала. В какие дали впереди?

Тебе ли знать? Да и кому возможно
О пройденном так страшно вспоминать.
И будущее путано и сложно,
И не всегда подвластно выбирать.

Но молодым вином поила вера...

ЛЕВ АКСЕЛЬРУД

Автор десяти книг лирики, около тридцати сборников переводов, двухтомника избранных произведений, в производстве – собрание сочинений в четырех томах. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

На горле пространства – петля горизонта.
Война.

Июль. В такие пекловые дни
тень ищет, где бы спрятаться в тени.

В ночном троллейбусе

В окне – деревья, здания, мосты.
Как в зеркале, в окне – твои черты.
Скажи мне только, ЧТО в окне ты видишь,
и я скажу, кто ты.

Рассказывая детям об искусстве,
ты сам артистом чувствуешь себя.
В класс входит завуч, речь твою обрезав.
С улыбкою урок свой продолжаешь.
Как Паганини. На одной струне.

Спит женщина, обняв дитя. Устала.
Все громы неба и земли не в силах
её сегодня пробудить. Но стоит
малышке беспокойно завозиться –
мать, словно одеяло, сбросит сон.

По скверу, мимо занятых скамей,
бредёт старик – худой, как единица.
Прогуливает собственную тень,
которая то забежит вперёд,
то преданно за ним плетётся сзади.

Прости, декабрь! Упущенное за год
так яростно пытался наверстать я,
что, кажется, загнал тебя, как лошадь,
и ты сегодня за моим окном
не снег, а пену хлопьями роняешь.

Деревьями-поклонниками густо
окружена вода, которой мнится,
что мир в неё глядится с интересом
и, безусловно, прелесть в ней находит.
А мир в воде находит лишь себя.

Вдали от дома, на земле равнинной,
томился горец среди больничных стен.
Порою, глядя на кардиограмму,
чему-то улыбался он. Как будто
в ней видел образ родины своей.

Джакып Абдылдаев (с киргизского)

В гостях у деда

Горлицу поймали – внуку подарили.
Полюбил он птицу – даже до того,
что подрезал хвост ей, поубавил крылья:
пусть всегда пребудет около него.

Пусть навек забудет о небесной выси -
привыкает к мелким собственным шагам...
С птицей, как с игрушкой, пару дней носился,
а потом остыл к ней шустрый мальчуган.
Погостив немного, он домой уехал.
Горлица забыта. Рыщет голодна.
Разве это птица? Тут уж не до смеха:
ни земле, ни небу больше не нужна.

ИСРАЭЛЬ АЙЗЕНШАРФ

Родился в г. Бендеры (Молдавия) в 1963 году. Окончил факультет иностранных языков Кишиневского университета. В Израиле – с 1988 года. Стихи Айзеншарфа публиковались в журналах «Смена», «Юность», «Истоки», «Аврора», «Кодры», «Возрождение». В 1994 году издана первая книга стихов молодого поэта «Живые камни».

Наш век

Свою судьбу истратил этот век,
его дорогу не ему осилить.
Песку пустыни не осилить рек,
бессилие сейчас сильнее силы.
Яд и противоядие дружны,
порядки узакониваем сами,
у времени работают рабы
в надежде стать навечно господами.

Камень Иерусалима

Есть милосердие камней –
 хранить оставленную память.
 Перед воротами ночей
 встал обелиском каждый камень.
 В чертах знакомого лица –
 народы и тысячелетья,
 и на дороге без конца,
 все камни – тоже наши дети.
 Под сводом сутолоки дней –
 есть милосердие камней.

* * *

Я заступил на пост,
 и мне верны патроны.
 И вне закона зной,
 и время вне закона.
 Под сапогами пыль
 ложится не спеша,
 и солнцу не слышны
 ни время, ни душа.
 Полуденная пыль
 святит мои погоны
 в солдатской тишине
 Иуды и Шомрона.

Погоня

Зеркало – эхо света,
 Эхо ветра – война.
 С кем породнилась победа
 у солнечного шатра?
 Чьи шпоры кровавят совесть
 единственного коня?
 Об этом споеет аркана
 натянутая струна.

* * *

Блажен,
 кто обошел созвездий вереницы,
 кто многим предпочел одно,
 кому под утро долго снится
 без колесницы колесо,
 кому неожиданная зарница целует узкое окно.

ДМИТРИЙ АРКАДИН (Онгейберг)

Прозаик и поэт. Автор книг «Про себя и... вслух», «27 глав из жизни Матросика», «Открытый урок», «Москва бомзам не верит» (Э.РА, 2007). Печатался в израильских газетах. Участник альманахов «Крылечко Ротшильда», изданном при литературной студии города Ришон ле-Цион, «Венок Есенину» (изд-во «Поверенный», (Рязань, 2005). Призер двух литературных конкурсов, проводившихся Международным литературным порталом «Что хочет автор». Член Международного Союза писателей, член Союза русскоязычных писателей Израиля. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Про Алешу Романова

Была весна, начало мая,
 киношник был навеселе,
 семью Романовых снимая
 в воспетом Пушкиным селе.

Трещала камера фатально,
 к финалу подвига двор.
 Династия документально
 на мир глядит как бы в упор.

Царь, шурясь, смотрит на погоду,
княжна в траве нашла ферзя.
Алеша тоже хочет в воду,
он хочет... но ему нельзя.

Нельзя всерьез, не понарошку,
грести веслом, бежать босым.
И опечален он немножко -
Наверно, тем, что царский сын.

Взмолось, как если б в моей власти:
«Киношник! Хватит, не снимай!
Не надо самой страшной части!
Пусть просто длится царский май!».

Но тени от богатых платьев
Скользят по саду. Тишь и твердь.
И скоро будет дом Ипатьев
и ужасающая смерть...

Господня воля ли, тирана?
Но, боже мой, как жалко мне,
Что Алексей ушел так рано
И не поскачет на коне...

Маме

В небе без луны мне одиноко.
Это как затмение души.
Без луны у Ближнего Востока.
звезды в небе – жалкие гроши.

Ах, Восток любви и горя вспышки!
Судеб хрупких тающий настил.
Кто луну, как крокодил из книжки,
в одночасье взял и проглотил?

Ящик пуст почтовый, в нем ни строчки,
только зря на почту не грехи.
Без луны и звезды-одиночки.
Ждушим всем – затмение души.

Телефон. Его звонок пронзит ли?
Может быть, его обходит ток.
Или все звонки его – транзитны,
и тогда я с ним не одинок.

Мы с луной в затмении куражим!
Стал я у луны с недавних дней,
самого несбыточного стражем.
Неосуществимого, верней.

Свой кураж храню давно в душе я,
и других причин – ни боже мой!
Мамочка с косынкою на шее,
через пять минут придет домой.

ИГОРЬ БЕЛЬ

Родился и жил в г. Алма-Ата. Много лет работал геофизиком – искал нефть и газ. В 1993 году репатриировался в Израиль. Поскольку в Израиле нефти не оказалось, переквалифицировался на специалиста по обработке сигналов при разработке медицинских приборов в хай-теке. Публиковался в газетах и журналах Израиля под псевдонимом. Автор книги «Серая птица» (проза и стихи, Э.РА, 2007) Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Черно-белые цвета войны

Черная пехота, черные войска,
 Черные болота, черная тоска,
 Черные осины, черные дубы,
 Черные дрезины, черные гробы.
 Белые обозы, белые столбы,
 Белые березы, белый цвет судьбы,
 Белые простынки, белый санитар,
 Белые тропинки, белый-белый парк.
 Черные чернила, черные листья,
 Черные могилы, черные кресты,
 Черные заставы, черный автомат,
 Черный техник Слава, черный-черный мат.
 Белые санчасти, белые цветы,
 Белый призрак счастья, белые мосты,
 Белые халаты, белы пояса,
 Белые солдаты, белая роса.
 Черные селенья, черный-черный снег,
 Черное знаменье – черный человек,
 Черная ракета, черный небосвод,
 Черная вендетта – черный хоровод,
 Белая косынка, белая рука,
 Белая как дымка белая тоска,
 Белые заставы белый мрак таят,
 Белые составы в белые края...

МОИСЕЙ БАСС

Родился 25 января 1938 года в Белоруссии. Публиковался в периодической печати Москвы, Ленинграда, Тюмени, Гомеля, в альманахах. В Израиле – с 1995 года. Автор поэтического сборника «Строки от сердца», поэм «Быль о войне», «Сказание о зле», Легенда о дельфинах», романа «Скорбный путь», повестей – «Пропавший среди живых», «Пятый пункт», «Под плачущие звуки скрипки».

В краю родном есть памятник –
 неярк,
 стоит в тиши, забытый, одинок.
 Здесь был один из сотен Бабьих Яров, –
 Никто убийству помешать не смог.

Цветы никто не носит к обелиску,
 Печальных слов в тиши не говорит.
 На камне нет ни надписей, ни списка –
 Кто здесь убит и почему убит.

Мы тут росли, не ведая до срока,
 Что жить на свете – главная вина...
 И к нам была не менее жестока
 И ты сама, родимая страна.

Молчит Господь... Для глаз – погасло Небо,
 Задёрнутое траурным рядом...
 Из нас – никто никем спасён здесь не был.
 ...Зачем же я пишу – «в краю родном»?

Напиток горькой памяти не выпит –
 В краю далеком памятник стоит...
 Был родиной когда-то и Египет.
 И даже он не сразу был забыт.

АРЬЕ БЕН ЦЕЛЬ

Живет в Тель-Авиве. Занимается
юриспруденцией.

Увы, в нашем мире двуличности,
Где нет уважения к личности,
Основано всё на наличности,
Похожей порой на культ личности.

Выражение лица

Лицо светилось в молодце,
Бродила мысль на том лице,
Кричащая о наглеце,
Чтоб не сказать – о подлеце.

ЛЮБОВЬ БЕРШТЕЙН

Родилась в 1972 году в Харькове. В Израиле – с 1995 года.
Косметолог. Живет в Ашкелоне. Автор сайта Стихи.РУ под
псевдонимом – Агаре.

Звезды

Звёзды на небе брильянтами жёлтыми.
Бусы созвездий над крышами Питера.
В разных мирах одинокие бродим мы
С разными судьбами с разными ликами.

Может, когда-то с тобою встречались мы,
Но не заметили встречи, беспечные...
В дальних морях кораблями случайными
Встретились и... разошлись в бесконечности.

Может, была, а быть может, привиделась
Встреча минутная, встреча случайная
Ну не срослось... на судьбу я обиделась,
Звёзды над Питером - слёзы отчаянья...

МИХАИЛ БЕРМАН

Родился в 1970 году в Москве. Историк и археолог (окончил Хайфский университет). С середины девяностых стал немного публиковаться в периодической печати и интернет-изданиях. В 2005 году принял буддизм в одном из тибетских монастырей в Непале. Живет в Иерусалиме. Автор книг «Стихи на Стене» и «Маскарад тоскующих острот», роман (Э.РА, 2006). Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» (Э.РА).

Стихи на стене

Настенные стихи не грех.
Грех – стенка без стихов.

Всё от скуки, всё от скуки, –
И искусства, и науки,
И души, и сердца муки –
Лишь от скуки, лишь от скуки.

На потолке точка.
В точке – щечка.
Поцелуешь щечку –
Превратишься в точку.
Будешь точкой с щечкой,
Сладкой и порочной.

* * *

Люди – это люди,
 Птицы – это птицы.
 Птицы ждут полета,
 Люди – психбольницы.

Обедающая ночью

Ночь смешнее, чем день.
 Если днем это пень,
 Ночью ж пень – злая тень.
 Этой тени не лень
 Съесть тебя на обед.

Говорит тень: «Обед».
 И тебя больше нет.

Дождь и Арфа

Уличный музыкант играл на арфе.
 Пошел проливной дождь
 И смысл музыканта.
 Арфа осталась одна.
 Одна под проливным дождем.
 И тогда вместо пальцев музыканта
 Дождь стал перебирать струны арфы.
 Как жаль,
 Что никто не слышал этой мелодии.
 Как жаль,
 Что дождь кончился.

МИХАИЛ БИЛЬКОВСКИЙ

Родился в Москве, окончил спецшколу с английским уклоном и музыкальную школу-студию по классу «ударные инструменты». Иммиграция не повлияла на его творчество, и он начинает сотрудничать с известными музыкантами, участвуя во многих музыкальных проектах. В 2001 году выпускает свой первый сольный альбом «Убегая от судьбы». Окончил Медицинский институт. В Израиле с 1990 года. Стихи публикуются на различных сайтах Интернета. Живет в Бат-Яме.

Заброшенный терновник

Заброшенный терновник – не к лицу,
 Расти уродом среди прекрасных лилий...
 Вдыхая дерзко ароматную пыльцу,
 Усталой дрожью веток – сухожилий.

Пусть, вешая, рука тебя хранит,
 Лаская корни свежее водою...
 Но горечь ягод, непокорный вид,
 Твоё уродство рядом с красою...

Нежнейших лилий, дивной наготы,
 Как девственности символ – непроступных...
 Ревнивым демоном глядишь из темноты,
 Сжигая боль в фантазиях распутных.

Гордыни адской болью изувечен...
 Судьбы своей отверженный пророк..
 Ты в собственных шипах увековечен!
 Ты навсегда венец, а не венчик!

Вор по жизни...

Он ворует безжалостно время твоё.
Он ворует любовь, озираясь с опаской.
Вор по жизни, меняющий имя своё,
Прикрывающий лик обаятельной маской.

Гибнут дни ошалелые, стонут года,
Боль – извечный палач – влагой поит ресницы.
Но улыбка его подкупала всегда,
Уводя от карающей божьей десницы.

Уходил от грехов, оставляя долги,
Возвращался к тебе полунцизм изгоем,
И дарил не духи – смертный запах тоски,
Да угрюмые мысли в тисках паранойи.

Он ворует безжалостно время твоё.
Он ворует любовь. Ты – прощаешь обиды.
Время терпит пока. Время точит копьё,
Отменив приговор сердобольной Фемиды.

Ангел мрака

Мой ангел мрака, ты опять ко мне пришёл...
Сидишь напротив, за столом, потупив взгляд.
Твоя подруга – ночь – звёзд ярких ореол...
Зачем приходишь ты, в который раз подряд?

Туман, набросив шаль, окутал тьмою дом,
Погасли угольки, остыл накал печи.
Ночь правит бал, и мы, сидим с тобой вдвоём
Под тусклый огонёк зареванной свечи.

Чем хочешь мне помочь в полночной тишине?
Испить со мною грусти терпкий аромат?
Не надо! Уходи! Не думай обо мне!
Но ты опять со мной, в который раз подряд.

Нет, не проси меня, устал я от молитв...
В несбыточных мечтах, давно утерян рай.
Ты сердце успокой, и шрамы прежних битв
Волшебною иглой, мне раны залатай.

А месяц молодой, кричал мне свысока,
Пытаясь заглушить, свечи предсмертный стон:
“Твой ангел не один, с ним горе и тоска...
Вершат твою судьбу под колокольный звон”!

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

Родился в 1946 году в Москве. Окончил Московский инженерно-физический институт, кандидат физико-математических наук. С 1970 по 1990 работал в Институте атомной энергии им. Курчатова, в Москве. В Израиле – с 1990 года, работает в Университете имени Бен-Гуриона в Негеве. Член безршевской литературной студии «Среда». Его стихи и эссе публиковались в израильской и зарубежной печати.

Точка на карте

Серебристо-серая стая –
Боинги застыли на старте.
Берегом мелькнула, растаяв,
Маленькая точка на карте.

Вроде и ненадолго, в Дублин,
Вроде ни на что не влияю,
И билет обратный закуплен –
Страшно, что тебя оставляю.

Страшно, как ребёнка бросаю.
К ностальгии, что ли, привычка?..
– «Разорвут тебя, растерзают.
Не Россия ты. Невеличка» –

Голос, монотонен, всё поет,
Всё нудит своё неотвязно:
«А народ твой кровью умоют,
Вечно сам с собой не согласный».

Мир – на лезвиях. Кроваво и остро.
Мир – на ниточках, одна другой тоньше.
Невелик Ирландия остров,
Только впятеро Израила больше.

Онемею, красотой оглушённый,
В лес влюблюсь, что над озёрной волною,
И в лесной народ, окружённый –
Нет, не злобою – всего лишь водою...

Вот и пролетела неделя –
Полтора часа до отлёта.
И родная служба при деле:
Поиск бомб. Такая работа.

... Ближе к волнам крылья пластаем.
Пассажиры – к окнам в азарте:
Берегом в страну вырастает
Маленькая точка на карте:

Стук! – Бетон, и мчмсья. Бог – с нами.
Трап, и - вниз, к привычному зною...
Что с тобой случится, не знаю.
Знаю – это будет со мною.

Сентябрь 2000

***Северный Негев. Дорога в утреннем тумане из
Безр-Шевы в Сде-Бокер***

I

Скольжу из забвения за пять минут до срока.
Распахнуто окно в предутреннюю тьму.
В тумане спит земля, где быть легко пророком,
И где давным-давно пророки ни к чему.

Туман – под колесо, прощально белокожий...
В молочных берегах алеющий ручей,
Он – к небу, невесом...

Нисколько не похожий
На вьющийся дымок из газовых печей.

Светает.
Сквозь туман – корона золотая
То выглянет, маня, то спрячется во тьму.
Израиль – в облаках. Израиль улетает.
Нет места на Земле народу моему...

II

... Рассеялся туман. Зловещие приметы
Сбываются, круша несбыточный пейзаж.
Библейская страна, тебе нужны поэты,
Как прошлогодний дождь. Как в засуху – мираж.

Жестоким солнцем дня прострелен каждый атом.
 Пустыней вновь брести –
 дадут ли сорок лет?
 Великая земля, где надо быть солдатом,
 Прости меня.
 Прости
 за то, что я – поэт.

09.04.2002 / 02.03.2004

**Разговор в Сде-Бокере
 с китайской студенткой о белых ночах**

... А девчонке смешно. Хохоchet:
 «Ну и формулы, вашу мать!
 Если ночью совсем нет ночи,
 То, позвольте – когда же спать?»

Лист бумаги. Я заморочку
 Снять единым рисунком рад,
 И на глобусе ставлю точку:
 «Здесь находится Ленинград» –

Где рассвет настигает вечер,
 Переходит в рассвет закат...
 Переходит...» – свинцом на плечи:
 «Т а м *когда-то был* Ленинград» –

И, не в силах остановиться,
 Грифель – к югу и в хрип – слова:
 «Дорогая моя... сестрица,
 Здесь *когда-то была* Москва».

Подчиняясь нечистой силе,
 Роюсь грифелем как в золе:
 «Здесь *когда-то была* Россия...
 Не на глобусе – на Земле...»

Там русеет любой китайчик,
 Там мессия – любой поэт...
 Там навеки остался мальчик
 Четырёх с половиной лет.

4.1.2000

Колокол

Чуть больше тысячи лет назад в земном небе вспыхнула звезда, на месяц затмившая утреннюю Венеру. Такие называют теперь сверхновыми. На её месте на небесной сфере находится теперь то, что по недоразумению было названо «Крабовидной туманностью». В центре её, на месте бывшей сверхновой, работает пульсар – нейтронная звезда с массой порядка массы Солнца и размером с Манхэттен. С постоянной частотой 30 импульсов в секунду он напоминает нам – о своём существовании? О будущем нашего Солнца? Учится говорить? В 1999 году спутник «Чандра» разглядел его в рентгеновском диапазоне – это звонящий колокол размером с нашу Солнечную систему:

В чёрной бездне, бога около,
 Замахнулся языком -
 Ты по ком трезвонишь, колокол?
 Ты по ком? –

«... По ком-м-м... По ком-м-м ...»
 Ты, с магнитною пружиною,
 Умно собранный из звёзд,
 Ты, на грани постижимого,
 В то же время – странно прост...

В синем небе – баю-баиньки!
 Ты, младенец по годам,
 Ты по ком трезвонишь, маленький?
 Ты – по нам?.. –
 «... По нам-м-м... По на-м-м- ...»

Мы растём. Рисуем домики.
 И, затея из затей,
 Колокольчик этот новенький –
 Погремушка для детей.

НАТАЛЬЯ БОРОДИНОВА-ФАЕРМАН

Родилась в 1946 году в Порт-Артуре. Выросла в украинском городе русской славы – Севастополе. Окончила факультет журналистики Ленинградского университета. В Израиле с 2001 года. Печаталась в «Крымском комсомольце», «Флаге Родины», «Славе Севастополя», в коллективном сборнике «Поэтические струны» – Хайфа, в газете «Эпоха», в журнале «Хронометр». До 2007 года жила в Тель-Авиве. Сейчас живет в Симферополе. Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» (Э.РА).

Арабские зарисовки

В пустыне шепот звезд и тишина
 В полночный час особенно слышна.
 Земля, за день уставшая от зноя,
 Вздыхает тяжело в поисках покоя,
 И редкой птицы смелый перелет
 Крылом хрустальным тишину взорвет.

 Остаток личности, за вычетом души,
 Прикрытой респектабельным фасадом,
 В одну минуту превратился в «пшик»,
 Когда фортуна повернулась задом.

 Что все дороги в Рим ведут,
 Бытует мнение.
 А для чего же двустороннее движенье?

 Как своевольно естество!
 Как утомительна условность:
 Там – суть живущего всего,
 А тут – лишь ложь и многословность!
 Соединил их человек
 И, не скрывая слез и боли,
 Им коротать свой долгий век
 Сожителями поневоле.

 На весы поставлены
 Разум и порыв.
 Как к порыву я хочу
 Совершить прорыв!
 Только разум мой ведет
 Неудачам счет:
 Он по перышку
 мои
 крылья
 оборвет.

Двусмысленны дары твои, Владыка:
 Вручаешь жизнь,
 Но смерть – равновелика,
 Любовью жалуешь –
 Зачем же рядом
 Сочится ненависть змеиным ядом?
 Кто сталкивает взлет мечты с паденьем?
 А вопль и смрад толпы – с уединеньем?
 Рабов бесправных стравливает с властью?
 А евнуха вдруг наделяет страстью?
 Свободу с правдой кто казнит на плахах,
 Кто требует покорности и страха?
 ...Владыка, правда – или заблужденье,
 Что мы – Тебе подобные творенья?

О, как дразнила невозможность
 Соединенья: ты – ничей!
 О, как манила эта сложность
 И желчь язвительных речей!
 О, как к лицу тебе надменность,
 Снискавший славу подлеца,
 И тем страшнее неизменность:
 Зверь снова – сам, да на ловца!
 Все, что казалось так красиво –
 Обман болотного огня.
 И крест кладу я торопливо:
 Чур не меня, чур не меня!

ГАЛИНА БОРИНА

Родилась в 1949 году. В Израиле – с 1995 года. Бывшая одесситка. Публиковалась в местной прессе и в альманахах студии «Среда», в журнале «Мы», газете «Вести» и Антологии поэзии «Израиль 2005».

Банальных рифм банальное звучанье.
 Банальных окончаний окончанье.
 Налаженный, привычный, скучный быт.
 Взгляд на друзей, увы, отнюдь не кроткий.
 Телеэкрэн. Терзающие сводки.
 Политика. Кокетки и кокетки.
 Открыты окна настезь – не сквозит.
 Укрывшись с головой, уйти в подполье.
 Идти босой по скошенному полю,
 По острой, больно колющей стерне
 На мерный шум недалекого прибора
 И растворяться в августовском зное,
 И плыть в тугой искрящейся волне.

Я рисую иероглифы души
 На сыром песке, исхлестанном волной.
 Море плавится в полуденной тиши,
 Оплывает белой дымкой рыжий зной.

Еле слышно за спиной шуршит песок,
 Словно время еле слышное шуршит.
 В жарком теле жаркой крови гулкий ток.
 Я рисую иероглифы души.

Я рисую иероглифы огня
 На сыром песке у самой кромки дня.

Сама с собой наедине
 Перебираю дни на ощупь.
 Хотела стать добрей и проще,
 Но это не доступно мне.

Густеют тени на снегу,
 В проталинах чернеют лужи.
 Я стыну от житейской стужи
 И от самой себя бегу.

Бегу в отчаяньи туда,
 Где можно как-то обогреться.
 В предчувствии забьется сердце,
 Но снова талая вода
 И белой пеной островки
 И холодно. И дует ветер.
 И снова наступает вечер.
 А мы всё также далеки.

ЕВГЕНИЯ БОСИНА

Родилась в 1956 году в Киеве. В Израиле – с 1990 года. Живет в Нагарии. Преподает русский язык в школе «Мофет». Публиковалась в литературном альманахе «Хронометр». Лауреат израильского поэтического конкурса «Северная лира», а также Пушкинского конкурса в США. Победитель Штутгартского (Германия) поэтического конкурса. Член литобъединений «Кармель» и «Анахну», г Хайфа. Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Степенно шествует хасид,
 Уныло тащится собака,
 А кот, как памятник, стоит
 На крышке мусорного бака.

О, как надменен он и горд
 В камзоле траурного шелка!
 Как он изыскан – от ботфортов
 До белых перьев треуголки!

Уже вовсю бушует март,
 И запах трав – хмельной и стойкий.
 А он глядит, как Бонапарт,
 Судьбой низвергнутый в помойку.

Дождя не будет больше никогда.
 Как никогда сейчас мне это ясно.
 Зачем же ждать и верить понапрасну,
 Что приговор отменят? Вот беда,

Которая приходит каждый год,
 Чтоб оборвать спасительные нити.
 И я кричу (кому? зачем?): «Не рвите!
 Губителен душе дождя уход!

Ей без него никак не уцелеть –
Окаменевшей, выжженной, беззвучной,
Она с ним от рожденья неразлучна,
Неразлучима будет с ним и впредь

Или не будет вовсе!» Нет ответа...
О, слабый крик мой, мой смешной укор.
Закон суров, суров и приговор,
Провозгласивший неизбежность лета.

Пылает беспощадная звезда...
И где приговоренной к высшей мере
Душе взять силы не поверить
В то, что дождя не будет никогда?!

Вернется он! Он не оставит нас,
И вновь пора – стольжданная! – настанет.
Но страшно думать, что с душою станет,
Воскреснет ли она на этот раз?

Настанет день – мы снова соберемся
Под старой сливой около крыльца,
Поплачем вдоволь, вдоволь насмеемся,
Дослушаем друг друга до конца.

Настанет день – мы книгу дочитаем,
И хоть на йоту, но отступит мгла,
И мы пойдем – пусть поздно! – мы узнаем,
Зачем она написана была.

Пойдем и то – на зависть всем живущим, –
Зачем был дан эпохе грубый нрав,
Зачем так много глав недостающих
И в то же время – столько лишних глав!

Настанет день – мы сбросим без опаски
(Хотели раньше, только не смогли!)
Все впопыхах напяленные маски,
Что к коже лиц, казалось, приросли.

Настанет день – неспешный, безмятежный,
И в том саду, где грустная сирень,
Мы соберемся снова неизбежно.
Ночь – не страшна. Ведь после – долгий день.

Снегопад в Галилее

Сначала возникло предчувствие снега –
Полета, порыва, исхода, побега.
Потом он пошел, становясь все смелее,
Ложился на плечи и грудь Галилеи,

На стылую землю, Кинерет и горы,
На красные крыши и серое море,
Прикрыл одеялом асфальта заплаты.
Он лекарем был, милосердным был братом.

Лечите же, вьюги, студите, бураны,
Наркозом холодным – горячие раны
И души, что были изорваны в клочья!
Врачуйте их днем и – особенно! – ночью,

Бинтуйте их снежною лентой, шепчите,
На лбы – ледяные ладони кладите,
На свежие швы и на старые шрамы –
Подуйте! Засыпьте воронки и ямы,

Останки автобусов и пепелища –
Пусть их никогда и никто не отыщет,
Пусть станет все белым и чистым листом,
Чтоб было с чего начинать нам потом.

Стихи о Прекрасной Даме

Прекрасная Дама писала сонеты,
 Крутила на старой машинке котлеты,
 Бельишко стирала, готовила ужин
 Отважному рыцарю, славному мужу:
 Одной рукою в кастрюльке мешала,
 Другой – на бумажных обрывках писала.
 И пыль вытирая, и глядя сорочки,
 Все время шептала какие-то строчки.
 Забот ей хватало, и даже с излишком –
 То рыцарь ворчит, то болеют детишки.
 Намаявшись за день, она засыпала,
 Ей снилось круженье блестящего бала,
 Нежны плечи дам, кавалеры галантны,
 Колдуют в седых париках музыканты,
 Поют клавишины, безумствуют скрипки,
 Ах, ей сам король посылает улыбки,
 Дрожат королевы прелестные губки...
 Откуда ж возник гнусный визг мясорубки?
 Пропало видение пышного зала,
 Сие означало, что утро настало,
 Сие означало, что надо вставать,
 Огонь разводить и стихи бормотать,
 Варить и стирать, за детей волноваться,
 И Дамой – Прекрасной при том! – оставаться.

ИЛЬЯ БОХНО

Выпускник Ленинградского электротехнического института. Более двадцати лет преподавал в Севастопольском техническом университете, затем был ведущим специалистом в конструкторском бюро. С 1997 года живёт в Израиле, в Ашдоде.

Предвечерье

Пылит нагретая дорога,
 А зной немножечко иссяк...
 Не торопись, постой немного:
 Закат ещё не начался.

Завесой выцветшего ситца
 Струится даль на склоне дня.
 Над клином скошенной пшеницы
 Играет золотом стерня.

Рыжеют, выстарившись, травы,
 Поля просторны и пусты.
 А вдоль дороги слева, справа –
 Осоловевшие кусты.

Но тени, как вода в колодце,
 Другой оттенок обрели.
 А там, у ближнего колодца
 Остались на ночь журавли.

И слышно во всеобщей дрёме
 Дыханье жаркое полей.
 В округе всё недвижно, кроме
 Балетных танцев журавлей.
 Их появление в этом стане,

Гортанный этот говорок –
Слепой судьбы предначертанье
Или намеренный урок?

Но верится, что так и надо –
И сердце радостью шемит:
Придёт желанная прохлада,
И древо жизни зашумит.

Осенние каштаны

Какие яркие орехи
В разбитых надвое «ежах»!
Они как будто для утехи
В салатных вазочках лежат.

Их лакированная кожа
Искрится в дождевых слезах –
И кажется: они похожи
На лошадиные глаза.

В них чудится тепло и ласка,
И одновременно печаль,
И помнится, какую сказкой
Была июньская свеча.

А сам каштан, такой же стройный,
Переодевшийся в парчу,
По-царски щедро и спокойно,
Мол, весь бульвар озолочу.

Когда в душе темно и худо –
Сам чёрт гоняет на метле –
Уткнёшься взглядом в это чудо –
И жизнь становится светлей.

ЛЕОНИД БРАЙЛОВСКИЙ

Родился в 1952 г. Телец. Дорога длиною в жизнь: Украина – Узбекистан – Израиль. Пионер, офицер, инженер человеческих душ. В Ташкенте последние шесть лет возглавлял психологический центр семьи и брака. Издавал буклет «Элита». Неоднократно печатался в областной и городской периодике. Поэт – песенник, бард. С появлением внуков, с удовольствием пишу для детей! Псевдоним: Дедушка эЛ. Публикую в «Русских рифмах» и «Стихи РУ». Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА). Живу в Ришон ле-Ционе. E-mail: Leor1@012.net.il

Я никогда не пишу стихов!

Я никогда не пишу стихов!
Это стихи мои мысли пишут,
Как бы снимая с них тайны покров:
Душу мою они лучше слышат!

Я никогда не пишу стихов!
Чувства мои говорят стихами
И в отпущение тяжких грехов,
Стих очищает меня строками!

Я никогда не пишу стихов!
Просто лечу мотыльком на пламя
Выплывших, где-то из сумерек слов,
И освятивших меня стихами!

Я никогда не пишу стихов!
И не считаю себя поэтом!
Просто, впитав в себя знание основ,
Как бы присутствую в таинстве этом!

Я никогда не пишу стихов!
Я, как озоном, дышу стихами!
Я растворяюсь в поэтике слов,
В Блоке, в Есенине, в Мандельштаме!

Я никогда не пишу стихов!

Зарисовка

Над рекой туман сгустила осень,
 Бабьим летом потянуло вдруг.
 Расстелил ноябрь седую просинь,
 Воздух свеж, печален и упруг.
 В лёгкой ряби Пекша* в полудрёме,
 До зимы уже рукой подать,
 Сиротливо зябнет лист на клёне,
 Впору кисть с мольбертом в руки взять.
 Поросль кустов осиротело
 Жмётся к отражению в воде.
 Солнца луч, пробившийся несмело,
 Замер, будто что-то подглядев.
 Где-то робко иволга всплакнула
 И опять повисла тишина,
 Да берёзка нежная взгрустнула,
 Будто ей привиделась весна.

* Речка в г. Кольчугино

Одиночество

Старый сквер поникшими ветвями
 Осень запоздалую зовёт,
 Лист багряный стелется как пламя
 Между створками резных ворот.

Серую потрескавшейся коркой
 От пожухлой скрученной травы
 На щеке небритого пригорка
 Выглянул обрывок бечевы.

Тянет ветер по пустой аллее:
 Щепки, сор, окурки папирос
 И стеной обшарпанной белеет
 Дом, что неуклюже в землю врос.

Покосились старые перила,
 Будто вышли к ветру на поклон,
 Горьким одиночеством сквозила
 Ветхая заброшенность окон.

Пустота щемящим завываньем
 Билась об усталый парпет.
 Старый дом покинут на закланье,
 Но хранящий верности обет.

Некогда украшенный лепниной
 И плющом обвитый мезонин
 Целовался с трепетной осиной,
 А теперь и он совсем один.

Растворилось в створках бабье лето,
 Отзвучала духовая медь,
 Солнца луч, скользнув полоской света,
 Не успел мне душу отогреть...

Мечта

Ночной аэропорт,
 Зовущие огни.
 На взлётной полосе
 Серебряная птица.
 Звучит турбин аккорд
 И вдаль меня манит,
 Заветною мечтой
 По небу прокатиться.

Стрелой умчаться ввысь
 И слившись среди звёзд,
 С косматых облаков
 Красною насладиться!
 Сквозь строй седых веков
 Познать бессмертья миг.
 Прожить всё заново
 И снова в жизнь влюбиться!

ПАВЕЛ БРОНШТЕЙН

Родился в 1971 году в Украине, г. Харьков. Окончил Харьковский институт искусств, актёрское отделение. С 1995 года живет в Израиле. Участвует в различных творческих проектах. Автор нескольких песен и пьес, лауреат третьего Израильского молодежного литературного фестиваля.

Всё неправильно, заморожено.
 Пирамиды стихов в развалинах,
 Не гляди на меня восторженно,
 Я такой, как и все, – неправильный.
 Всё низвержено и потеряно,
 А морали здесь быть заказано,
 Стало вечным всё то, что временно
 И ничтожным – что недосказано,
 Стало явным бывшее таинство,
 Оказалось совсем не тайное.
 Не пытайся мне, жизнь, понравиться –
 Это лесть (между прочим, явная).
 Я хотел быть лучше возможного
 И нищим монеты раздаривал.
 Быть собою – штука не сложная,
 Сам себя я в пути уговаривал...

Очарован хрустальной высью
 Небосвода. Сойду ль с ума?
 И глаза облаков белобрысых,
 И лугов золотых хохлома
 Отпечатались в сердце истомой,
 Затопили приливом нутро,
 Моё счастье в краю лепестковом,
 Где стекает с ветвей серебро,
 Где ложатся, целуясь с водою,

Одуванчики. Снилось уже,
 Что несла мне росинки в ладонях,
 Словно их сотворил Фаберже,
 Моя вера – в горбатой дороге,
 Я счастливой судьбы пилигрим...
 И пускай мне завидуют боги,
 Как когда-то завидовал им!

ЯКОВ БРОНШТЕЙН

Родился в 1933 году в Житомире (Украина). Доктор экономических наук, профессор. В Израиле – с 1990 года. Живет в Афуле.

Из НООМИ ШЕМЕР

О всем сущем

О Господь Благословенный,
 Все вверяю я тебе:
 Дочь-малютку, эти стены,
 Жизнь и все в моей судьбе.
 Сохрани ж и жаркий пламень,
 И прохладу чистых вод,
 Путника, что издалека
 В отчий дом сейчас идет.
 О всем сущем и живущем
 Позаботься, Боже мой:
 Мед ли сладкий, яд ли жгучий,
 Сладость, горечь, холод, зной...
 И надежду не забудь,
 Проложи счастливый путь!

Не корчуй младую поросль
 Для страны многострадальной
 Проложи счастливый путь!
 Чтобы дом мой был со мною,

Чтобы дом мой был со мною,
 Эти стены, этот сад,
 Чтоб не звать нас с войною,
 Чтоб не звал нас к ней набат.
 Сохрани любую малость:
 Росной капли тихий звон,
 Плод, пока что не созревший,
 Не раскрывшийся бутон,
 Шорох листьев, рек журчанье,
 Блеск дрожащий звезд в ночи –
 Это Божье Мирозданье
 В душу каждого стучит.
 Ниспошли свою нам благодать,
 Сбереги покой души,
 Мир, любовь... и эту песню
 /С переводом!/ сбереги!

(перевод с иврита)

МАРА БУДОВСКАЯ

Родилась в Новосибирске. В Израиле с 1990 года. По образованию – математик, по профессии – программист. Живет в Реховоте. Пишет стихи, прозу. Лауреат международного конкурса им. Корчака в Иерусалиме в номинации «Проза». Автор книги прозы повести «Деление на ноль запрещено» (Э.РА, 2007).

Освященные союзы
 Заключаются на небе,
 А подгнившие арбузы
 Хороши на чёрством хлебе.

«Руки мой перед едою» –
 Очень верное присловье,
 Есть немые талоны
 Страшно вредно для здоровья!

Всё ужасно, всё успешно,
 Всё по благу, всё по плану,
 Всё надолго, всё поспешно,
 Всё – в карман, всё – по карману.
 Веют новые тайфуны,
 Тлеют красные косынки,
 Тихо, грозно и угрюмо
 Созревают предпосылки.

1985

Многоканальное телевидение

Вот послушай – какие-то звуки...
 Ночь, Израиль, темно, телевизор.
 В телевизоре плавают рыбы,
 Чьи-то движутся голые ноги,
 Чьи-то шепчут зеленые губы,
 Кто-то дует в блестящие трубы,
 Партизаны поют про дороги,
 Президенты торчат, словно глыбы,
 И кондом отпускает провизор
 В неокрепшие детские руки.

А в Испании пляшут фламенко!
 Пляска – жизнь, но короче и лучше,
 Песня – смерть, но длиннее и тоньше.
 Андалузия скрыта от солнца
 Черно-красной мантильей ажурной.
 Скрыта дымкой стыдливо-амурной
 Фудзияма от взгляда японца.
 Пляска – жизнь, но короче и лучше?
 Песня – смерть, но длиннее и тоньше?
 Это надо спросить у эвенка...

А что-то есть в еврейских лысых папах,
И в их подтяжках, шахматах и шляпах,
И в склонности к обильному обеду,
И в зависти к счастливому соседу.
И что-то есть в еврейских толстых мамах,
В их бигуди и расписных пижамах,
И «в талию» затянутых плащах,
И в сваренных как следует борщах.
И что-то есть в еврейских милых детях,
В варёных джинсах, книжке о Тибете,
Подпольных сведеньях об «алеф-бете»
И скрипке, выпоротой в туалете.

Домик с одним окном,
Мраморные пороги.
Ёжик лежит клубком,
Блеют единороги.

Крыса ведет хвостом
Умные разговоры ...
Домик с одним окном,
Заросли мандрагоры.

Спящие не встают,
Если звонит будильник.
Домик. Тепло. Уют.
Шелест мышинных крыльев.

Мёртвая вонь старух,
Розовый пух младенцев ...
Рой бледнокрылых мух
Вскидывает коленица.

Лошади без подков
И без свечи – подсвечник,
Голые, без штанов,
Дети пасут овечек.

Золото пыльных книг,
Слабый коньячный запах.
Жирный мышонок стих
В цепких кошачьих лапах.

Домик с одним окном,
Комнаты, счетом – девять ...
Смерть не заходит в дом, –
Что ей там, бедной, делать?

1998

БОРИС ВАЙНШТЕЙН (1922-2004)

Родился в Виннице на Украине. В 1944 г. он получил в Уфе (в эвакуации) диплом врача. Был ранен и контужен в боях за Варшаву. Много лет работал военным врачом; ушел в отставку в звании полковника медслужбы; доктор медицинских наук, профессор-офтальмолог. Имел 30 наград. Автор четырех книг по специальности. Стихи и прозу писал и публиковал с 1939 года; являлся также профессиональным признанным художником, автором 60 полотен маслом. Им были написаны 10 книг художественных воспоминаний, в том числе: «От войны до исхода» (Москва, 1996), романтическая повесть «Дорога в страну любви» (Иерусалим, 1998), «Мозаика» (Израиль, 1999) и три сборника стихов. В Израиль репатрировался в 1990 г. Два года проработал в иерусалимской больнице «Хадас эйн Керен», с 1993 года жил в Кирьят-Гате. Постоянно публиковался в газете «Новости недели».

Сорок первый

Вы помните город родной,
Где первую радость познали,

Где девушку с русой косой,
Робея, домой провожали,
Где детство беспечно прошло,
Как лето в полях Украины,
Где утро впервые взошло
Под свист разорвавшейся мины?

За далью лет

За далью лет, ты память лишь задень,
За дымкою святых воспоминаний
Всплывает зимний и прозрачный день
И вечер в фосфорическом сиянии,
В сиянии лунном снежной белизны,
И тишины такой, что глухнуть впору,
Как будто нет и не было войны,
И некому вспугнуть любовь укором.
Еще не утолила жажду смерть.
И в белые снега, что в комья ваты,
Она швырнула всех, как в круговерть,
Виновных и ни в чём не виноватых.

Одиночество

Оно без запаха и цвета, – одиночество.
Только вес его подчас невыносим.
Та тяжесть ранит нас чуть-чуть в дыму отрочества,
Но убивает наповал в расцвете сил.

Сладкие плоды

Почему так сладки наши внуки?
Им, не детям, души отдаем,
Подставляем трепетные руки.
Благодарности в ответ не ждём.
Путеводною звездой светим
Чаще им, не детям. Отчего?
Оттого, что дерево – есть дети,
Внуки – сладкие плоды его.

Моей Ирине

Пусть хитрейших приборов ответы
Укажут на скверный прогноз,
Наплевав на дурные приметы,
Я осознанно лягу под нож.
Будь, что будет, но я, как и дети
Верю в сказку, в её чудеса.
Я останусь на этой планете –
И душа не уйдёт в небеса.
И к тебе я вернусь в одночасье,
Ты, как прежде, меня позови.
Мы ещё повоюем за счастье,
За продление пашей Любви.

22 августа 2004

СВЕТЛАНА ВЕЛЬКОВСКАЯ

Родилась 17 июля 1970 г. в Саратове. Окончила физико-математическую и музыкальную школы. По образованию – учитель математики и информатики, по второму образованию инженер-программист. Без всякого образования – самообучающаяся мама и жена. Публикации – «Антология Самиздата», 2005. Несколько лет прожила в Израиле. Сейчас живет в США. Автор сетевых ресурсов: Стихи.ру, Рифма.ру, Проза.ру, Термитник, Самиздат, Заграница, Точка Зрения.
http://zhurnal.lib.ru/a/anthology/announce_1.shtml
 E-mail: svetlinkaus@yahoo.com.

Гончар

В углу, за тканью суеверий
 Горит свеча,
 Там истина за каждой дверью,
 Слепой гончар
 Сидит. И круг гончарный крутит
 Вертлявый смерч,
 И пальцы не боятся сути –
 Как горы с плеч
 Слои снимают за слоями –
 Грехи и ложь,
 Хоронят их в глубокой яме,
 Цена им – грош.
 А ветер спит в твоём кармане –
 Да что гроши?
 Не могут жить: душа – в обмане,
 Мир – без души.
 И вот гончар, роняя слёзы,
 Свечу – в замес,
 А все подумали, что звёзды
 Летят с небес.

Как хорошо Рахили танцевала!

Стасику, моему папе, и его брату Грише

Как хорошо Рахили танцевала!
 Играла музыка. Смех, юность, красота.
 Рахили никогда не уставала,
 Неугомонная, не девушка – мечта.
 Она кружилась по огромной зале,
 По садику – в горошек сарафан,
 И каждый провожал её глазами,
 И чувствовал, что в танцах он профан.

Играла музыка, а музыка играла,
 Оркестрик маленький иль новый патефон,
 Как хорошо Рахили танцевала,
 И был правдоподобен этот сон.

А он однажды за калитку вышел,
 Кудрявый, безбородый, прыть да статью,
 Любимый всеми, мастер дела, Фишель,
 Девчонкам ни за что не устоять.

Как хорошо Рахили танцевала,
 Ах, просто заглядение одно,
 Она его легко околдовала,
 И свёкра со свекровью заодно.

Как хорошо Рахили танцевала
 С пелёнками, с кастрюлей, боже ж мой!
 Стирала, выстирала одеяла,
 Чтоб милый отдохнул, придя домой.

А музыка по-прежнему играла...
 Судьба... Порой, безжалостна она –
 В разгар любви, веселья, счастья, бала
 Гром с неба прогремел – война. Война!

И Фишель снова за калитку вышел,
Кудрявый, безбородый – прыть да стать.
И мальчуганов, Стасика и Гришу,
В слезах прижала к сердцу крепче мать.

И было горя, бед и слёз немало,
И плач детей, сирен зловещий вой,
А по ночам Рахили танцевала,
И Фишель возвращался к ней, живой.

Осень в апельсиновом шарфе

Этот дождик за окошком всё сильнее, всё осенней,
Словно всё отмыть желает он от желтизны.
Плачет, скачет и смеётся – непонятное веселье,
И стекает серебристо с веточек резных.

Напоил мой дом кирпичный, по усам течёт игриво,
Водосточным, оркестровым – льётся через край.
И на крышу тоже вышел, балансирует, вот диво
Попрошу его – услышит? О любви сыграй!

Ах, какое наслаждение это дождика творенье,
И машины в упоенье, и деревья подшофе,
Я под зонтиком обычным скрыть пытаюсь изумленье,
Вот идёт навстречу осень в апельсиновом шарфе.

Этот дождик по аллеям, этот запах по дорожкам,
Эта свежесть, это время, словно колдовство.
Я иду от счастья млею и мяукаю, как кошка,
Третьим голосом к дуэту ветерка с листвой.

Апельсиновая осень, апельсиновое детство,
Дождь выделяет скерцо, фонарей столбы...
Надо же стучит как сердце, ты живёшь не по соседству,
Дай же памяти согреться: вспомнив, не забыть.

ЯКОВ ВЕРХОВСКИЙ

Родился в 1961 году на Украине. Окончил Театрально – художественный институт в Ташкенте. Печатался в альманахе «Молодость» и в журнале «Звезда Востока» Репатрировался в Израиль в 1991 году. Живет в Ашкелоне. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Древний город

Стволы – как лапы древних черепах.
В тени аллеи пальмовой, как шах персидский, в ритме опал
я плавно и торжественно ступал
на стершиеся каменные плиты.
И город возвышался на горе
многовековым белым монолитом.
Светило солнце в мягком сентябре,
и открывало мне ворота в город.
Дорога поднималась круто в гору,
и я вошел в далекий тихий мир
пустынных улиц, спален и гостиных.
Молчали лары* возле очагов,
гудел базар и горсть бесценных слов
держал поэт, и был отдать готов,
но, видно так и не нашел причины.
Я шел по улицам и заходил в дома;
смеялись дети, топали верблюды,
и женщина с фарфоровой посудой
шагнула вправо и вошла в туман.

* Лары – духи очага (рим.)

А было б ничего, когда б мы утром сели
на белый пароход до дальних островов...
Нам хорошо и так, – лежать в одной постели,
нам очень хорошо, но было б ничего...

Немного красного в палитру для тепла,
чтобы дорога на холсте вела
меня к любви и очагу, и дому,
и слову, удивительно простому...
А за стеной грохочут пушки грома,
и хлещет непогода мой ночлег
с той стороны, где ветер, дождь и снег.
С той стороны, где снег и дождь, и ветер
срывает окна с неподвижных петель
залитых белой краской век назад.
Вдруг со стены слетает стрекоза,
оставив в стенке ржавую иголку,
как мысль о вечности, в углу у книжной
полки...
Добавлю красного, чтоб высохла слеза.

Женщине, делающей тай-чи

Руки плывут в первых лучах,
плавно играют на солнечных струнах,
тихо звучат бессловесные руны...
Мысли молчат.

Вы растворились – движение, свет,
руки, дыхание...
Кто вы такая? Сколько вам лет?
Что за плечами?

Как вам плывётся в женской судьбе,
так же ли плавно?
Так же свободно, как по траве
влево и вправо?

Мои ладони просят подаянья
твоих колен и бёдер, и спины.
И я совсем не чувствую вины
за святотатство нашего свиданья,
за губ твоих немое осязанье
в безбрежном поле звёздной тишины.

Все заняло свои места –
строка к строке и слово к слову.
И остаётся пустота
белее чистого листа;
Как будто ничего живого
вокруг. В начале было слово.
И слово было у тебя.
Ты вышла мокрая из душа.
Сказала: «Милый мой, послушай,
замёрзла я...иди сюда».

Мне страшно трогать звук;
я разбудить боюсь
весь спектр голоса
раскатистого грома.
И вот в руке строка,
натянут гибкий лук.
Расслабься, соберись,

здесь не возможен промах, –
 успеешь ли пустить
 за первую стрелой
 стрелу вторую
 в корень, влёт, в основу.
 Мне страшно трогать звук,
 я искренно боюсь
 не отыскать
 единственного слова.

ВЛАДИМИР ВЕЙХМАН

Родился в 1934 году в Хабаровске. Окончил высшее морское училище им. адмирала Макарова. Участвовал в дальних плаваниях, работал помощником капитана на рыболовных судах. Преподавал мореходные науки в вузах Дальнего Востока и Калининграда. Кандидат технических наук. В 50-е годы его стихи публиковались в сборниках молодых ленинградских поэтов. В Израиле – с 2000 года, живёт в Ашкелоне. Печатается в периодике России и Израиля. За последние годы вышли две книги его стихов и четыре книги прозы. Член Союза русскоязычных писателей Израиля

Я здесь лежу – не помню, сколько лет;
 Веков, пожалуй, тридцать наберется.
 Давно песком засыпаны колодцы,
 Те, у которых оставлял я след.

Потомки, коим имя – легион,
 Да будет вами образ мой воссоздан!
 Путь корабля угадывать по звездам
 Я сызмальства был даром наделен.

Мне ведом был морских течений ход,
 И клики чаек предвещали сушу.
 Попутный ветер услаждал мне душу,
 А встречный ветер добавлял забот.

Но не боялся я угроз судьбы.
 Я выбирал гребцов из самых рослых
 И разом в воду опускали весла
 Мои «живые мертвые» – рабы.

К рабам я снисходителен бывал:
 Хлестал бичом по спинам их сутулым
 И вдоволь хохотал, когда акулам
 Кого-нибудь на завтрак отдавал.

Я знал секретный путь в страну Офир,
 У берегов ее вставал на якорь;
 Там каждый камень под ногами – яхонт,
 Любая галька на песке – сапфир;

Там стерегут вечнозеленый лес
 И по ночам кричат истошно птицы;
 В обмен на золотистую пшеницу
 Там золото скупал я – вес на вес.

Я не страшился никаких препон
 И цель свою преследовал упрямо:
 Из золота для украшения Храма
 Скует щиты мудрейший Соломон.

А из стволов сандаловых деревьев
 Он в Храме том соорудит перила,
 Чтоб светлый Храм красой затмил светила
 И возвышался, небо подперев.

Сияет медь пилястров и колонн,
Обшиты стены благородным кедром.
Он за труды мои заплатит щедро,
Великий царь, мудрейший Соломон.

Руки, дающей милость, не отринь!
Меня не тянет к женам перезрелым,
Я отдохну душой, но больше – телом
В объятьях юных, трепетных рабынь.

Однако женский надоедлив визг.
Когда мне станет приедаться сладость,
Приду к царю, взмолюсь: «Даруй мне радость,
Отправь, мудрейший царь, в страну Фарсис!»

Страна Фарсис – далекая страна.
Три года ждать меня велю домашним.
А помирать-то, в сущности, не страшно:
Жизнь все дешевле в наши времена...

АЛЕКСАНДР ВИНОКУР

Окончил во Львове среднюю школу, мехмат МГУ. По окончании университета жил в Киеве, Львове, в Армении. – В Израиле с 1992 года. Сфера профессиональной деятельности – разработка алгоритмов и программ для компьютеризированных систем железнодорожного транспорта, торговли, электроники, телекоммуникации, для теории сжатия данных, теории алгоритмов и теории чисел. Кандидат физико-математических наук. Стихи пишет с 1965. В 90-е годы публиковался в русскоязычных израильских газетах, выступил со стихами в передаче израильского радио на русском языке. В 1994 году выпустил сборник стихотворений «Конец сезона» (Тель-Авив, издательство «Arcadia Press»). Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Случайно сказанное слово
Раскроет душу до конца.
Так лист наброска чернового
Хранит волнение творца.

Случайно сказанное, злое,
Оно несёт из глубины
Всю боль сомнений, боль, какую
Бываем мы поражены.

Когда легко и без помарок
Слова пойдут за строем строй,
Сумей увидеть беспорядок
За отчеканенной строкой.

Художнику легче –
Он пишет с натуры.
Что видит, то пишет:
Цвета и фигуры.

Поэту труднее.
Он слова не видит.
Сначала он любит,
Потом ненавидит.

Потом он берёт
Раскалённое слово,
И стихотворенье
Почти что готово.

А чтобы поставить
Последнюю точку,
Он в жизни меняет
Последнюю строчку.

Над городом трезвон колоколов.
Испуганные птицы улетают
И долго путь прощальный совершают
Над городом, где звон колоколов.

Потом, как бы в предчувствии беды,
Колокола и птицы замолкают,
А люди маски с лиц своих срывают,
Как перед наступлением беды.

Встревоженные птицы улетят.
Их юг к себе и так всё время тянет.
Колокола трезвонить перестанут,
И только люди помнить не устанут,
Какими могут быть, когда хотят.

Война. И снова взвод за взводом...
Нет-нет. И снова сын за сыном,
И муж за мужем, брат за братом
Уходят в топи и болота,
Уходят в горы и пустыни,
Уходят в небо и под воду,
И остаются насовсем...

Потом им памятник поставят.
Один на всех, в конечном счёте.
Потом их матери и жёны,
Потом их сёстры и подруги,
Остаток жизни коротая,
Их будут помнить молодыми,
Их будут помнить пожилыми,
И будут помнить их такими,
Какими их не знал никто.
Не знал никто и не узнает...
Но это будет всё потом.
Ну, а пока что взвод за взводом,
И батальон за батальоном,
И все, кто есть на белом свете,
Уходят с песней невесёлой.
Уходят с песнею...
Уходят.
Война!

Как говорят, атака захлебнулась.
И захлебнулся мальчик быстрой кровью.
Когда упал он нехотя, как будто,
Как будто балуясь,
Как будто бы играя,
Как будто полежит и снова встанет,
И вновь с друзьями будет он носиться,
Пока его не позовут: «Обедать!».

Россия встала на дыбы,
Поводья где-то волокуются.
Лишь соскочившие спасутся,
А прочим – ждать своей судьбы.

Но разве можно тем помочь,
Кто сам себе не помогает,
И не живёт, а доживает,
Себя не в силах превозмочь?

Как этот выбор невелик:
Ни соскочить, ни зацепиться...
Хотелось жизнью насладиться,
А получился черновик.

Разлом эпох. Как прорубь между льдинами,
И люди в обжигающей воде.
Как выжить, как остаться невредимыми?
Читать Евангелие? От кого и где?

Эпохи друг от друга отдаляются.
И человек, попавший под разрыв,
В последний раз спасти себя пытается...
Спасёт, но только жизнью заплатив.

Деревья Хаффмена и числа Фибоначчи...
Их связь неочевидна, не видна.
Увидеть и узнать её – удача,
Которая сближает времена.

Зачем сближать? Что с этой связью делать?
Возникшая как лёгкий карнавал,
Теперь реальность жёсткая, владеет
Всем связанным и тем, кто всё связал.

И ничего нельзя переиначить...
Стремимся к цели, позабыв о том,
Что даже и решённая задача,
Спросив одно, ответит о другом.

Смех за окном. И запах лета.
Тепло – преддверие дождя.
Босые ноги по паркету
След оставляют. А нельзя.

День между вечностью и детством.
Один из тех счастливых дней
Когда случайного соседства
Закономерности видней.
Как будто дубль последний фильма:
Дрожит связующая нить,
Спасая нас надеждой мнимой –
Себя, достигших, повторить.

«В забытом Б-гом Новом Буге» –
Строка, которой двадцать лет,
Бежит по замкнутому кругу.
Одна. Других все нет и нет.

Тот город, без воды и кранов,
С осадком горечи на дне
В часы иные жизни странной
Строкой одной сидит во мне.

Ноги в холодной воде арыка.
 Семьдесят третий год.
 Несколько дней вдалеке от криков
 И от других забот.

Солнце в зените, нас не жалеет.
 Но хорошо и так...
 Воспоминания тлеют и тлеют,
 Не догорят никак.

Здесь фильмы ужасов снимать.
 Дома как будто нежилые.
 И эти улицы кривые
 И страх, что трудно передать.

Деревья как столбы стоят,
 Стволы без листьев и без веток.
 В осколках солнечного света –
 Вполне приемлемый наряд.
 От темноты до темноты
 Проходит время, не меняясь,
 В пространство перевоплощаясь
 У разделительной черты.

ИННА ВОЛЫНСКАЯ

Родилась в Баку. Окончила Азербайджанский институт нефти и химии в Израиле с 1992 года. Стихи публиковались в альманахе литераторов Юга «Талисман пустыни», в газете «Новости недели, в журнале «Хронометр», в альманахе ЛИТО «Негев» «Талисман пустыни-2», в газете «Новости». Живет Беер-Шева. Автор книги «Белый след» (Э.РА, Москва-Тель-Авив). Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Подальше, подальше от зла.
 Под грузом обид – отползла.
 Зарылась в горячий песок.
 Вздохнула: «Живая!» Бросок,
 И я у волны – пелены.
 Мы с нею, как птицы, вольны.
 Пусть рана от соли болит,
 Меня эта боль исцелит!

А воздух был тяжёл и сиз.
 Глядело небо хмуρο вниз.
 И туча чёрная брела,
 Как будто силы берегла.
 Кричало громко воронье.
 Ты прошептала: «Всё враньё!»
 Себе признаться вдруг смогла,
 Что столько лет одна была.

Ностальгический сон

Ступени гладки и светлы.
 (По сторонам лишь лёд).
 Рукой дотронулась – теплы,
 А дверь кто отопрёт?

Ни от меня и ни ко мне,
 Не снять её с петель.
 Ржавеют петли и во сне,
 Когда в душе метель.

Эйлатскому дельфину

Быть может, ты иной не жаждешь доли,
 Свободы и не просишь у судьбы.
 Хоть дельфинарий – кроха синей воли,
 Вселенной ты не шлешь свои мольбы.
 Тогда зачем, скажи, с волною споря,
 Мой взгляд ловил? Пути ко мне вели?
 Так знай, дружок, не жить тебе без моря,
 Как мне не быть без краешка земли!

КЛАВДИЯ ВИНОГРАДОВА

Родилась в 1954 году в городе Ромны, Сумской области, Украина. Окончила историко-филологический факультет Ярославского педагогического института. В Израиле с 1997 года. Писать начала здесь. Стихи и проза публиковались в альманахе *Юг*, а также в коллективных сборниках творческого объединения *Тропа* и в периодических изданиях. Живет в Ашкелоне.

Краски Цфата

Краски Цфата прочные, как камни,
 Яркие, как красные цветы.
 Небеса похожи на подрамник,
 Улицы – на пёстрые холсты.

Охра обветшалой черепицы
 Золотом в полуденных лучах,
 Кипарисов бархатные спицы
 С кружевами на резных плечах.

И удод коричневей корицы
 На тончайшем бисере песка,
 И смоковниц сморщенные лица,
 Под корой хранящие века.

Жаркий ветер северного Цфата
 Цвета окруживших город гор.
 Солнце цвета зрелого граната
 Глянцем красит городской узор.

Я жила когда-то в Зурбагане,
В старом доме на семи ветрах,
Где бутоны розовой герани
У ворот стояли на часах.

Прямо у порога грелось море,
И на солнышке дремал песок;
Мир со мною ни о чём не спорил,
Не подглядывал за мной в глазок.

Старый Эгль, бывало, вечерами
Приходил о чём-то помолчать.
В очаге мы раздували пламя,
И с бутылки падала печать.

А однажды утром, на рассвете,
Юный Грей мне помахал рукой,
Промелькнула в платье легко-светлом
К парусам бегущая Ассоль.

Я жила когда-то в Зурбагане,
На границе суши и мечты,
В городе с немислимым названьем,
В городе нездешней красоты.

Апельсины из старого Яффо
Пахнут солнцем, водой и травой
Сад Эдемский Всевышнего Яхве
Упирается в небо рукой.

Жёлтым пламенем светится роща,
Отражаясь в ладонях листвы,
Ничего нет сложнее и проще,
Чем коснуться рукой красоты.

Угадать на оранжевой плоти
Тонких пор безупречную вязь
И прочесть письмена, потревожив
С дальним прошлым незримую связь.

Вдруг услышать над рощей крылатой
Ветры оных и будущих лет
И в вечерней тиши, на закате,
Лик потомков своих разглядеть.

В апельсинах из древнего Яффо
Сок и сладость нам данной Земли,
В апельсинах из старого Яффо
Зёрна жизни, добра и любви.

ВИТАЛИЙ ГИЛЛЕР

Родился в 1944 году в Челябинске. Окончил Могилевский машиностроительный институт. В Израиле – с 1991 года. Стихи пишет со школьной скамьи. Печатался в республиканской «Рабочей газете» Украины, в заводской многотиражке, на сайте Стихи.ру. Живет в Петах-Тикве.

Рассвет над Иудеей

Выплывает рассвет из-за гор Иудей,
Свежим ветром повеяло с древних холмов.
В этот миг я уже ни о чём не жалею.
Лишь молиться, молиться и плакать готов.
И дышу красотой, насыщаюсь, как хлебом,
Словно жажду души утоляю водой...
И смотрю, и смотрю в воспалённое небо
Над страдающей болью раздоров землёй.

Вот и огненный шар, как голландец летучий
 Абордажем врывается в облачный строй,
 Рвет на части лучами свинцовые тучи
 Над политою кровью святою землей.
 И, прищуриль глаза, то ль от слез, то ль от света
 Я пытаюсь увидеть в тревожной дали,
 Как посланец небес, вместе с новым рассветом,
 Обновит этот древний кусочек земли.
 И закончатся распри, улягутся споры.
 Всем достанется место под сводом небес.
 И насытятся все чистотою просторов,
 Красотою рассветов над краем чудес.

Закат в Иудее

Ты посмотри на это небо
 В багровых сумерках заката.
 Как жаль, что ты ещё здесь не был.
 Восток – не запад, ох не запад.

Ты посмотри на Землю эту –
 Источник мудрости и света...
 Как разделить клочок природы
 Двум обездоленным народам?

Здесь не просторы Украины,
 Бескрайние поля и нивы
 И заповедные леса...
 Где я и сам блуждал когда-то.
 В лучах пурпурного заката
 Искал заветную тропу,
 Что шла к излучине дороги...

Да только искалечил ноги
 Огни, коряги, сухостой,
 Но так и не добрался к той –
 Заветной для меня дороге.
 Что ж, не сбылось... И слава Б-гу,
 Что хоть остался сам живой.
 Зарубцевались раны. Боли
 Нет по бесплодным временам,
 Которые остались там...

Теперь гляжу в глаза заката,
 И многое меняет цвет:
 Что было розовым когда-то,
 Поблекло в суматохе лет.

Что было ярким и значимым –
 Сереет в сумрачной дали.
 Знать, годы тихо и незримо
 С собою краски унесли.

А в небесах всё также властно
 Пылает красками закат.
 Жизнь удивительно прекрасна
 Везде, хоть нет пути назад..

В закатном пламени сгорая,
 Уходит солнце на покой.
 И место ночи уступает...
 Чтоб завтра встретиться с тобой.

ВИКТОР ГИРНИК

Родился в 1969 на Украине в г. Кривой Рог. Имеет среднее техническое и художественное образования. Работал в сфере изобразительного искусства и дизайна. Гитарист, автор-исполнитель песен в стиле джаз, ритм&блюз. В Израиле – с 1998 года.

Help!
Ashkenazi-RAP.

А в Христофоровку бежать, а чё, слабо?
В пять часов утра,
с факелом в руке,
в поисках любви...

Ashkenazi-RAP. Help!

У тебя отняли закат над морем,
у меня украли ночные думы,
и оставь, – не тронь, пусть лежит надежда.
Он убит каким-то своим горем

Как не жить
ради своей боли?
Не любить? Нет сильней жажды!
Так иди – ветер найди в поле
и в одну реку войди дважды!

А долги, и слезу, и венок,
венки к изголовью.
Торопливо отрубленный срок –
Ты сам себе Ирод!

И ты чувствуешь, как ты любим этим миром,
но, ты знаешь,
ты как бы убит
этой любовью...

За окном осень,
плавни.
У окна двое
они знают –
Наступил час собирать камни
а круги на воде
тают, тают...

И ты слышишь зов,
не иначе,
даже
если ветер – ветер срывает крыши.
Ты придешь,
придешь – затворяешь ставни,
повторяешь, молишься,
тише, тише

Вчера

Ах, зачем отпыхали те костры...
Те костры...Весной...
Отчего вчера
суперхит до сих пор?..

Мы хотели выжить с памятью, спастись,
но спастись за горой,
за горою, стало быть, и грозой неударенными...

Зря разрубленные дали собирали мы,
Зря костры отпыхали,
и в конце зимы...

Отчего-то до сих пор я помню – пьяный был...
 Заколдованные песни пел, потом – остыл...
 И поплыл по перелескам, по воде озёр
 Закалённой сталью дерзкой стал, и слух остёр
 и из двух сестёр познал единоверицу
 и таким счастливым стал,
 что аж не верится!
 До сих пор...

АРКАДИЙ ГИТЕЛЬСОН

Филолог. В Израиле – с 1990 года. Публиковался в периодической печати России и Израиля, участвовал в коллективных сборниках. Автор трех поэтических книг. Финалист и лауреат всеизраильского литературного фестиваля. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Живет в Ашкелоне.

Сtereo-стор

Среди ресничек острых,
 Проросших в ряд и врозь,
 Одна, словно апостроф,
 Чуть отогнулась вкось.

Взирает с безразличием
 На пляс зрочка под ней-
 Лесничего ресничья,
 Стрельца меж двух аллей.

Видать, тасует некто
 Как на душу пришлось
 И ракурс, и объекты,
 Ему смещая ось.

Под этакой эгидой
 Уходит ум за ум
 От множества прикидок
 На Лазаря обум.

Ночной мираж (палиндром)

...И лихи тени и луна.
 К аду кони летели.
 Но куда канули?
 И нет их или?..

Белка

Ветра обуревают деревья.
 Их кроны распластались как ромашки.
 Озноба схваткам руки развязав,
 До комля по листве бегут мурашки.

Как в катастрофе, рассыпают чеки,
 С мольбою испустив последний взгляд.
 И взбалмошные сквозняка набег,
 Похоже, косят лист за рядом ряд.

Деревьев остов — как шерба развалин.
 Их умножает властная косьба.
 Летят бумаги, пыль, к богам воззвали
 Разломы стен: всё — взорванный госбанк.

Чуть сводит впечатленье белка, с треском
 Из верхних веток к корню прянув вниз,
 Путь обозначив винтовой нарезкой
 И от разгона издавая визг.

Луг в рытвинках, как будто сумчатый.
Тропинки травяной фарватер.
И в сумерках пейзаж рисунчатый
Петлист и широкоформатен.
Рябь старого кинематографа
Расшила воздух, и цикады
Взыграли возле луга мокрого
На гибких скрипках пиццикато.

Штрихи и блики в виде оттиска
Их нот над мирозданием ветхим-
Как трепетность ресниц у гётевской
Волнующейся нежной Гретхен.
Напев сожмётся пневматически,
Мигнёт каскадным спецэффектом.
Отёчный вечер в пальцы тычется
И манится с ним спеть фальцетом.

Вприщур, обуглен как фитиль,
Взор, штопором вонзаясь, сверлит
Дат и событий конфетти –
Пространство плавает, как стерлядь.
Звенят, обличья процедив,
Как колбы – рядышком, смесь-о'-смесь –
Смятений детских рецидив,
Иллюзий изумленный космос,
Секунд магнитный рикошет...
И в их сплетении глубоко
просвечивает, как торшер,
Плоть — окантовка кровотока.

ВИКТОРИЯ ГЛУХ

Приехала в Израиль из Украины в 1992 году.
Публиковалась в коллективном международном сборнике
«География слова» (Э.РА, Москва-Сан-Диего, 2001, состави-
тель Михаил Ромм). На сайте М. Ромма в Современном рус-
ском поэтическом архиве есть ее стихи (www.mromm.com)

Читателям

*«Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевной теплотой»
(«Мои читатели» Н.Гумилёв.)*

Я их собираю по крупичам,
по росинке, стебель к стебелёчку.
Я плету для них венок сонетов,
не терновый, и не кандалы с цепями
их ко мне привязывают – нити,
пряденные смелыми руками
искренних, прозрачных отношений.
Перед ними – душу наизнанку
в поиске единственно возможной
границы, иль полосочки, иль точки,
дАрящей блаженство совпадения.
А когда же мой читатель строгий,
Глядя мне в лицо суровым взором,
скажет: больше я тебе не верю,
в твоих строчках нет ни слова правды.
Отложу перо, отрежу косы,
и слова забуду, пока снова
не забьёт поэзии родник.

Декабрь 2000

Мартовски необязательны:
Вы, Ваше слово небрежное,
Запахи почвы разбуженной
И деревца с зеленцой.

Я ненормально мечтательна,
Я ускользающе нежная,
Платье моё отупожено –
И поцелуй леденцом.

К Вашей руке по касательной
Пальчиком. Темень крошечная!
Сердце стучит, как положено,
Глупым счастливым гонцом.

Я без границ занимательна,
Выводы сердца поспешные,
Мартовской встречи заложница -
Сказка с влюблённым лицом.

Март 2001

* * *

Только море – ласковое без причины,
Бирюза в оправе белых кружев,
Принимает всё, как есть, и чинно
Льёт и льёт береговые лужи.

Июнь 2001

То ли северное лето,
То ли южная зима,
Безрассудно не одета
Пляжа влажная спина.

Льдинами блестят медузы,
Тают слизи телеса,
Ветер песню о Карузо
Напевает парусам.

Бродит цапля белой каплей
В редкой зелени травы,
Лето нежится украдкой
На ладони у зимы.

23.01.2002

Небо торопится за горизонт,
Комкая облака,
Рвётся из рук чернокрылый мой зонт,
Вывернув все бока.

Льются потоки мутной воды,
Пряча в себе хамсин,
В рыжей грязи исчезают следы
Стареньких мокасин.

Всё это прелести южной зимы,
Сырость и ветра смех.
Горечь прибой и сладость хурмы
В зимнем меню потех.

БОРИС ГОЛЬДИНОВ

Живет в Хайфе, участник Литературного объединения «Анахну». Был одним из дипломантов конкурса поэзии «Северная лира» в г. Хайфа, посвященного 80-летию Булата Окуджавы.

Гравюра

На японской гравюре – дракон полетел
меж акаций и пагод
а внизу – человек – настрогал себе стрел,
научился не плакать

Невиновен же змей, что родился таким,
и еда его – падаль
Но стрелу отпустил лилипут, арлекин -
чтобы враг его падал

Справедливость придумал, чудака чудаком -
среди крови и мяса
Хирошимой ответил на это дракон -
всей критической массой

Но пока на гравюре стреляет стрелок
между белым и черным,
так и будет гадать – что же он одинок
между Б-гом и чертом?

НАХУМ ГОРОВИЦ

Родился в мае 1933 года, в местечке Тамашполь, Винницкой области. Окончил историко-филологический факультет Черновицкого педагогического института. Репатрировался в конце ноября 1990 года. Произведения публиковались в СМИ СССР и Израиля. Автор поэтических сборников: «Сыновья память» – 1979, СССР, «Миниатюры» – 1992, Иерусалим; «Обретение» – 1994, Иерусалим; «Разговор в четыре строки» – 1996, Тель-Авив; «Рождение песни» – 1998, Тель-Авив; «Отзвук» – 2005, Тель-Авив. Член Союза писателей Израиля. Живет в Тель-Авиве.

Молитва

Я хочу помолиться не по молитвеннику –
Шёпотом сердца, почти безмолвно.
Господи, дай больше силы защитникам
Обездоленных и невинных.
Дай им священного покоя
За правду стоять в Твоей обители.
Господи, пусть не торгуют Тобою
Ни толкователи, ни правители.
А мне, если можно, прости, пожалуйста,
Что просьбу свою непомерно превысил,
И то, что я принимаю и жалую
Бескровное инакомыслие.

Мальчик из гетто

Ветер колочий осенью,
Осенью весело ветру...
Грустно и холодно Йоселе –
Мальчику из гетто.

Даже очень маленьким
 Маленький нужен ужин.
 Плохо, когда нет мамы...
 Разве бывает хуже?
 Плохо, когда заборы,
 Плохо, когда за сеткой...
 Разве бывает горе
 Больше, чем детство в клетке?
 Ах, как странно на свете,
 Очень на свете странно...
 Раньше давали конфеты
 За каждый глоток сметаны,
 Раньше просила бабушка,
 Так умоляла, плакала,
 Ах, эти сладкие камушки,
 Ах, этот коржик с маком!
 «Будет, все будет после» –
 Так обещает ребе.
 Только сегодня Йоселе
 Хочет кусочек хлеба.
 Хочет совсем немножечко –
 Ах, этот коржик с маком!
 Если б не боль под ложечкой,
 Разве бы Йоселе плакал?
 Пусть бы болело горло,
 Пусть бы колело где-то...
 Кто это выдумал голод,
 Кто это выдумал гетто?
 Даже очень маленьким
 Маленький нужен ужин.
 Плохо, когда нет мамы...
 Разве бывает хуже?

Десятая весна

Моя десятая весна
 За Тель-Авивом недалече,
 А я по-прежнему вассал
 Российской полнозвучной речи.
 И боль попрал я, и тоску,
 И языки другие знаю,
 Но, как в младенчестве к соску,
 К ней упоённо припадаю.

Выпейте, ребята, за еврея

У друзей моих
 Сегодня Новый год.
 Боже мой,
 Я без былых забот,
 И не там,
 Где ширится застолье,
 Где хрусталь
 Восторженно звенит.
 Я, по настоянию истории
 Вовсе на другом
 Куске земли.
 Милые, я вас
 Не забываю
 И сегодня с вами,
 Как и встарь,
 Но на свете
 Есть страна такая,
 У которой личный календарь.
 Я обрел её, уже седея
 И пока придет
 Мой Новый год
 Выпейте, ребята, за еврея,
 Пусть ему немножко повезет.

Кто мы

Кто мы, идущие за Богом
 Дорогой мира и войны,
 То до безумия вольны,
 То скованы Законом строгим?

Кто мы, что так не много нас
 В бесчисленной толпе семитов,
 Что в мире чтимы, знамениты
 И ненавистны в тот же час?

МИХАИЛ ГРОБМАН

Родился в 1939 году в Москве. Художник и поэт. В Израиле с 1971 года. Участник Второго русского авангарда. Публикации: антология Гнозиса, антология Голубой лагуны, ковчег «Русская поэзия: модернистский период/ университет Айовы, «Строфы века / составитель Евгений Евтушенко. Книга – «Военные тетради» (Тель-Авив, 1992).. Живет в Тель-Авиве.

* * *

Все люди вымерли
 Остались лишь растения
 И на челе земли густые наслоения
 Куриных косточек сухих собачьих мух
 И бледные следы злопамятных старух

Все люди вымерли
 Исчезло человечество
 Разбогатело рыбное отечество
 Дельфины плещутся, никто не бьет китов
 Закончился смертельных лент улов

Все люди испарились навсегда
 Большие птицы заселили города
 Животных мелких тьма
 В лесах полях и реках
 Такого не бывало в человеках

Олени ветверогие стадами
 Себя ласкают жвачными трудами
 И волки лаконически поют
 И белки по орешнику спуют

Лишь только крыс клубок
 Взобравшись на кровать
 Мечтает гомо сапиенсом стать

Пройдут века
 Бог глянет одичало
 И на земле начнется все сначала.

* * *

Червячок с большими крыльями
 Под названьем баттерфляй
 Ты улыбка умильными
 Кого хочешь завлекай

А я воткну в тебя иголочку
 Прилеплю на белый лист
 Положу твой труп на полочку
 Потому что я садист

* * *

Там где китайские желтые люди
Череп маргышки приносят на блюде

Там где лежит круглолицое Мао
Запаха воска и цвета какао

Там где густая река Хуанхэ
Режет селенья подобно сохе

Там я гуляю в шелку и парче
Райская птица сидит на плече

В небе кольшутся красные ленты
Девушки юные шлют комплименты

Ах, комсомолки страны поднебесной
Каждая выросла нежной и честной

Яркий румянец овальных ланит
Даже святого собой соблазнит

С тела я сбросил и шелк и парчу
Чистой любви навстречу лечу.

№ 664

* * *

Я помню Ниночку Боброву
Ее волшебное руно
Теперь наверное в корову
Уж превратилась давно
Мы на дворовой танцплощадке
Крутили танго нежных тел
Из радиолы голос сладкий
Нам про улыбку Мишки пел.

И в этой юности всеильной
Которая давно сплыла
Невероятно сексапильной
Боброва Ниночка была.
Ах как любил я эту Нину
Ее прелестное бедро
И губ прекрасную малину
И сердца детского добро
Но все прошло как дым весенний
И только в памяти моей
Остались круглые колени
Подобьем белых лебедей

*1 ноября 1998 года**Тель-Авив*

№ 667

* * *

Какая мощь в крылах орлиных
Когда он может так летать
И без дымов и керосинов
Собою множить птичью рать
Как грозен клюв его еврейский
Картавый клекот горловой
И золотой венец летейский
Горит над острой головой
А там в низу долины бледной
Овечьих шкурок тихий ряд
Не чуёт этот лет победный
Сквозь облак белый вертоград
Пастух на солнечном пригорке
Лежит и немощен и хил
И только хитрый суслик в норке
В оцепенении застыл

МАТВЕЙ ГУБЕНКО

Приехал в Израиль из г. Кривой Рог в 1996 году. В Украине работал учителем математики. Член литературных объединений «Анахну» и «Кармель». Живет в Хайфе.

Не повторится

Капает минута за минутой,
Вытекая из сегодня во вчера.
Ход событий изменяет круто
Эта дикая со временем игра.

Не шумя, без шелеста и грома,
Но безостановочно текут
Вереницы полунезнакомых
Совершенно зря растрченных минут.

Далеко уже умчалась юность.
Жизнь проходит... А какой оставлен след?
Что свершил бы, если б все вернулось?
Но, увы, ничто не повторится... Нет.

Душевный лад

Росы волшебной золотая капля,
Порхающая бабочка, трава,
Бегущий зверь и любованье цаплей –
От красоты кружится голова.

Придать нам сил, облагородить может
И вовремя раскрывшийся цветок,
Он чувство злобы в сердце уничтожит,
Исчезнет из души любой порок.

Лечебной силой, говорят японцы,
И ветер с моря может послужить,
Песок береговой и в меру солнца...
Но главное – в ладу с собою быть.

Ты везде

Не удастся удержать
Себя в узде, –
Стихи тебе не посвящать, –
Ведь ты везде:

Ты в нежных трелях соловья
Звучишь как песнь,
В потоках зимнего дождя
Ты тоже есть.

АЛЬБЕРТ ГУРЕВИЧ

Родился в 1962 году в Риге. Окончил историко-философский факультет Латвийского государственного университета. В Израиле – с 1990 года. Живет Ашдоде.

Чайки

Чайкам я бросаю крошками тревогу
(По полёту стаи загадать дорогу),
Лишние надежды вперемешку с хлебом
(Я всегда болтался меж землёй и небом).
Закричали птицы: «Ну-ка, кинь нам боли!
От какой бежишь ты нестерпимой доли?»
Разорались чайки – «Что-то корм твой пресен!
Что же не добавил на закваску песен?
Хоть стишок какой бы замесил убогий...» –
В гомоне небесном слышу окрик строгий.

Я шептал вдогонку, мол, ещё не вечер,
 Что всего полжизни выбросил на ветер,
 Что ещё сумею, что ещё есть время,
 Сорок три – не возраст, сорок три – не бремя...
 Что расправлю крылья ангелом небесным
 Без обносок старых, без одежек тесных...
 Но пернатых свора вопрошала бойко –
 »А на что потратил ты годочков столько?
 Ты под купол мира, Джонатаном белым
 Полетишь, возможно... Только престарелым».

Пьяное лирическое

Прохладно что-то... С моря дует ветер,
 В моём окне взвиваются гардины,
 Пугая персонажей на картинах,
 И, с хлопаньем, в проём – на амбразуру
 Бросаются застиранные дуры,
 И грудью заслоняют дом. Мой вечер

До срока пал в домашней перебранке
 И похоронен под стаканом с водкой,
 Который был не раз в гостях у глотки,
 И кланялся подолгу там, у врат...
 Мой лучший друг, вернее просто брат.
 Он для меня готов – хоть наизнанку,

Коварный враг, любимый мой стакан –
 Всегда вдвоём, ведь я не пью один.
 (Как надоел мне нудный муэдзин,
 Зовущий свой народ к молитве Б-гу!)
 Давно по мне иссохла синагога –
 Схожу... Потом... Что крест мне, что Коран...

Я снова пьян... Обряд самосожженья
 Закончен сигаретой ровно в срок –
 Собою жертвуя, зажгла она восток.
 Над Иорданией разлился красный цвет.
 Я пьян в Израиле. Мне вовсе дела нет,
 Что будет после водки и похмелья...

Грусть

Всепоглощающей тоски – слуга я верный,
 Дождливой осени слеза – бальзам на нервы.
 Тьме грустной руки протяну – пускай обнимет,
 Объятий склепных не боюсь – ну, жизнь отнимет...
 Друзей своих я попрошу – «Надел отмерьте»,
 Брести по жизни наугад – страшнее смерти...

Усталость

Наверно, пережил уже все сроки.
 Я чувствую лишь лёгкую усталость.
 Последнюю. Которая осталась,
 Чтоб дописать за мною эти строки.

Их ровный бег хорош для эпилога
 Без водки и радения кокеток.
 Потом, среди имён и этикеток,
 Легко найдут строфу для некролога.

Болеет сон...

Мой дом застыл унылейшей из масок,
 Лишённый смеха своего кумира,
 Болеет сын... Осыпались все краски
 С недавно яркого и солнечного мира...
 О, если бы забрать себе все боли,
 Которые несёт ему судьбина,
 Но невозможно против Б-ей воли,
 Я тихо плачу над кроваткой сына...

ГЕРМАН ГУРЕВИЧ

Родился в 1934 году, в Ленинграде. Окончил Ленинградский Политехнический институт, В Израиле – с 1990 года. Член литобъединения «Среда», Беэр-Шева. Участник альманахов: «Южный альманах», Беэр-Шева, «Гнездо», Иерусалим, автор книги «Посредством магии имен». Живет в Араде.

Юрию Арустамову, гроссмейстеру, поэту, преферансисту

На рулетке Зодиака
бесконечная Игра:
где была звезда когда-то,
нынче – черная дыра.
За рулеткой Зодиака
не подвластные Судьбе
игроки, сокрыты мраком –
назовем их: Д. и Б.
Д. – в тельняшке и с рогами,
Б. – в халате, с бородой.
Тыща лет между ходами
на игрушке заводной.
Не для нас игра – рулетка,
в Монте-Карло казино,
наша верхняя отметка –
преферанс и домино.
Знаем разные приметы
о везеньи дурака,
и сродни азарт Поэта
вдохновенью Игрока.
Не бояться если риска,
как-никак имеем шанс,
что случайная описка
может вызвать резонанс:

чудной радугой созвучий
вдруг наполнится строка...
(Чудо – это просто Случай,
неизвестный нам пока.)
Вероятность та, однако,
где-то около нуля...
На рулетке Зодиака
вместо шарика – Земля.
Исчезают в катаклизмах
и пространства, и миры...
Все нормально – это признак
продолжения Игры.

ЮРИЙ ДАГИМОВ (лит. псевдоним)

Родился в Москве в 1946 году. В Израиле с 91 года. До этого жил в Москве, по образованию режиссер и актер – окончил Щукинское училище, много лет руководил театральной школой при театре «На пятом этаже». Живет в Тель-Авиве. Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» (Э.РА).

К роли

Дружище, Розенкранц,
товарищ – пилигрим,
давай поговорим –
на чем мы погорим:
на трусости двойной
в зеркальной проходной.
Из зеркала туда:
на улицу Беда.
Там правится прибор.
Да Гамлет... – за тобой.
Его могильный холм

встает из пены волн.
 Когда спадет вода,
 на площади Беда
 ты – в лапы к палачам...
 Я – знал, но умолчал.

Автопортрет

Бомжую сорок лет.
 На Кипре и на Мальте
 свой оставляю след
 беспаспортный в асфальте.
 Навар в кармане – слякоть облаков
 да освист вольнодумных дураков.

Спокойный голос чей-то рядом
 меня томил: «Иди за мной». –
 И я увидел сонным взглядом,
 как вспыхнул вереск за спиной,
 и грянул гром. Но было сухо,
 и чист был неба океан.
 И я услышал мертвым ухом,
 как расступился Иордан.

Два лебеда мне встретились в пути.
 Один сказал: «Утеночек, лети».
 Другой шепнул: «Ты петлю закрути,
 Не бойся и, глядишь, к концу зимы
 ты станешь белым лебедем, как мы».
 И я взлетел над берегом речным.
 Я стал не лебедем, а ястребом ночным.
 Но мне не жаль, ножами-перьями звеня,
 Что обманули белы лебеди меня.

Письмо к А.Н.

Что слышно в Барселоне? Ничего:
 погода портится, над морем чаек клеют,
 луч маяка на мышце плечевой
 горит печатью смерти, будь он проклят.
 Я разглядел твой профиль... далеко:
 на парашютном шелке облаков.

К Данте

Врачуй, художник, размышляй о вере...
 как наш Ковчег воскресной электричкой
 грохочет в Ад на праздник Люциферий,
 едва прыгнув из скорлупы яичной.
 У каждого свой график и профит;
 софит дымит, и плавится графит.

Танго с Негевом

Я об одном тебя прошу
 хрипящим голосом, грешу:
 «Верни мне, Повелитель скал,
 звериный каменный оскал.
 Я в масть твоих каленых игр
 зайду тигренком,
 выйду – тигр.

ЕВГЕНИЙ ДЕВИКОВ

В Израиле с марта 1992 года. Публиковался в Российской и Израильской периодической печати. Сборник стихов «Под сенью микбацей-диюра» (в тени общественного жилья) вышел в библиотечке «Израиль поэтический» в Нетании в 2003 году. В 2005 году подготовил к печати два сборника: «Оранжевая» (из цикла «Цветы») и «Мастера» из цикла этого же названия. Стихотворения можно встретить на интернет-сайтах stihhi.ru , litsovet.ru , starkovcheg.com .

Отвернутый

«Он не пара тебе, не чета,—
голосили отец твой, и мать,—
с ним узнаешь, по чём нищета,
поздно будет потом причитать»...

Что случится в грядущих годах,
угадать никому не дано.
Царь Давид пас в пустыне стада,
но звездою взошёл над страной.

Прав отец, что не царь я ещё,
но валяться не стану в ногах.
Подружусь не с петлёй, а с пращёй,
от которой падёт Голиаф.

У родителей крепок запрет.
Так и так нашей дружбе конец.
Ни надежды, ни проблеска нет,
если зятя не хочет отец.

Уголёчек любви отмерзал.
Буду помнить о нём без обид.
Я спокоен, как будущий царь,
как отвергнутый прачкой Давид.

•••

Какие б ни настали времена,
какие бы ни проходили сроки,
всегда нам светит звёздочка одна,
мерцающая там, под куполом высоким.

И свет её с туманной высоты
до нас доходит азбукою Морзе.
А звёздочка загадочная – ты,
о ком нельзя писать в обычной прозе.

Скрипч на танке

Была короткая стоянка.
На горизонте рдел кумач.
Скрипач играл на башне танка,
молоденький такой скрипач.
А притаившиеся в вадии
тянули руки к поясам.
Над танком бушевал Вивальди,
летели звуки к небесам.
Сидел скрипач на крышке люка.
Пустынная внимала гладь.
Лишь он и скрипка – друг без друга
им не дано существовать...
Но бесконечных нет легато.
И вот уже последний такт.
Опять судьба зовёт солдата
в ляг переходов и атак.
Когда скрипач раскроет ноты
на башне грозной «Меркавы» –
не сомневайтесь ни минуты,
что на земле *еврейской* вы.

ИОН ДЕГЕН

Родился в 1925 году в Могилёве-Подольском (Украина). В июле 1941 года добровольно ушёл на фронт. Был пехотинцем, командиром танка, командиром танкового взвода. 21 января 1945 года, будучи гвардии лейтенантом, командиром танковой роты, ранен в третий раз. Результат – тяжёлая инвалидность. Имеет много боевых наград. В 1951 году с отличием окончил Черновицкий медицинский институт. Работал ортопедом-травматологом, впервые в медицинской практике осуществил успешную реплантацию конечности (предплечья). В Москве защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Родоначальник научной магнитотерапии. Автор 90 научных статей. В 1977 году с семьёй репатрировался в Израиль. В течение 20 лет, до выхода на пенсию, работал врачом-ортопедом. В Израиле и в России изданы книги «Из дома рабства», «Иммануил Великовский», «Стихи из планшета», «Портреты учителей», «Война никогда не кончается», «Голограммы», «Невыдуманные рассказы о невероятном», «Четыре года», «Стихи». Рассказы, очерки, статьи публикуются в Израиле и в других странах. Жена Людмила – архитектор. Сын Юрий – физик-теоретик, Ph.D. Две внучки и внук, к сожалению, не знающие русского языка.

Метаморфоза

Я уже давно другого цвета.
И гормоны более тихи.
Я уже до нежного рассвета
Не читаю девушкам стихи.

Я уже не тот правдоискатель,
Что упрямо прётся напролом.
Я уже не верю, что издатель
Ждёт меня с букетом за углом.

А когда поутру совершаю
Непременный ритуал бритья,
Зеркало с упрёком вопрошаю:
– Слушай, неужели это я?

Июль 2001

Долгое молчание

Стихи на фронте. В огненной реке
Не я писал их – мной они писались.
Выстреливалась запись в дневнике
Про грязь и кровь, про боль и про усталость.

Нет, дневников не вёл я на войне.
Не до писаний на войне солдату.
Но кто-то сочинял стихи во мне
Про каждый бой, про каждую утрату.

И в мирной жизни только боль могла
Во мне всё том же стать стихов истоком.
Чего же больше?
Тягостная мгла.
И сатана во времени жестоком.

Но подлый страх, российский старожил,
Преступной властью мне привитый с детства,
И цензор неусыпно сторожил
В моём мозгу с осколком по соседству.

В кромешной тьме, в теченье лет лихих
Я прозябал в молчании убогом.
И перестали приходить стихи.
Утрачено подаренное Богом.

1996

Медаль «60-летие Победы»

Обрастаю медалями.
Их куют к юбилеям.
За бои недодали мне.
Обделили еврея.

А сейчас удостоенный...
И вопрос ведь не важен,
Кто в тылу, кто был воином,
Кто был трус, кто отважен.

Подвиг вроде оплаченный.
Почему же слезливость?
То ль о юности плачу я,
То ли – где справедливость?

Март 2005

Молитва

За всё, Господь, благодарю,
За радости и за страдания,
За точно по календарю
Цветение и увядание.

За то, что выжил на войне
Во всех кругах, в горниле ада,
Где возвращалась жизнь ко мне
Тропинкой, а не автострадой.

За то, что в сталинской ночи
Я уцелел, Тобой хранимый,
За то, что Ты меня вручил
Единственной незаменимой.

За продолжение меня –
За внучек славных и за внука.
За то, что в ярком свете дня
Ещё светлей Твоя наука.

За прикосание к струне,
Звучащей искренне и чисто.
За то, что я живу в стране
Единственной, где нет фашистов.

За то, что всюду в час любой
Вокруг меня родные лица.
За то, что говорю с Тобой
Я, не наученный молиться.

За звонкий золотой закат.
За день, что не напрасно прожит.
За радость бытия
Стократ
Спасибо, мой великий Боже.

1995

АНАТОЛИЙ ДОБРОВИЧ

Родился в 1933 году на Украине. С начала 60-х годов жил в Москве, с конца 80-х – гражданин Израиля. Здесь практически впервые начал публиковать стихи: в литературных альманахах, в журнале «Алеф», «22» и др. Издал книги стихов: «Монолог», «Линия прибоя», «Остров Явь»). Врач. Живет в Бат-Яме.

Прощание с отчизной Пастернака,
очищенной до символа, до знака,
где в честь Христа даёт сама природа
концерты листопада, ледохода.
Прощание с отчизной Мандельштама,
где слово столь масштабно и неожиданно,
что мысль кружит водой неукротимой,
как полная река перед плотиной.
Прощание с отчизной Гумилёва,
где волком и жасмином пахнет слово.
С отчизной Фета и отчизной Блока,
где «глубоко» не то же, что «глубоко».
Я тягую к России не прельщаюсь.
Что вам с того – я сам с собой прощаюсь.
Хочу по-русски, как умею честно,
отпеть себя, покуда не исчезну.

1989

Наташе

Над красными крышами вилл Ашкелона,
над жёлтой дюной в округлых кустах
фиалковым сгустком внизу небосклона
вздывается море на тихое «ах».
С белеющим судном (привет от морей)
рассеянный Крым наплывает, непрошен.

Вот этот оттенок нашел бы Волошин,
затеяв с утра написать акварель.
И хватит о том, что тебя раздавило!
Глаза наводи, разжимаясь внутри,
на красные крыши, на белые виллы,
на дюны, а дальше-то: черт побери,
Там скалы и древний причал Аскалона,
и шлёпанье пены, и говор зыбей,
и, в море вступая, ноги не разбей
о чёрный топляк византийской колонны,

И к мысли привыкни, что это не страх –
в какое-то утро уйти, прекратиться
над морем, над дюной в округлых кустах,
над этой бросающей в жар черепицей.

1999

Народные танцы на набережной Тель-Авива

Движущиеся вместе, но каждый сам по себе.
В общем хлопке и жесте – дань единой судьбе.
Толстяки и тростинки, прелестницы, горбуны
ритмом либо инстинктом в целое сведены.
Танец простой породы, музыка – третий сорт.
Дружные повороты юбок, рейтуз и шорт.
Что-то в этом от хлестких – с пеной наискосок
волн средиземноморских: рядом, через песок.
В окриках диск-жокейши – скрытый сержантский лай.
Славный и богатейший кем-то придуман край.
Танец идет под песни. Окрик необходим.
Танец делают вместе. Но танцуешь один.

Ни одного сефарда – разве что йеменит.
Гроздь, врозь и попарно... Что ж мне кровь леденит? –
Горя неизречённость? Преодоленный страх?

Гордая обречённость? Призрак «узи» в руках?
 Кто-то придумал танец. Город. Народ. Удел.
 Кисти плывут, взметаясь, над перебросом тел.
 Обувь стучит о плиты, волны чертят зигзаг.
 И словно глаза закрыты – при открытых глазах.

2000

Снег

Ал. Вернику

В городе Львове любили тебя, и стихи –
 русские (надо же!) – переводили на мову.
 Снежные шапки вскружили городу Львову
 голову. Влажно-студёные эти верхи
 благоприятствуют хмелю, горячему слову.

Снег на двускатные крыши, на купол и шпиль
 непобедимые сбрасывает десанты,
 лепит из веток набухшие белые панты,
 тону бесед сообщает раздумчивый стиль.

Голод пустот утоляется снегом, стихом
 (та же материя), пылом влеченья, гульбою.
 Если пустыня сыта лишь самою собою,
 нет перевода, стихи усыхают, ни в ком

нет отголоска. Но сутки – другие в году
 так одиноко, товарищ, и так хорошо нам
 в Ерушалаиме, снегом припорошённом! -
 Будто амнистию провозглашают в аду.

2001

НОННА ДОРОЖИНСКАЯ

Репатрировалась в Израиль в 1990 г. из Украины. Журналист, работала корреспондентом украинской пионерской газеты «Зирка», печатала очерки, рассказы в журналах «Украина», «Радуга», «Пионер» и др., в русской «Пионерской правде», была внештатным корреспондентом «Пионерской звезды» всесоюзного радио и республиканского радио. Член Союза журналистов СССР. Стихи начала писать и печатать в Израиле, издала три поэтических книжки, стихи звучали на «Радио РЭКА» в передачах «Поэзия еврейской души», издаются в местной прессе. Член литобъединений «Кармель» и «Анахну», г. Хайфа.

Пары строк

Если бы я заполняла анкету,
 Где о родне между прочих – вопрос,
 Были бы этой анкетой воспеты
 Старое дерево, пуганный пес...

Увези ты мои книжечки на Родину!
 Ближнему Востоку не до них.
 И за каждую по веточке смородины
 Перешли мне в бандеролях заказных.

Ты только, только, Гос-по-ди-и,
 Беду из дома уведи!
 И пусть за окнами зима –
 Я лето сделаю сама!

О песня, ты – моя защита
 От суеты и непогод.
 От пули в сердце и живот
 Я кружевами строк укрыта.

Ели вместе, спали рядом.
 После смерти за оградой
 Сариной Иван лежит,
 Как обыкновенный жид.

Нарисуй, нарисуй мне, художница, дерево! –
 Я с деревьями в добром и давнем родстве. –
 Чтоб изгибу ствола я как жесту поверила,
 Чей-то профиль узнала в текучей листве...

Меня батюшка Веснушкой называл.
 И пока во мне та девочка жива,
 Заливается свирелью мой апрель.
 Крутит детство нашей жизни карусель.

И снова не картина, только блики.
 И снова мучусь муками великих.
 И снова за блаженство этих мук
 Приму насмешки и приму суму.

Я и стих

Демонстраций и выставок мы избегаем.
 На турнирах не ищем приза.
 Понимаешь, мы вместе молитву слагаем.
 А на сцене молиться нельзя.

Когда мы прячем в ножны меч,
 Выходит из укрытий речь.

Раскрыт на коленях коричневый том.
 И здесь ты со мною, мой Пушкинский дом.

В который раз отколосилась рожь
 Над юностью, а ты чего-то ждешь...

А ты шепни взамен речей надутых
 Простое слово в нужную минуту.

Травинки музыкальное движенье
 И глыбу одолеет без сраженья.

Яблони цветущей ветка на стене.
 Воин с автоматом прислонился к ней.

АННА ЖОЛКОВА

Родилась (1929) в Нижнем Новгороде. Окончила Первый Московский институт иностранных языков и Московский институт культуры. Работала переводчиком и библиографом. С 1991г. живет в Ашдоде. Стихотворчеством серьезно начала заниматься в Израиле. Член ЛИТО г. Ашдода.

Воспоминание о зиме

Снег падал, падал обреченно
вдоль улочки старинной, сонной.
На безучастные дома
ложилась ватная зима.

Казалось: улочка сама,
словно стыдясь быть уличной
в потворстве снежной кутерьме,
кривилась зябко в полутьме
и, путая следы, плутала
в летучих дебрях декабря
и, выгибаясь, избегала
прямого взгляда на себя
от столбового фонаря.

Снег падал, падал обреченно.
Он, как упорный метроном,
отсчитывал за домом дом.
Без устали, без передышки
укутывал за крышей крышу
и оставлял, обремененный
своей бессмысленной игрой,
гробы сугробов за собой.

Снег падал, падал обреченно.
Казалось: громоздясь все выше,
размытыми верхами крыши,
подобно снеговым вершинам,
смыкались с цепью облаков.
Периной прикрывая спину,
спал город, тысячеголов,
в плену у тысяч сновидений
под снега мерное паденье.

Но снежный метроном не вечен,
его завод не бесконечен:
заменит солнечный апрель
его на звонкую капель.

Снег таял, таял обреченно
вдоль улочки уже не сонной:
очнулась улочка кривая,
от влаги вся изнемогая,
от ручейков, ручьев и рек,
от рек весенних быстротечных.

Вспомним, други, что не зря
зима – как страж календаря -
год начинала, год кончала,
под снежной крышей остужала
разгоряченные умы.

Теперь ей благодарны мы
за снег, что падал обреченно
вдоль тех провинциально сонных,
тех улочек, что в те года
ушли все вместе навсегда.

Из ниоткуда в никуда
снег падал, падал обреченно.

21.11.03

Обмотанные женскими платками,
Смотрелись фрицы жалко и смешно.
А в них летело твердое, как камень,
Мороженное конское говно.
А в морды градом сыпались ледышки,
И разлетались вдребезги пенсне.
Вдруг, «Лиген!*» – закричали конвоирыши,
И вся колонна – рухнула на снег...

Директор школы нас срамил... Куда там...
Про гуманизм какой-то говорил...
Нас было тридцать пять мальчишек в пятом.
С войны вернулись папы –
к шестерым.

ЛЮДМИЛА ЗЛАЧЕВСКАЯ

Родилась, жила, училась в г. Сочи Краснодарского края. В 1975г. закончила Харьковский университет исторический факультет. С 1985 г. работала учителем истории в школе г. Сочи. С 1999г. живёт и работает в Израиле. Пишет стихи и публикуется в альманахах «Хронометр» и сборниках студии «Негев», членом которого является с 2000года. В 2007 г. выпустила книгу стихотворений «Прикосновенье» (Э.РА). Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Дворики Иерусалима

Случайный путь
в старинный дворик,
Случайный взгляд
на плющ балкона,
Где под углом
уступ террасы
И сонный луч
колонну красит.
Чуть дальше –
стул стальной и тонкий
Упёрся в тень
цветных квадратов,
Горячий кофе
пряно манит,
Но будто он
мне память ранит.
Застыли в камне
гривы львов,
Плывёт
неясное сравненье
Туда, где робкий,
смутный сон

Давно
покинутых сторон.
Лучи ласкают
триссы окон,
Высокий храм,
в нём лёгкий звон –
Всё та же
давняя похожесть,
Как запах книг,
усталой кожи.
Над мостовыми
свет дрожит –
Он в храм
впечатал витражи:
Плывёт
Библейское движенье
Неуловимым
отраженьем.

Очарованье пустыков

Очарованье пустыков:
поднять листок,
коснуться взгляда,
вдохнуть улыбки ветерок
на миг, а большего не надо.

Прикосновенье губ к руке
едва знакомого при встрече.
лукавство глаз
в немой тоске,
волна духов –
чуть слаще,
резче.

ЛЮБОВЬ ЗНАКОВСКАЯ

Родилась в Олевске – маленьком полесском городке Украины. Окончила Крымский педагогический институт. Автор семи книг, изданных в Крыму, Москве, Тель-Авиве и Иерусалиме. Из них – пять поэтических, одна – прозы, одна – краеведческая. В Израиле с 1997 года. Живёт в Твери. Руководит литературным объединением «Волны Кинерета». Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

В детстве, когда мы были бессмертны,
Были богатства наши несметны.
Камушек каждый был драгоценен,
Жизнь – нарядной, словно на сцене.
Даже осколки битой посуды
Вновь оживали в таинстве чуда.
Не было краше куклы тряпичной,
Не было слаще струйки криничной.
За колесом железным вприпрыжку
В будущее убегали мальчишки...
Старые книги, редкие фильмы
Были хранимы, были любимы...

Нас, что отведали рая земного,
Не удивить обещаньем иного...
Мы уже были в раю. Вы поверьте...
В детстве, когда ещё были бессмертны.

Молодильные яблоки

Пристрастия к тебе неминовать
Не признаю в тебе чужую особь.
И что с того, что золотую осень
Нам бабьим летом не именовать?..

Весомы и сладки её плоды.
Под кожей семя – пятнышком родимым.
Не по зубам, быть может, молодым,
А нам отрада – наслаждаться ими.

От молодильных яблок – пьяный дух,
Озноб, а после – головокруженье,
Очнись, Адам, мы всё ещё в Саду,

Но плод надкушен и вершит движенье,
А стражники без капли сожаленья
Меня с тобой наказывать ведут.

Не тесен мир, но узок круг,
А мир огромен. Разбросало
По свету нас. Увы! Нимало
Надежды нет на встречу вдруг.

А центрифуга быстрых лет
Нас так меняет, так корёжит,
Что повстречать друг друга всё же
В толпе людской – и шанса нет!

Бывало возглас во дворе
Меня заставит обернуться –
А это мальчик в новых бутсах
В футбол играет на заре...

Воспоминаний прошлых боль
В годах растает, в небыль канет,
Но в сердце, как на дне стакана,
Забытых слёз осела соль.

Не тесен мир, но узок круг.
Когда остановились двое –
Как узнаваемо былое,
Как трепетно пожатье рук...

Алушта

Алушта белая – ау!
Сбежала девочка с вершины
И Чатыр-Дага на бегу
Коснулась, как плеча мужчины.
А он, очнувшись ото сна,
Взглянул – и дух перехватило,
Как ножки резвые она
С размаху в море опустила!
И снова вверх глядит:
Неужто
Она взлетит?
Ау, Алушта!..

Бабочка

Бабочка! Что ж ты летишь на огонь?..
Разве тебя твоя мать не учила,
Куколку юную: «Жжётся, не тронь!
Неосторожность – горя причина!..»
Девочка, утренний мой мотылёк,
Крылышки трепетны и невесомы.
Разве я знала, что так недалёк
Этой свечи огонёк развесёлый?!
Как от ошибок тебя убережь?..
Азбука та или всё же другая?..
Губ, или глаз, иль касания речь –
Каждый по-новому их постигает.
Крылышек взмах, словно вальса разгон,
Сузился круг, и вздымается пламя,
Не удержать тебя даже цепями!..
Доченька! Что ж ты летишь на огонь?..

Монолог Евы

А до меня была другая,
 Была Лилит.
 Душа Адамова, я знаю,
 О ней болит.

Ведь дорого не то, что кто-то
 Тебе подаст,
 А то, что вырвешь хоть у чёрта,
 Хотя б на час!

И ощущаю каждый день я,
 Как я плоха:
 Он с нею не познал паденья,
 Не знал греха.

Когда со мной на брачном ложе
 Он сладко спит,
 Она во сне его тревожит...
 Уймись, Лилит!

Ты только прах – земля и глина –
 Создали вас
 Как бы по выкройке единой
 В урочный час.

Но ты свободы возжелала –
 Ты не жена.
 Дух ночи – Демонида, Лайла –
 Живи одна!..

Я из ребра его – из кости –
 Не расколоть!
 Мы вместе на века – две плоти –
 Едина плоть!

Звезда Давида

Треугольник. Вверх и вниз
 Острие глядит упрямо.
 У мужчины – книзу мыс,
 Узкий лобик – это дама.

Он плечистый, он герой.
 У неё – всё честь по чести.
 Пиктографией такой
 Древний мир давно известен.

Если б не коварный Змей,
 Если не было бы Древа,
 Эти два – Адам и Ева –
 Не создали бы людей.

А пока к себе влечёт
 Их неведомая сила:
 Чёт и нечет. Снова чёт -
 Страсть, как смерть – неотвратима.

Треугольники сошлись –
 Утолён сладчайший голод!
 Это торжествует жизнь –
 Знак Давида – Могендовид.

ЛИДИЯ ЗАЯЦ

Еще подростком в довоенной Москве получила путевку в литературу от Корнея Чуковского. Окончила медицинский институт и Литературный институт им Горького в Москве. В Израиле с 90-х годов. Публиковалась в Российской и Израильской печати. Последний сборник «Я сюда приехала не в гости» вышел в Тель-Авиве в 1996 году. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Как не уйти мне от себя,
 Так не уйти мне от России.
 Они в себе ее носили –
 Ее изгой-сыновья.
 Ношу и я.

Ноктюрн-1

Кроссворды окон светятся в ночи,
 Тая загадку человеческих судеб.
 А звезды смотрят строго, словно судьи.
 А ночь, как заговорщица, молчит.
 В созвездьях окон и твое окно,
 Моя надежда и моя загадка.
 О, если бы ты знала, как давно

Сюда хожу я, чтоб взглянуть украдкой
 На этот дом, в котором ты живешь
 Своей, отдельной от моей, судьбою,
 Где даже воздух освещен тобою,
 И где меня, конечно, ты не ждешь.
 За клеткой клетку гасит окна ночь.

Светлы лишь строчки лестничных пролетов.
 Она для нас свои раскрыла ноты
 Чтоб нам с тобой, медлительным, помочь.
 Ты вслушайся в ее нестройный хор:
 Там сердца моего услышишь звуки
 И, протянув доверчивые руки,
 Поймешь его тревожный разговор.
 Но ты – глуха. Мне снова суждено
 Чужой кроссворд разгадывать сквозь ветки.
 А мне бы в нем одну заполнить клетку
 Одну лишь клетку – где твое окно.

Ноктюрн-2

Кроссворды окон светятся в ночи,
 Тая загадку человеческих судеб.
 За шторами порой мелькают люди.
 Чья жизнь там бьется?
 Чья там боль молчит?

В отсеках комфортабельных квартир,
 Закрытых для всевидящего ока,
 Свой малый мир, свой необъятный мир,
 Свой – многолюдный или одинокий,
 Молчишь ли ты, кричишь ли во всю мочь,
 Что жизнь твоя прекрасна, –

все в порядке! –
 На все века останутся загадкой
 Кроссворды окон, вписанные в ночь.

Сердце поэта

Рожденье слова – тайны тайна
И для нее разгадки нет.
Но, очевидно, не случайно
Из Слов рождается Поэт.

Стихи – как сердце на ладони,
Открытое со всех сторон.
Здесь не ляжешь в обороне,
Да и зачем ему заслон?
Незащищенным пусть пребудет
Оно от боли и любви.
Но если лгать заставят люди,
То, как душою ни криви, –
Довольно пристального взгляда,
Чтобы увидеть между строк,
Что обречен Поэт на правду,
Как на пророчество – Пророк.

Пробуждение

Проснулась я в кромешной мгле –
Одна на свете.
Мои бумаги на столе
Листает ветер.
Он громким шепотом прочел
Мои признанья.
И – обо всем и ни о чем –
Воспоминая.
А струи длинные дождя,
Грозя потопом.
Нетерпеливые, гвоздят
По глади окон.
И рвутся в комнату мою,
И рвутся в душу.
А я в смятении стою...
А дождь – все глуше...

Порознь мы весь мир исколесили,
О других тоскуя по ночам,
А с тобой нежданно, без усилий,
Повстречались как-то невзначай.
О тебе теперь мои тревоги.
Вот тебе рука моя – веди!
Лишь вчера ты был один из многих,
А теперь из многих – ты один.

Я хочу тебе позвонить,
Я хочу тебе написать.
Не молить тебя, не корить,
Не спасать – от кого спасать?
Безрассудная, как дитя,
Я хочу к тебе под крыло,
Хоть и знаю: для бытия
Ненадежно его тепло.
Даль от снега уже бела –
Мне хватило
б того тепла.

ГАЛИНА КАГАН

В Израиле с 1996 года. Стихи пишет давно, но опубликованы они были только в Израиле в выпущенной книге стихотворений «Я прислушиваюсь к дождю» и в трёх номерах альманаха «Римон». В прошлом году стала дипломантом третьего поэтического фестиваля Ури Цви Гринберга. Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Природе незнакомо слово – «вдруг»,
Неспешно лето переходит в осень,
И осень медленно раскрашивает круг
И ветром метки жёлтые разносит.

И изморозь, предвестник холодов,
Пронизывает утренние листья
И серебрит полозья проводов,
И ждут зимы рябиновые кисти.

И лишь потом, тревогу объявив,
Зима завьюжит снежные метели,
Пуховой шалью головы прикрыв,
Из-под ресниц сурово смотрят ели.

Но, постепенно удлиняя день,
Небрежно солнца луч скользнёт по крыше
И, незаметно укорачивая тень,
Прелюдию весны капелью пишет.

И, собирая капельки росы,
И, пеной волн любуясь и играя,
И, вслушиваясь в грозные басы,
Родится ливень середины мая.

И лишь Любовь приходит вдруг –
Случайный взгляд. Случайный звук.
Случайный голос, сердца стук,
Случайное касанье рук...

А может быть – не вдруг, не вдруг!?
Всё это не случайно,
Над перекрёстком двух разлук
Любви восходит тайна...

Кто подумать бы мог, романтики
Собрались на Святой земле,
На иврите бывшие мальчики
Об Арбатском поют короле.
И о женщине в платье розовом,
И о шарике голубом,
Ах, Булат, Вы как будто встревожены,

Ведь язык этот Вам не знаком.
Только разве имеет значение,
На каком языке слова,
Лишь бы не было песням забвения,
Лишь бы музыка Ваша жила.

Лишь бы девочки наши и мальчики
Не исчезли в иных мирах,
Лишь бы их огрубевшие пальчики
Лишь гитары сжимали в руках.

Натюрморт

Два стакана с горячим чаем,
Над столом аромат висит,
Мы в четыре руки играем
Мой любимый вальс Дебюсси.

Пианиссимо и легато
 Обо всём или ни о чём,
 Только слышно сердце стаккато
 Над распахнутым в мир окном.

Незаметно чай остывает,
 Разве можно кого-то винить,
 И последний аккорд замирает
 И беззвучно над нами парит.

Пианиссимо и легато
 Обо всём или ни о чём,
 Но всё тише сердце стаккато
 Над распахнутым в мир окном.

ОЛЬГА КАГАН

Родилась в Москве в 1977 году. В 1991 году репатрировалась в Израиль. Пишет докторскую диссертацию по лингвистике и преподаёт в Еврейском университете в Иерусалиме.

Пусть положат меня на распутье,
 Где встречаются девять ветров,
 Где сплетение кожи и сути
 Разрывает единства покров.

Облаков проплывающих стая
 Промелькнёт и исчезнет вдали
 В час, когда, первым снегом растаяв,
 Я воскресну стихией земли.

Я увижу за старой оградой
 Крылья землю покинувших стай,
 И огни вожделенные ада,
 И молчаливый торжественно рай.

Пусть сольются во мне воедино
 Память света и отзвук теней,
 Чтобы лапой костлявой рутина
 Не душила священных огней.

Пусть кружат надо мной листопады,
 Пусть метель сочиняет мотив,
 Пусть сменяются скорбные взгляды
 Мирным шелестом плачущих ив.

Там, где царство восторга и жути,
 Там, где дьявол царит или Бог.
 Пусть положат меня на распутье,
 Где встречаются девять дорог.

Среди чужих миров, в тумане мироздания,
 Средь чуждых мне дорог, теней и голосов
 Как выйти, как спастись, как возратить сознание
 В ему привычный мир предметов и часов?

Когда моя душа, не зная забвенья,
 Сквозь пальцы ускользнёт в обманчивый простор,
 Её не удержать, как ветра дуновенье,
 Её не возвратит ни просьба, ни укор.

Но если кораблю, плывущему по морю,
 Дано увидеть шторм, и рифы, и волну,
 Как выжить моряку в жестоком этом споре
 Стихий и корабля, идущего ко дну?

Как избежать волны огромного размаха?
 Как уберечь корабль и вынырнуть самой?
 Ответа не найти, и я дрожу от страха,
 Но верю, что душа отыщет путь домой.

ОЛЬГА КАРДАШ-ГОРЕЛИК

В Израиле – с 1992 года. Преподаёт математику в тель-авивской школе Шевах-Мофет. Там же ведёт литературный кружок. Публиковалась в журналах Израиля и России. Участвует в Мастер-классе по переводу поэзии Ури Цви Гринберга. Лауреат конкурса оригинальных стихов и переводов Ури Цви Гринберга.

Девятое Ава

В этот день, горчайший из горьких дней,
Ходит тень над грудой старых камней.

Ищет камень свой, чтоб с него начать.
От песка, уставшего остывать,

Еще жар исходит. Но меркнет свет.
Отражаясь, лица из бездны лет

Проступают. Это наш древний род.
Вырастая, тень за тенью встает.

От старинной стены, среди камней,
Голубиный клеток звучит слышней,

Чем из трав, где сладко им ворковать...
Разодрав одежды, сидеть и ждать,
Прежний Храм оплакивая опять?..

По цветам, разбросанным здесь и там,
По кустам колючим, по облакам

Бродит взор, выискивая свою,
То ли с гор сбегаящую к ручью,

То ли ввысь ведущую от камней,
Под карниз, под небо, тропу. По ней,

Если выйдет, будешь идти, скользя,
У травы растущей, твоя ль стезя,

Вопрошая взглядом; плывущий зной
Орошая потом или слезой.

Упираясь в камень, нельзя ль свернуть,
Будешь спрашивать, твой ли это путь,

У куста ближайшего. – Нет, нельзя:
Это та, – он скажет, – твоя стезя.

На мгновение, хочешь? – вцепись рукой
В мою ветвь. Но после иди, не стой.

Ты иди. Там тени зывают к вам.
Ты один из них. Тебе строить Храм.

** Девятое Ава – девятый день месяца Ав, день разрушения Первого и Второго Храма, начало вавилонского пленения иудеев.*

Как мы с тобой улетели
От белого хмеля
Мира былого...
Снежные сосны и ели,
Кружась, леденели.
Горькое слово

«Родина» – стало бездонным,
Уже заключенным
В рамки полотен
Старых художников: конным
И пешим – спасенным!
Воздух был плотен

И осязаем. Под нами
Пейзажи с полями
Сделались далью.
Ночью, летящей огнями,
С немymi домами.
Светлой спиралью

Передрассветного часа.
Огни уже гасли.
Тихо по трапу
Шла молчаливая масса.
Ребенок в коляске
Проснулся и плакал.

Вся толчея расставанья,
Столбняк расстоянья
Сдвинулись в угол
Памяти долгой и тайной.
А свет узнаванья
Метался по кругу.

РОМАН КАМБУРГ

Врач-фармаколог, родился в Казани в 1953 г. Переехал в Израиль в 1993 г. Автор книги «ПОЭЗИЯ И ПРОЗА ВРАЧЕВАНИИ» (Казань, 1991) и сборника стихов «МИГ» (Тель-Авив, 2001), романа «Восхождение» (Э.РА, Москва-Тель-Авив, 2007). Публиковался в американских периодических русскоязычных изданиях, в международном журнале «У» (Э.РА), был участником альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Душа в новой стране
отделилась от тела при жизни,
дав ощущения то ли безвременья,
то ли шизофрении, то ли новой жизни,
но после клинической смерти...
Лишь свет впереди туннеля,
новая жизнь при старом теле
или духовная клиническая смерть
и реанимация, реинкарнация.
Странно, что все это со мной,
что все это во мне,
что страны существуют отдельно
от людей. А время
льется беспрерывно и одинаково,
лишь меняется его восприятие
и восприятие себя.

II. 96

*Петру
(поэту П. Литвиненко)*

Вот и прожита молодость, и забвению предана юность,
Одиночества тень распласталась уставшим орлом,
Нам привиделась вдруг с сединою пришедшая мудрость,
Но она оказалась несбывшимся утренним сном.

Все, кто не был убит в этой чертовой бешеной гонке,
И не пал от неравной и вечной как время борьбы,
И себя сохранил от пристрастия к огненной водке,
Растворились в ручьях небытия, в океане судьбы.

Февраль 2006, Тель-Авив

Вкус, цвет, запах

Рябина-рябая-рябинка-веснушка,
Груздь-подгруздок-валуй-волнушка,
Можжевельник-ельник,
Мед-пчелы-пчельник,
Хвоя-смола-муравейник.
Белые березовые бюстики,
Можжевеловые кустики.
Опушка-леса окраинка,
На окраинке вечно что-то рождается,
Шевелится-распускается.
Между деревьями, кустами, полем
Обычно место грибное:
Пузатые боровиков бочонки,
Скользкие в иголках масленки,
Стройные длинные белые ноги
Рыжеволосых красноголовиков.

04.02

АЛЬБЕРТ КАМИНСКИЙ

Родился в 1935 году. В детстве пережил все ужасы блокады. Окончил Ленинградский институт культуры. В Израиле – с 1990 года. Печатается в русскоязычной израильской прессе. Победитель поэтического конкурса «Страна моя», организованного газетой «Magazine». В 1997 году выпустил сборник стихотворений «Обязательность». Живет в Бат-Яме.

Иврит

Заповедная Синяя птица
Каждый день надо мною кружит.
Мудрецы-иудеи, провидцы
Эту птицу назвали иврит.

Я внимаю чарующим звукам,
Только их мне понять не дано,
Ну а детям, тем более внукам
От моих огорчений смешно.

Говорят «Основное-терпенье,
Синей птицей владеть не спеши.
Постепенно волшебное пенье
Для тебя станет частью души».

А пока заповедную птицу
Кормит мальчик лукавый с руки.
Ну, а мне она снится и снится.
И круги в чистом небе. Круги...

ИОСИФ КЕЛЕЙНИКОВ

Родился в Новосибирске в 1933 году. Окончил мединститут. В Израиле с 1981 года. Работал психиатром, В России, Израиле и США публиковался в журналах. Издал книгу стихов и переводов на иврит «Клубки дорог» (1988г.), книгу-исповедь «Снег во сне. Реквием по йорикам». (2003г.), сборник стихов «Сезоны души» (2005г.) Член Союза писателей Израиля. Живёт в Ашкелоне. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Рождение слова

Блики воды, не успев воплотиться в слова,
шорохом лунным глотают прибрежные дюны.
Тени несказанных слов уплывают в песок.
Звёзды мерцают, и внемлет молчанью природа.

Жирная почва томится. Испуганно ждёт.
Слов семена набухают желаньем взорваться.
Сыплется дождик. И просится в небо заря.
Недра безмолвные переполняются Словом.

Июль 1993

С наступлением зрелости паспортом выжгут тавро,
накукует судьбу календарь и укажет на сроки. –
Для того чтобы жадно накапливать зло и добро,
и раздаривать всё, до последней излюбленной крохи.
А когда полегчает, и в сердце толкнётся ребро,
приласкать на прощанье летящие в прошлое строки.

Апрель 2002

Несчастный знает, что такое счастье
(как раб, который знает силу власти).
Медаль скрывает сторону вторую,
а в нас сквозит двуличная натура.
Поди, испей заботы и забавы...
и отличи лекарство от отравы.
Потом смешай в стакане водку с пивом
и будь здоров, завидуя счастливым.

Август 2005

Спинозы, пилигримы, конформисты,
расхристанными душами скорбя,
не родину меняем, не прописку,
не деньги, не культуру, не себя...

Ползём вперёд, сдирая в кровь колени,
пленённые везде, меняем плен.
Потомки наши в третьем поколеньи
отмоют память со своих колен.

Март 1990

Плывут ночные облака,
подсвеченные городами.
Сновидна жизнь, беспечна и легка.
Плывёт Земля у вечности на грани.

Плывёт железной птицы тень.
Провиденью своя дорога.
И безмятежно брезжит Судный День
над мирной сенью Сатаны и Бога.

Ноябрь 2001

Библейский сад ещё не поредел.
 Цепляется за склоны гор Кашмира.
 А от шершавых первозданных тел
 пьяняще веет запахом инжира.
 И мир в душе. Другого мира нет.
 Сюда ещё не ворвалась реклама.
 Но здесь, где с Небом говорит Тибет,
 Уже шипят исчадия ислама.

Сринагар. июль 2004

Сегодня, как всегда, единый день у Бога,
 а на Земле всё та же суета,
 и небеса в огне, как голова Ван Гога,
 и суховей, и марево песка.

Сегодня, как всегда. Где совесть – там печали.
 Над мудростью засилие страстей.
 И, как всегда, горящие скрижали
 во гневе разбивает Моисей.

Февраль 2004

Качается на море свод закатный.
 Ни берегов. Ни жажды возвращений.
 Пльвёт бутылка капитана Гранта.
 Чреда прощаний. И тщета прощений.
 Клубятся сновидения Атлантов.
 Вода земли сливается с небесной.
 И Слова нет. И нет Его творений.
 И тьма над бездной.

Август 2003

ЕВГЕНИЯ КЛИМЕНКО

Родилась на Урале. Детство и юность прошли на Украине.
 Зрелые годы – в Москве. Окончила механико-математический факультет университета в эпоху спора физиков с лириками. Работала программистом. Жила литературой. В Израиле – с 1991 года.

Опасна мне чужая доброта.
 Она крушит, не глядя, оборону
 (как корочку пленительного льда
 осенним утром где-нибудь на Бронной),
 которую, как опытный солдат,
 я возвела от серых глаз до рта.

Опасна мне чужая доброта.
 Я на нее, как бабочка, летела
 когда-то в юности, доверчивой и чистой,
 и обжигала крылышки и тело
 (порыв был безответен и неистов).
 Достаточно. Нет, я уже не та.

...От самых глаз до горьких складок рта...
 О, где она, чужая доброта!

Копаться в прошлом, в ворохе тряпья,
 Случайных слов, непонятых причин,
 Где заблудилось истинное «я»
 И к шляху не поспело. А грачи,

Весной вернувшись, ветхое пальто
 Растаскивают устилать гнездо.
 И все. Что слезы – жалобы альтов
 Филармонических, чужих от «си» до «до».

Наконец-то мой город вкушает покой.
 Предрассветный короткий период затишья.
 Тянет влагой и свежестью ветер морской.
 Лишь порой прошмыгнет ускользящей
 мышью
 полный лжи до отказа зеленый пежо.
 Мчит водитель туда, где в глазах укоризна
 ждет его до утра, просто режет ножом.
 Задремали, как лошади, стоя дома.
 Сигарета в окошке дугу прочертила.
 Все окей. Только медленно сводят с ума.
 уползая в рассвет, темной ночи чернила.

На даче... было хорошо.
 Дождь лил на спелую клубнику,
 Над банькой стлался дым пониклый
 ...И время шло.

И многолетняя тревога,
 И мелких ссадин маета,
 Москва, Москва и суета
 Отслаивались понемногу.

Спасибо, сосны и трава,
 Тебе, скрипучая калитка.
 Дым взвился в небо, как молитва.
 С ним соглашается листва.

Двум девочкам моим смешно.
 Я хохочу, не зная смысла
 И перепутало все мысли
 Дождя шипучее вино.

АЛЕКСАНДР КОБРИНСКИЙ

Родился в 1939 в Запорожье. Издал 10 книг. С 1987 в Израиле. Переводил поэзию с украинского, иврита, латышского. Произведения публиковались в журналах «Зеркало» (1988), «Алеф», «Слово писателя» (Израиль); «Сичеслав», «Борис-фен» (Украина); «Крещатик», «Слово\Word» (США).

Не надо! –
 лукаво звучало,
 сужая
 и слева и справа
 мою одесную...
 ...(я же бедра ее обожаю
 и пятку ее
 босую),
 и – не надо...
 ...зашоря
 прозревшее море
 цунами ловить
 на живца
 и обманывать...
 ...иерихонца
 во все времена
 до восхода солнца
 сторожит
 ледяная
 луна...
 И – глаза не смыкает
 языческий бог –
 мельтешат
 хороводами
 ножницы ног
 и – не надо
 похоже на да!

медальон

детально здесь не зацепиться
пейзаж не малая вещица
чтоб сунуть в потайной карман
как милый сердцу талисман
или одеть его на шею
провинциальному еврею
как будто это миллион
что в медальоне утаен
а вид отменно деревенский
развилка до заставы п-ской
и под портретом подпись анна
с хвалой аллаху из корана
да будет то чему случиться
за светским кружевом таится
как ядовитый скорпион
воинственный наполеон
бесхитростно оно закрыло
что и на самом деле было
войны кровавое пятно
по имени бородино
ты в романтическом эпатаже
находишься и мыслишь даже
что в даму искренне влюблен
приоткрывая медальон
со вздохом-охом в самый раз
когда примачивает глаз
за перегревом дня кутузов
а дама спит она с французом.

Монолог эмигранта*Л. Ст.*

Подхожу к перекрестку и уже начинается день,
что спал на тряпье словно нищий в сырой подворотне
и, пока не проснулась в клубочке вчерашнем мигрень,
изорванных в мелкие клочья немедля полсотни
записок твоих на ветру я бездумно разбросил,
подставил под ветер я нашу с тобой переписку
и деревьев вдоль улицы параллельную ритмику весел
галеры, плывущей навстречу последнему риску,
где ко дну с горизонтом уйдет и прохожих судьба на цепи...
Дождь шуметь перестал... Только рябь и круги на воде...
Из меня, дорогая, воскового шута не лепи -
я не здесь, не тебя, не с тобой, не к тебе, я нигде -
я к походке твоей не прирос - я иду не с тобой, а тобою;
улыбаюсь я тучей сквозь тучи осеннему раннему свету,
я сердцем твоим становлюсь и себя самого за собою
сжигаю, и пепла в костре этом не было вовсе и нету;
я лишь малая бусинка в ожерелье твоём опускаюсь,
по ложбинке от горла вхожу декольте на ладошечку ниже
и соска твоего перламутром жемчужным касаюсь,
и стучу каблучками твоими по улицам злого Парижа.

Письмо в никуда

Боюсь переборщить я тем, что доверяю
Строфам терцетным прозу. На кухне я сижу.
Что на подоконнике? - всего полпачки чаю.
В кульке? - да там овсянка и про цифирь не лгу.
Я тычу пальцем в смалец, я искренне страдаю,
Что Вам послать посылки достойной не могу!

ЯКОВ КОГАН

Родился в Киеве, жил в Баку. С 1990 года – в Израиле. Пишет песни на свои стихи. Первое стихотворение–песня написано в 14 лет. Дважды лауреат Грушинского фестиваля авторской песни. В Израиле вышла книга стихов «Небо – выше».

Жила-была моя душа
И многих грела.
И не имела ни шиша –
Такое дело.

Она хотела все успеть,
Она горела,
Она желала песни петь,
И, кстати, – пела.

Но тот, кто знает все сполна,
Кто все оплатит,
Сказал: не к времени она,
Она не кстати.

И чтоб себя не бередить,
Минуя мели,
Она пошла, пошла, бродить
Как по панели...

Чего греха таить – лгала
И издевалась.
Но одного вот не смогла –
Не изменялась:

Меня кусочек небольшой,
От предков – звонкий,
Она мечтала быть душой,
А не душонкой.

Жила, подонков не боясь,
В стихи играя,
А что ее макали в грязь –
Она не знает.

А то, что вся ее родня –
В каменоломнях,
Она, не слушая меня,
Все помнит, помнит.

Болит, поет, кровотоцит
Совсем бесслезно.
И не молчит, все не молчит,
Хоть знает – поздно...

И объясняет мне: – До дна
Дойди, до края...
...Не изменяйся, – ты нужна
Мне лишь такая...

Когда я умер, с неба звезда не скатилась.
Что поделаешь, нет у меня звезды!
Только пела труба моя маленькая, и светилось
Мое дыханье сиреневым светом
над чернотой воды.

Когда я умер, меня не везли в катафалке,
Не было тела – я просто исчез,
и никто не шагал за мной.

Мешая творчество с запоем,
 За все платил самим собою,
 Порой доверчив, как щенок.
 И восхваляемый толпою,
 Был по-вселенски одинок.

В тот вечер мы еще не знали,
 Что небеса за нас решили.
 Мы жили, словно на вокзале
 И потихонечку грешили.

Укрыта пледом полумрака,
 По-детски ты устав уснула.
 Лохматой черною собакой
 Ночь у камина прикорнула.

А дирижер-огонь был страстен.
 Нам пели о любви поленья.
 И сожалел я, что не властен,
 На миг замедлить их горенье

Лучом луны прозрачно-тонким
 Венчали нас судьбы мгновенья
 Смешным беспомощным котенком.
 Уткнулась ты в мои колени.

Припев:

Спит старый дом, спит время на весах
 Спит ветер в занавесках-парусах.
 И если золушкой ты исчезнешь вдруг,
 Я башмачок не выпущу из рук

И если это был всего лишь сон
 То нам двоим приснился он.

Все чистое осталось там-
 На первом утреннем снегу.
 И словом сказочным «сезам»
 Я сдвинуть годы не могу.

Прозрачен летних ливней храм,
 Пух невесомый тополей
 Весь этот сердцу милый хлам,
 Храню я в памяти своей

Все светлое, что было там,
 Лишь изредка приходит в сны.
 Одною больше стало драм –
 Что, как комедии смешны

Прозрачен летних ливней храм,
 Пух невесомый тополей
 Весь этот сердцу милый хлам,
 Храню я в памяти своей

Капель не протрезвонит нам,
 О приближении весны.
 Бродячей кошкою к ногам
 Прибьется краешек волны.

ЭЛИ КОРМАН

Родился в 1947 году. Закончил Воронежский университет. Преподавал математику в вузах Архангельская и Ижевска. В 1991 году репатрировался в Израиль. Автор книг «Коли мы големы» (поэзия), «Зачем горят рукописи» (литературоведение), публиковался в журналах «Алеф», «22», альманахах «Поэты Большого Тель-Авива», «Огни столицы», «Год поэзии. Израиль-2006», «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Шёл по морю, как помсуху,
Сшибал барашки посохом,
Вокруг плясали блики на воде,
И светлячок с подветренной
Садился на берет ему,
Вдали другой – и далее везде.
Мазками и намётками
Там, под его подмётками
Светилась бездна и его звала,
Ждала его и верила
И расстоянье мерила –
И снова колыхалась и звала.
А звёзды удивлённые,
Плакучие, солёные –
Над ним сбивались в шлейфы, в караван;
И словеса искомые,
Над брызгами рекомые,
Подслушивал и млел Левиафан.

В облака играет ветер,
В небе лепит письма,
Белым шрифтом пишет ветер
Дорогие имена.
Он сложил о них легенду
И твердил её везде:
В волосах, играя лентой,
В камышах и на воде.

Он занёс её в подворье,
Бормотал её в углу,
А наутро с плоскогорья
Сдул в долину, как золу.

Чтоб она весёлой шуткой
Понеслась с материка,
Чтоб ныряла дикой уткой
В кучевые облака,

Чтоб застряла в гриве львиной,
Чтоб упала в ковыли,
Чтобы лапкой голубиной
Отпечаталась в пыли,

Чтоб, рассказанная в лицах
Парусами кораблей,
Стала притчей во языцех
И загадкой для детей.

Я заборы мурыжил,
С воротами возжался.
У пройдох и у выжиг
Я ума набирался.

Я взимал спозаранку
С них святые поборы:
Анекдоты и шванки
Городского фольклора.

Я расхристанной кроне
Проповедовал рьяно,
Пыль кружил на перроне,
Целовался с бурьяном.

Подгулявшим калекой
Я в низинах елозил,
Ибо колокол века
Свой язык отморозил.

Ты кукла? Химера? — Не всё ли равно:
Тварь, идол, слуга домочадцам...
Но то, что имело начаться давно,
Недавно сумело начаться,

Оврагом ты не был и не был совой,
Ни лесом, ни следом копыта,
А просто ты был завиток звуковой
И шёпота переизбыток.

Не числился в сущих, а был как намёк,
Никем не объявленный с кровель,
Но я тебя вышептал, вызнал, извлёк,
Восставил, призвал, приготовил.

Ты будешь немым — не давайся в обман.
Из глины Адамовой слеплен,
Ты — дивное диво моё, великан,
И силой померишься с вепрем.

ЛЮДМИЛА КОСТРОМИЧЁВА

Родилась, училась, работала (преподавала физику в школе и институте, затем – экскурсоводом по историко-архитектурной тематике Москвы и Подмосковья), растила троих детей. Репатрировалась в Израиль в 1998г. Там стихи писала в «ящички», здесь печаталась в альманахах г. Лод и г. Реховот («Римон»). Автор ежегодников «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА)

Кинерет

Генисаретское... То ж – Галилейское
Озеро, море ли – холст голубой.
Линия берега – арфа (Кинерет)!
Солнце кинжальное, зной над водой.

Боже мой, Боже! Сколько лет кануло.
Воды Кинерета не замутив...
Страшно подумать: три тыщи без малого
Сели тут предки: Звулон, Нафтали.

Тиверидиатское – то ж Галилейское
Озеро, море ли – ветер с волной.
Линия берега – арфа (Кинерет).
Лодки рыбацкие, парус тугой.

Яков – Израэль! Что с Богом сражался?!
Вот и судьба твоя – полон и плен:
В Древней Ассирии ты затерялся.
Плачет Кинерет: «Где ж 10 колен?»

Древний Кинерет мой! Озеро, море ли...
Предки иль вороги – норов крутой!
Линия берега – арфа: Кинерет.
Струны печальные, плач под луной...

ИГОРЬ КОЧНЕВ

Дипломант Шестого израильского молодёжного литературного фестиваля. В Израиле публиковался в поэтическом сборнике «Мост», в газете «Новости недели», в журнале «Алия». В Стране 10 лет. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА). Выпустил книгу стихотворений о любви «Свет мой небесный» (Э.РА, 2007).

Синагогу покинул последний еврей

Синагогу покинул последний еврей –
Двери заперты, окна темны..
Чем живёт дом молитвы в пустыне своей,
Осиянный лучами Луны?

Я напротив сажу на балконе своём
И сквозь ветви смотрю на тебя.
Дом молитвы, теперь я с тобою вдвоём,
Хоть не верил ни мига, ни дня.

Я не верю в людей, я не верю себе,
Я бродяга по сути своей,
Но тепло мне, что светит в пустыне моей
Дом молитвы, дом тихих свечей.

Я не верю в Тебя, хоть Ты благ и велик,
Только дай мне, в безверье моём
Видеть ветвь кипариса и маленький блик
От мезузы на Доме Твоём...

28.04.2002.

Видно, так заведено

Видно, так заведено:
И лягушки над болотом
Прозвенят весенней нотой,
А зимой вмерзают в дно.

Видно так заведено:
День сменяет ночь. Апрель
Безнадёжно протрезвели
За распахнутым окном.

Видно так заведено:
В человечесий муравейник
Нас сметает жизни веник
Всех, без спросу, заодно.

Видно так заведено:
Не начать уже сначала,
Ах, как ты, душа, дышала
В жизни той – давным-давно.

Видно так заведено:
Бог один в обличьях разных
За грехи и за проказы
Нас осудит всё равно...

17.01.2003

Лбом шишбая все столбы...

Лбом шишбая все столбы,
 Брёл бедняк по серпантину,
 Брёл, взвалив себе на спину
 Загогулины судьбы.

Серпантинном вверх да вверх –
 Серпантин смеётся криво,
 И в его ухмылке лживы
 И удачи и успех.

На дороге тусклый свет,
 Переулков пересуды,
 И осколки от посуды,
 И любви бессонный бред...

И зелёная тоска,
 И зелёный змий коварный,
 Но бедняк ещё не старый,
 И крепка ещё рука.

До небес – рукой подать –
 Он сожжёт стихотворенье,

Чтобы новым восхождением
 Только небо удивлять.

30.01.2003

Как горько, страшно плачут дети!

Как горько, страшно плачут дети!
 Ручьями льются слёзы в ночь,
 Как будто прежних жизней ветер
 Их душам вынести невмочь.

Творец, дрожа от нетерпенья
 Податливый сминает воск...
 И мучат мрачные виденья
 Новорождённый нежный мозг.

Кто преуспел из прежних теней,
 Кто в новую ворвался ясь?
 Проклятий иль благословений
 Мы удостоились, родясь.

Чьи души, растолкав локтями
 Слабейших из трильонов душ,
 Вновь обретают тело с нами,
 Отпраздновав отбитый куш?

25 июня 2002

Корабли

Утоли мои печали,
 Если сможешь, утоли,
 В заколдованные дали
 Уплывают корабли.

Уплывают – до свиданья!
 Даст Господь – увижу вновь,
 Возвращают из скитаний
 Только вера и любовь.

И морская и мирская
 Пусть не тронет вас болезнь,
 И в волнах пусть не оставит
 Вас судьбы разгульной пес

Видит Бог – хочу я с вами,
 Поднимая якоря,
 Вечных судеб, вечных зданий
 Видеть яркие края.

Для кого-то мир – просторы,
 Для кого-то – закуток,
 Но не тронут даже воры
 Нашей свечки огонёк.

Огонёк свечи истает
 На семи сквозных ветрах...
 Даст Господь – о нас узнают
 И в незнаемых краях...

6.02.2005

Памяти Андрея Синявского

Пророка нет в отечестве своём,
 Напрасно ждут Машиаха евреи,
 Любой пророк закончит путь крестом,
 Любой Кассандре Троя не поверит.

Вершится суд с повязкой на глазах,
 Подсудны все – и ангелы, и черти...
 Вот так Гулаг перемолол во прах
 Судьбу Руси на несколько столетий.

Мы до сих пор, как лагерная пыль
 И нас ветра загнали на чужбину...
 Нас только память держит, как костыль,
 И в лютый зной Россия в сердце стынет.

ВИТАЛИЙ КРАВЧИК

Родился в Москве в 1969 г., Учился в Московском институте водного транспорта. Занимался спортом – борьбой самбо. Был участником сионистского движения, возглавлял московское молодёжное общество «Бейтар». С 1991 года живет в Израиле. Работает по специальности – промэлектроника. Член литературного объединения «Негев». Публиковался в альманахе этого объединения, в Антологии израильской поэзии и в СМИ...

Жара. Дорога. Беэр-Шева.

Пустыня вылила с литавры
 Звенящий блеск одним глотком!
 И дети, черные как мавры,
 Играют шелковым песком.

А я, в сверкающей «Тойоте»
 По ходу поглощаю джаз,
 На жирной негритянской ноте
 Небрежным тактом жму на газ.

Врасплох застала Беэр-Шева
 Пылящим запахом ветров:
 Лежит растрепанная дева
 Брюнеткой загорелых снов.

ЕВГЕНИЙ КРАСНОШТЕЙН (Рамат-Ган)

Родился в Перми 6 ноября 1967 года. Учился в Пермском университете, после армии продолжал учиться в Москве, а закончил обучение в Тель-Авивском университете. По образованию геофизик, работает программистом. В Израиле с 1990 года. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА). Автор книги стихотворений «Межреберье» (Э.РА, 2005)

Контактный адрес: 3.14pi@mail.ru

Если б это было можно
(То, что нужно, я уверен),
Я бы очень осторожно
Приоткрыл входные двери,

Проскользнул кошачьим шагом
В твои спальные покои
И присел тихонько рядом,
Твои сны не беспокоя.

Приоткрыл бы одеяло
Уголок, у самой шеи,
Чтоб ничто не выдавало
До поры моей затеи.

Посмотрел бы на изломы
Нежных плеч и силуэта,
Проступающего томно
В полумраке полусвета

Прикоснулся бы дыханьем
К так умильно спящей мочке,
Не спеша пока касаньем
Оборвать невинность ночи.

И затем слегка губами
Тронул кожу на ключице,
Наблюдая за глазами
По трепещущим ресницам.

Я б открыл их поцелуем,
Успокоил долгим взглядом,
Сбросил все с себя вчистую,
Лег в тепло с тобою рядом.

Я б обнял руками спину,
Изучая чуткой кожей
Сладострастную картину
Твоих впадин и дорожек

Я бы ушко беспокоил
Щекотанием нежной чуши,
Я б колочей бороною
Смел печаль с твоих подушек.

Я бы выпил без остатка
Горечь страха и сомнений,
Затерявшуюся в складках
Возле глаз усталой тенью.

Я бы снял с тебя все лица,
Твою скрывшие природу.
Чтобы вместе насладиться
Невесомостью свободы.

Я бы взял в тепло ладоней
Твое жаждущее тело
И вознес на мягком троне
До блаженного предела...

... Как бы нам хотелось верить
В то, что все не так уж сложно.
Я б открыл входные двери,
Если б только было можно...

Его Высочество Одиночество
Как пророчество, как праотчество.
Безраздельны его полномочия
Среди денствия, среди ночи.

Заполняет собой бесконечности
От мгновения и до вечности,
От безумства сердцебиения
До последнего покоения.

Разрушая бессонными строчками
Стены между двумя одиночками,
Заменяем кирпич на фантазию
Получаем не жизнь – эфтаназию.

Звуки

Уверен, так бывало и с тобой,
Что музыка, любимая когда-то,
Откуда-то накатит, как прибой,
И стащит галькой с берега обратно.

Затопит сердце, хлюпая в груди,
И ты на миг погрузишься в былое
И кажется, лишь звуки, а поди –
В них сила и бессилие какое.

СЕРГЕЙ КРАШЕННЫЙ

Хабаровчанин. Окончил филфак ДВГУ, журналист, фотограф. Автор 3 стихотворных сборников: «Радость поэзии» (1995), «Странник вездесущий» (1997), «Святых святое» (1999). Член Союза писателей России. Член литобъединения «Рыжий дельфин». В Израиле с 2000 года. Живет в Хайфе.

...Шестидесятые, несчастные,
Возвышенные и блестящие!
Надежды полные, невинные,
Непредсказуемо наивные.

Теплом омытые, бессменные
Эпох. Жилищно-переменные,
Разбуженно-предыповедные
В России честные – последние.

Плач о Борисе Чичибабине

*И все мне снится сон,
Что я еврейский мальчик.
Б. Чичибабин*

Заслышу ль трели «Соловья» Алябьева,
Иль Моцарта концерт, иль фуги Баха я,
А сердце все болит за Чичибабина,
Остановясь почти, иль с шумом бахая.

Какой удел! Какая доля грустная!
Какая хмарь! Какая боль вселенская,
Когда душа – расхристанная, русская
Страдает, будто та душа – еврейская.

Как будто горе так и катит мячиком,
И мало ему это горе выплакать,
И с детства мнить себя еврейским мальчиком,
Хотя и так сполна страданий выпало.

Хотя и так душа в потемках каторжных
Кругами ада шастает затравленно,
Чтоб светлого глотнуть хотя бы капушку,
Чтоб было с чем минуты счастья сравнивать.

Как будто на земле и впрямь есть истина!..
И я, как Чичибабин, правдой мучаюсь,
Как будто православный – я, и истово
Его еврейской сущности сочувствуя

И сетуя, что наша жизнь – ограблена,
Что вынесено самое дражайшее...
И плачу, плачу я по Чичибабину,
Размазывая слез ручьи дрожашие.

Как будто нету зла, и мы аллеями
Идем. И нету мерзкого обманщика.
Как будто мы с ним два еврейских мальчика,
Явленные пером Шолом-Алейхема.

Гимн бессоннице

Спасибо, ночь, что ты прошла не зря,
Но, в суতোлке горьких откровений,
Прошла, живую мыслью озаря,
И кучу родила стихотворений.

В бессоннице ль угрюмой правота,
Что нас томит, когда убить нас стоит,
Иль в мыслях, что сжигают?

Право, та
Из мыслей только нас и беспокоит,

Которая, как совесть или страх,
Является в глухой ночи отмщеньем
Запутавшимся в собственных грехах,
Чтоб высветилось ярче заблужденье.

Та, что скорей и не даёт уснуть.
Та аксиома или та дилемма,
В которой лишь и пребывает суть
И без чего загадка – теорема.

И потому худеть календарю,
Минуя ночь бессонницы пассивом.
И потому я, ночь, благодарю
Тебя. И говорю тебе «спасибо!».

1974 – 2004 гг.

МИХАИЛ КРУГЛИКОВ

Родился в городе Клинцы, Брянской области в 1931 году. Образование среднее. В России работал балетмейстером-постановщиком. Стихи стал писать поздно. Нигде не публиковал их. Уже в Израиле издал три сборника: «Наивные стихи», «Если рядом нет костра» и «Земной поклон земным дорогам». Живет в Димоне.

Как растворить в себе чужбину,
 Чтоб в роще памяти рябина
 Не стала горше, чем всегда?
 Сомнений черная звезда
 И днем сидит на небосклоне.
 Я должен что-то вырвать с корнем.
 Уж не рябину ли?
 Но с ней
 я словно бы
 одних
 корней.

Лирическое

Валентине

На вечерний зов двухрядки,
 В полнолуние, вдоль реки
 Шли в лирическом порядке
 Туфли, рядом – сапоги.

Туфли гордо выражали
 Каждый девичий каприз,
 Сапоги не возражали
 И покорно вслед плелись.

Приглуши гармонь басочки,
 Не вспугни счастливый вздох.
 Туфли встали на носочки
 У настойчивых сапог...

Хамсин

Песок и камень. Камень и песок.
 Кустарника безводный марш-бросок.
 И бедуин по красноморской мгле
 Везет жару на сплюснутом осле.

Эйлат и море. Море и Эйлат.
 До смрада накаляется асфальт.
 Хамсин. О, море! Выжить помощи,
 Но к полдню испаряются мозги.

Хамсин и солнце. Солнце и хамсин.
 Откуда у Востока столько сил?
 Чтоб выцедить дыхания глоток,
 Он должен процедить жары поток.

Иврит не может обознаться,
 Он знает всех своих в лицо.
 И, как ни грустно мне признаться,
 Пред ним я выгляжу глупцом.
 Года и сердце б помоложе
 И попроворнее мозги...
 Все б некудоты перемножил
 На мысли лучшие свои.
 Читал бы книги на иврите,
 Писал и думал бы на нем.
 И древний свет святых открытий
 Даль озарял в пути б ночном.
 Но между тем и этим светом
 Учу язык другой планеты.
Память – провод оголенный

Эшелоны, эшелоны...
 Память – провод оголенный.
 Что б ни вспоминалось мне –
 Замыкает на войне.
 Эшелоны, эшелоны...
 Безразмерные вагоны.
 За два месяца войны
 На колесах – полстраны.
 Сколько судеб опаленных!
 Только вылез из пеленок,
 За подол войны держись.
 Эшелоны, Эшелоны...
 С ваших крыш ошеломленных
 Мы освистывали жизнь.
 Мы, военных лет подростки, –
 Ни одной беды по просту –
 Все на вырост – до одной,
 Все размешаны войной.

Жизнь

Поезда меня понянчили,
 Баю-бай в собачьем ящике,
 Баю-баю – крепок сон,
 Катит детство колесом.

Тесновато было в ящике,
 Научился спать калачиком,
 И под стук железных верст
 Катит детство колесом.

Поезда меня понянчили,
 До сих пор еще покачивает,
 И во сне и наяву,
 Будто в ящике живу.

ФЕЛИКС КУПЕРМАН

Родился в 1939 году в городе Немирове, на Украине. Филолог. В Израиле – с 2001 года. Живёт в Ришон ле-Ционе. В 2003 году издал в Тель-Авиве книгу стихов «На уровне моря».

Молитва

Дай Бог тебе моря,
 Как это высокое небо!
 Дай Бог тебе неба,
 Как это глубокое море.
 Дай Бог мне Тебя
 Под израильским небом у моря...

Черный квадрат

День просыпается.
 Снег просыпается.
 Как загрунтованный холст,
 Старый наш двор.
 Ко двору прикасается
 Дворника кисть.
 На холсте проявляется
 Чёрный квадрат –
 Фантастически прост.

Я себе не стаял...

Я себе не стаял
 Ни чинов, ни престижа.
 Никого не сажал,
 Никого не подсиживал.

Не разменивал честь
 И не кланялся власти,
 Не был падох на лесть,
 Счастлив был и несчастен...
 Ведал горечь разлуки,
 По дому тоскуя,
 Верность ласковых рук
 И обман поцелуев.
 Был у женщин в плену
 И пленял их –
 Всё было...
 А любил лишь одну,
 Что меня не любила.

Йом Кипур

*Это День отрешения и раздумий о жизни. Бог
 листает Книгу жизни каждого и прощает
 покаявшихся.*

На кроватях, лежаках,
 На полатах и диванах,
 День постившись, спит в ночи
 Вся Земля Обетованная.
 Боже, милостивым будь
 К старикам её и детям –
 Тяжелее
 нет на свете,
 Чем Твоих евреев путь.
 Натерпелись так они
 От беды и от разбоя,
 Защити, прикрой Собою,
 За грехи их не казни!

Я прошу Тебя за всех
 И за ту, что нет дороже,
 Если есть у милой грех,
 Мне его зачесть Ты можешь.

 Спит Земля. Один лишь Бог
 Звёзды собирает в стаю,
 Списки длинные листаёт.
 Мог бы – я б Ему помог..

Стена

Что мир...
 Нам мудрено самим понять,
 На что мы избраны –
 На проповедь, прозренья?
 В залог чужих грехов
 на вечные гоненья?
 Кому?
 Зачем?
 Куда тропу торим?
 Я видел Иерусалим, –
 Храм изувечен и порушен,
 На всех одна
 стоит стеной Стена,
 Вместившая все страждущие души.

ВАЛЕНТИН КУЦ

Родился в г. Владимирец Ровенской области. Окончил Одесское музыкальное училище по классу дирижера с красным дипломом. Специальность – хормейстер. В Израиле работает по своей второй специальности бригадиром сборщиков-сварщиков металлоконструкции. Здание театров в Беэр-шеве, Ашдоде, кинотеатр Ришон-Ле-Ционе – во всем есть и его лепта. Является членом клуба «БардЮга». Печатался в альманахе «Горизонт». Пишет песни и исполняет их.

Зеркало

Перед зеркалом крутишься ты.
За тобою окно и цветы.
Ты не видишь другой красоты.
Только ты, только ты, только ты.

Я стою за открытым окном.
Вижу в зеркале стильном твоём,
С безупречно красивым лицом,
Безупречно красивый фантом.

Окунаешь мечты в маету.
Вот улыбка твоя на посту.
Лицезрею я сквозь красоту
Темноту, темноту, темноту.

Я уйду от окна. Скукота.
Ты окликнешь, в ответ – немота.
Только эхо с пустого моста,
Да ещё пустота, пустота.

Развевая по ветру косы,
В нарядах весёлых кружит.
Не думает девка Осень,
О белых снегах и стуже.

А что ей, до жути красивой.
Желанна, всегда любима.
Ей хочется быть счастливой –
Беспечная рыжая прима.

Средь шёлка багряных картинок
Невеста простоволоса.
Фату её из паутинок
Воришка-ветер уносит.

Зимою, пока не зримою,
Гонима, уйдёшь ты скромно,
Но мне цвет волос любимой
Тебя среди зимы напомнит.

07.03.99

Тучка

Кто заводит собаку,
А кто-то кота.
Мой знакомый завёл крокодила.
У соседки макака.
Она без хвоста.
По балконным шныряет перилам.

Только я, все соседи
Стучат у виска,
«Ненормальный», – кричат и покруче,
Ни жену, ни медведя
И ни хомяка,
На балконе завёл себе тучу».

(Припев): Только тучку свою
 Ни за что не сменяю
 Потому, что люблю вот такую.
 Я ей песни пою,
 Развожу болтовню.
 Я с ней даже, представьте, танцую.

Но смеются соседи,
 Им нужен скандал.
 Им не надо счастливых историй.
 «Ты ведёшь с ней беседы,
 А ветер-нахал
 С ней играет и носит на море».

Я бы ветер ногою
 Поддал бы, но он
 Молодой и красивый повеса.
 Мы не пара с тобою,
 Ты просто мой сон.
 Отпускаю. Окончена пьеса.

(Припев): Только тучку свою
 Я ни в чём не виню
 Потому, что люблю вот такую.
 Я ей песню спою
 Отменю болтовню.
 На прощанье ещё поцелую.

А ещё ей скажу:
 «Улетай, не держу,
 А вернёшься – мы снова станцуем».

МИХАИЛ ЛЕВИН

Художник, поэт, журналист, живет и работает в Кирьят-Яме. Родился в 1938 году в Москве в интеллигентной еврейской семье. Отец (Наум Яковлевич Левин) преподавал еврейскую эстетику и литературу студийцам Государственного еврейского театра, которым руководил Соломон Михоэлс, а также являлся главным редактором Еврейского антифашистского комитета. Мать Михаила, Сара Михайловна Левина, была актрисой Государственного еврейского театра. В 1948 году Еврейский антифашистский комитет был разгромлен, а его руководители репрессированы. Отец, как главный редактор Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), был расстрелян, а мать сослана в Сибирь. Детей, одиннадцатилетнего Михаила и его пятилетнюю сестру Миру, отправили в детскую тюрьму для детей врагов народа, которой в то время был московский Даниловский монастырь. В дальнейшем детей этапами отправили в ссылку к матери. В деревне Тасеево, Красноярского края было много ссыльных знаменитостей, в частности академик живописи Сергей Осипов, ставший его первым учителем живописи. После реабилитации в 1956 году окончил училище им. Репина, служил в военно-морском флоте. Жил в Риге, работал на Крайнем Севере.

В 1993 году вся семья репатрировалась в Израиль. Сейчас Михаил Левин живет в Кирьят-Ям. Пишет картины, и стихи, публикуется в журнале «Галилея», сотрудничает с газетами. Его картины выставлялись в Араде, Хайфе, Крайот.

Чья речь, как травы, проросла
 И небо обнажает звуки...
 Не причиняйте ночи зла
 И за спиной не прячьте руки.
 Не причиняйте ночи зла,
 То испытание на прочность.
 Пусть в море падает с весла
 Ночь, сохраняя непорочность.
 Не обнажайте ночь огнем,
 Оставьте ей укромный угол.
 И так по горло сыты днем
 Мы ложью властвующих пугал.
 На углях дней,
 дымящих слов
 Мы пляшем,
 Избегая порчи.
 И бьющий свет из-за углов
 Ломает перспективу ночи.
 Не причиняйте ночи зла.
 Ее так хрупко обнаженье.
 Пусть в море падает с весла
 Ночное небо в утешенье.

Никто не осудил меня за странность
 Среди черепков, впустую битых дней.
 Так обронив нечаянно реальность
 Я целым днем не вспоминал о ней.
 Куда то шел, какой-то частью света
 Был окружен, где та же суета.
 Сама собой дымилась сигарета,
 Парящая у скомканного рта.
 И невозможно было мне представить,
 Что беззащитен я среди бела дня.
 Хотя без труда мог даты переставить
 И обменять день прошлый на коня.,
 А что же конь?
 Он повернул обратно,
 К потерянной реальности маня.
 И вырвалось, да будь она неладна!
 Но как она смотрела на меня.
 Какое сомнение,
 возможно ль?
 Я нужен ей?
 Ведь выход был простой –
 Блаженствовать, ступая осторожно,
 Недобрый мир оставив сиротой.
 Никто б и не заметил перемены.
 Но беспокойно сердце без оков...
 Я посадил пропажу на колени,
 Остатки дня
 собрав из черепков.

Я изнемог от нетерпения
 Сны вдохновенья коротки.
 Звоню в отдел
 сердцебиения
 И слышу частые гудки.
 Но мне по силам испытание,
 Я трубку не поколочу.
 И учащенное дыхание
 Всю жизнь мне будет по плечу.
 Пусть нетерпенье
 в муках корчится,
 Я рад тому,
 что много нас.
 Но...
 дозвонится очень хочется
 Хотя бы раз,
 хотя бы раз.

Касающийся
 Да не коснется
 Моей души,
 Моих корней...
 Смешным
 Двум маленьким уродцам
 Не одолеть шальных коней.
 Оглядываясь одичало
 Иду покорно под венец
 С одним –
 по имени Начало,
 С другим –
 по имени Конец.

АЛЛА ЛЮБИМОВА

Репатрировалась к Израиль с Украины.
 Живет в Ашкелоне.

Когда во мне замрет душа Ассоли,
 Когда угаснет в сердце голос боли, –
 Дорога станет ровной, как стрела.

Меня одобрит кто-то: «Повзрослела!»
 И кто-то усмехнется: «Поумнела!»
 А я скажу с улыбкой: «Умерла...»

НИНЕЛЬ МЕРЛИН

Родилась во Владимире, жила в Азербайджане, Украине, Белоруссии. Преподаватель русского языка и литературы. В Израиле с 1997 г., живет в Афуле. Стихи пишет с юношеских лет. Печатает их на сервере современной русской поэзии Stihi.ru под псевдонимом Арфа. Подборка её стихов вошла в книгу «Год поэзии. Израиль, 2006» (Москва – Тель-Авив, 2006).

Ночные птицы

Мелькают в свете фонарей,
 Играя, две ночные птицы.
 Разлуку чувствуешь острее,
 Когда порой совсем не спишь.
 Твой голос слышу в тишине,
 Хотя откуда тебе взяться? –
 Ведь ты не птица, чтоб ко мне
 В окно проникнуть... и остаться...

Но как прекрасна эта ночь
 Своим крылатым совершенством!
 Соблазна мне не превозмочь –
 Спешу на улицу... блаженство:
 Как будто радость белых птиц
 Меня пронзила яркой вспышкой,
 Вдали пылающих зарниц,
 Внезапно растопив ледышку
 Моей души... Над головой
 Пьянеют в тихом ветре птицы,
 От ночи тёмной, колдовской,
 Мечтая в поднебесьи слиться...
 Когда-нибудь и мы с тобой
 Взлетим, как две ночные птицы, –
 Пройдут тревоги стороной,
 И будут разве только сниться.
 Мы птицы вещи с тобой,
 Летим в ночные песнопенья,
 И, приподнявшись над судьбой,
 Внимаем времени мгновеньям.

ДАН МИРОШЕНСКИЙ

Родился в 1953 году в г. Комрате, Молдавия. В Израиле с 1990 года, работает по специальности учителем морского дела и тренером по гребле на байдарках. В составе сборной Израиля в качестве тренера по гребле был участником Олимпийских игр в Сидне и Афинах. Лауреат Первого Израильского фестиваля бардовской песни в Иерсалиме, автор двух книг стихотворений, выступает с концертами, по радио, публикуется в периодике. Публиковался в сборниках писателей-евреев Молдовы. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Фаворит

Твой звездный час! Ты, наконец-то,
 В себе почував скакуна,
 Летишь! И вольным крыльям сердца
 Тесны законы табуна.
 Азарт сжигает плоть и нервы.
 И хор дыханий за спиной.
 Ты будешь первым, только первым,
 Не мысля участи иной.
 Ты выстрадал такое кредо.
 Готов вести высокий спор.
 Предощущение победы
 В тебе томилось с давних пор.
 Никто не выдержал погони,
 И вне сомненья твой успех.
 Ты впереди, как на ладони,
 Недостигаемый для всех!
 Пар из ноздрей, лоснятся ребра,
 И остывает жар борьбы,
 Но кто-то глаз скосил недобро, –
 Он мог быть первым, если бы,

Споткнувшись где-нибудь о кочку,
Ты проиграл себе пари,
С достоинством приняв отсрочку,
Страдая молча, в одиночку,
Как настоящий фаворит.

Удача

Как мяса свежего, удачи свежей хочется
(Не говорю конкретно ни о ком).
Кто на нее, бедняжку, не охотится?
Те ждут с силками, те берут силком.
Кому на пользу, а кому во вред она —
Определяет наше бытие.
Она, как женщина, порой бывает предана
Тому, кто недостоин чувств ее.
Ее отведасть хоть разочек, милую, —
Потом не скажешь: «Я удачей сыт» .
Удача наполняет дерзкой силою.
А сила нагоняет аппетит.
Сойдет с лица улыбочка парадная,
Душа оскалась, обнажит клыки.
И вывернется сущность плотоядная,
И разорвет добычу на куски!

* * *

Каждый умирает в одиночку
В добрый час или не в добрый час.
Я хотел бы это сделать ночью,
Вдалеке от любопытных глаз.
Не хочу, чтоб видели остывшим
В этот час меня в кругу семьи.
Пусть предстану я перед Всевышним,
Но не перед близкими людьми.
В этом тоже счастье человека —

Смерть принять, как свой последний бой.
Чтоб не пахло в комнате аптекой,
Старым телом и сырой землей.

17. 10. 88

* * *

Слушаю случайно
Стариков у дома
И хромой печально
Говорит седому:
«Так-то, братец, вышло
И теперь не сетуй.
Нету страха свыше
И порядка нету.
Люди стали хуже,
Люди злыми стали,
Ох, как Сталин нужен,
Ох, как нужен Сталин».
Я родился позже
(Слава тебе. Боже)
Только дрожь по коже
Пробегаёт все же.
Сколько их на свете
С мечеными лбами
Так до самой смерти
И живут рабами...

Моя свеча

Вам может быть ни холодно, ни жарко
Лишь чуть светлее сделалось со мной.
Свеча горит, становится огарком —
Кто вспомнит про ее талант свечной?

Мой скромный дар — горящая свеча,
 Горячий свет неяркого накала.
 Она мне ничего не обещала,
 Но что-то нашептала сгоряча.
 И при свече хранителем огня
 Служить я буду до последней искры.
 И ей, погасшей, поклонюсь я низко
 За приобщенье к таинству меня.

* * *

Когда при государственном попустительстве
 Скончается лирик последний
 Легши под лживые образа,
 И липкие, грязные пальцы действительности
 Ему закроют глаза,-
 Тогда и ось Земная сдвинется,
 Динамо Истории выдаст агонии яркий свет
 И запишут в рекордную книгу Гиннеса -
 Умер последний поэт...

1988

* * *

Когда сбывается мечта,
 Она как женщина седая,
 Чьи молодость и красота
 Ушли к другой, не увядая.
 И снова девочка поет,
 Как вишня пьяным соком бродит;
 И верен легкости её
 Круговорот мечты в природе.

РОМАН МЕЖБЕРГ

Родился и до репатриации жил на Украине. Поэт, бард, режиссер, пародист. Почетный житель г. Кирьят-Гат, где проживает и ныне. Автор нескольких книг (лирика, юмор, пародии, песни). Был участником коллективных сборников ЛИТО «Поэтический театр Кирьят-Гага», альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» (Э.РА).

Жених у рава спрашивает: – Сколько
 Вам за обряд я должен заплатить?
 – Нет твердой таксы! Заплати мне столько,
 Сколь хороша невеста, так и быть!
 Жених был щедрый, видно, от природы:
 – На счастье! На-ка, целый шекель, вот!
 Рав на невесту бросил взгляд холодный:
 – Возьми на сдачу сорок «агорот»!

* * *

Врач говорит: «Своим на Новый Год
 Я пациентам нанесу визиты».
 Сосед подумал: «Может, он пойдет
 На кладбище, где все они зарыты?!»

ИРИНА НАБИЕВА

Родилась в Москве. Окончила историко-филологический факультет МГПИ им. Ленина и Университет рабкоров при Московской организации Союза журналистов СССР. Публиковалась (статьи и стихи) в «Учительской газете», в журналах «Смена», «Огонёк», «Крестьянка», «Сельская молодёжь», «Советская женщина», «Студенческий меридиан», «Турист», в альманахах в издательстве «Молодая гвардия». В 1989 г. в издательстве «Советский писатель» вышла книжка её стихов «До-ре-ми...» Часто её стихи звучали по радио в концертах по заявкам. В Израиле с 1994 г. С 1995 г. постоянный автор газеты «Вестник Хайфы и Севера». Лауреат и победитель всеизраильских конкурсов песни (автор стихов – на русском и иврите – и музыки). Активно занимается концертной деятельностью. Издала в Израиле книжки стихов: «Осенний лист», «Счастливая печаль», «Край земли», «Заметки на полях», «Джаз», «Синяя волна», «Дважды два...», «Зимние стихи», «И только музыка одна...». Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА). E-mail: glik.ira@mail.ru

Бабушка

Научила меня бабушка
Слоги складывать в слова.
Научила меня бабушка
Суп варить, пилить дрова.

Научила не завидовать
Изобилию вещей
И беречь, а не раскидывать
По небрежности друзей.

Научила не рассчитывать
На чужие пироги,
А своей судьбы испытывать
Прихотливые круги...

Не склоняться перед бедами,
Не стенать по пустяку
И подснежниками белыми
Успокаивать тоску...

Научила жить улыбочиво –
И с открытою душой.
Научила быть отзывчивой
К неурядице чужой.

И сама не знала бабушка,
Как во всём была права,
И теперь не знает бабушка,
Что душа ее жива.

Москва-купчиха

Москва-купчиха строит казино.
Кричит богатыми витринами
И нищими простолодинами.
И хлещет водку и вино.

Москва-купчиха делом занята:
Ломает памятники прошлые,
И песни насаждает пошлые,
И поминает вскользь Христа.

Москва-купчиха любит напоказ
Надеть одежду супермодную,
Для жизни вовсе не пригодную,
Но привлекающую глаз.

Москва, с её гульбой и гольтьбой,
Ещё кишит бандитской нечистью,
В Москве нашли своё отечество
Неразбериха и разбой.

Москва убила сына моего,
А он любил её так искренне,
Хотя терпел её лжеистины
И скоморошьё шутовство...

Из камня заборы, дворцы и пекарни...
И статные девы, и крепкие парни
Вбирают мотивы суровых камней:
Спокойные – внешне, внутри – жар огней.

Всё вытерпеть надо, всё надо осилить,
И переосмыслить, и не обескрылить,
И выдержать натиск враждебных теней,
И камнем не стать в окруженье камней.

...Я всё о музыке, о ней...
Она – в разноголосье дней...
Она даёт мне силы выжить,
К библейским небесам быть ближе,
И в этом жизни смысл простой,
Подсказанный Землёй Святой...

ЛЕОНИД ОЛЬГИН

Иногда мне кажется, с его темпераментом и энергией можно опрокинуть Эту землю и поставить ее так, как ей полагается стоять. Он никогда не знает покоя. То работает в газете, то открывает ресторан, то завоевывает пространства Интернета... И что мне милее всего – всюду идет с поэзией в одном строю. Мне доводилось в его ресторане читать стихи, ибо он организовывал там поэтические вечера. Сейчас он живет вдалеке от меня, но я слежу за ним, читаю новые стихи и с радостью узнаю, что Леня – все тот же: полон жизни, великий спорщик (в лучшем смысле этого слова) и замечательный поэт, пародист, шаржист...

(Михаил Беркович)

Зеркала

*Боже мой! Я вопию днём, –
а ты не внимлешь мне, ночью, –
и нет мне успокоения»*
Псалом Давида 21:3

«...ты вывел из ада душу мою, и оживил меня»
Псалом Давида 29:3

Искал я смысл бытия
под синим небом,
меня швыряли жизнь и смерть
то в былль, то в небльль.
В отсвете треснувших зеркал
искал ответа,
и рассыпалась боль моя
по белу свету.

То, что при свете не нашел
 в ночи искал я,
 и взгляд преследовал меня
 из Зазеркалья.
 Душе в неверии
 в тот миг полураспада,
 недоставало сил терпеть
 давление взгляда.

Страдая,
 прятались в углах
 святые лики,
 искрили трещины зеркал
 разновеликих,
 и рвались в душу,
 как в пролом,
 ночные тени,
 и искушал, и завлекал
 зловещий Гений.

Но вот пролился лунный Свет,
 как из Начала,
 Молитвой
 Музыка Планет
 с небес звучала,

И
 очищенья не тая
 от звёзд и света,
 молилась,
 грешная за всех,
 душа Поэта!

Причина

Электрический ток
 суеты и забот
 В моих нервах
 Натянутых
 Гулко течёт.
 Трансформатором мощным
 гудит голова,
 Трансформируя чувства
 В стихи
 И слова.

Все земные дела,
 отношенья людей,
 И чужая беда,
 и рожденье идей,
 Паутина молвы,
 и сияние дня,
 Всё течёт
 Электричеством
 Через меня!

Если кто-то
 нарушит душевный покой,
 Оголённых контактов
 коснувшись рукой,
 В замыкании коротком
 горят провода,
 И стихами
 Искрят мои нервы тогда!

Но сгорают подчас изоляторы чувств,
 И тогда я стихов разнотемьем лечусь.

Отрывки из моих стихотворений

Мыслеобразы в чёрном,
 являясь,
 страшат,
 Затянув небосвод
 мелкозвёздной ряской!
 Но вернётся под утро,
 сияя,
 Душа
 Вся
 в потёках
 расплавленной
 солнечной
 краски.

...

Твои друзья - твои враги.
 Они, как по воде круги.
 Ты только спину береги-
 Всегда стреляют в спину!

...

В НИГДЕ
 сияло ЧЁРТ-ТЕ-ЧТО,
 пронзая
 небо без Заката,
 клубилось вечное
 НИЧТО,
 и уходило
 в НИКУДА-ТО...

Память

В сумбурном движенье событий и фактов,
 Нетронутых чувств уголок сохраняя,
 Забытой мелодии несколько тактов
 Случайно услышишь в сумятице дня.

И, словно споткнёшься в большом марафоне,
 Вдруг силы оставят, дыхания – сбой,
 А сердцу альтовый восторг офона
 О чем-то напомнит неясной тоской.

И ты замираешь в немом изумленье,
 Стоишь очарован, захвачен врасплох,
 А память листает года в нетерпенье,
 И душу тревожит, чтоб вспомнить ты смог.

И вдруг-раскаленная лава проспекта,
 В горячих перилах горбатится мост,
 Кудрявая тень на слепящем конспекте.
 Коварный транзистор и танго подхлест.

И первая боль безвозвратной утраты
 В прощальном пожатие несмелой руки,
 И сердце, что в ступе двойного стаккато
 Сжимает мохнатая лапка тоски.

И вновь суета, сверхпрограммы, дисплеи,
 Планёрки, заботы, броски на прорыв.
 Но вспомнится что-то, глаза потеплеют.
 И тихо мурлычешь знакомый мотив.

*Люблю тайгу!**Нигде на свете нет**Такого эха гулкою, как вече.**И в час, когда над ней встаёт рассвет,**И в час, когда приходит синий вечер.**(М. Беркович. «Привязанность»)***М. Берковичу**

Стройных сосен
стволов парашютные стропы
купол синего неба
погасили в тебе.

Соболя
заплетали таёжные тропы
В косы тайных дорог
к неизвестной судьбе.

Часто мнятся тебе
кедры в снежном уборе,
И весенней тайги
предрассветная хмарь,
По-сибирски
штормит Средиземное море,
И на пальме у дома
токует глухарь.

Тихим вздохом стихов
наважденье разрушив,
Воспевая
любимые сердцу края,
Средь кедровых стволов,
не затронувши душу,
Заблудилась
растеряно
старость твоя.

Леониду Колганову

Отношеньем к зверям
лечат душу народы.
Уваженьем к корове,
слону и сове...
«Птичий» рынок,
окрашенный в цвет несвободы,
мы с тобою любили
в далёкой Москве.

Там под птичий скандал
завывал зазывала,
Там котёнка
ласкала в наколках рука,
Из собачьего воя
к России взывала
Старых барских усадеб
седая тоска.

Под наив снегирей,
канареек беспечность,
И расхристанность русскую
певчих щеглов,
К нам из рыбьих зрачков,
утонувшая вечность
Рвалась звонкою болью
трамвайных звонков.

И грустила судьба
о скрижалях Завета,
С несвободой галута
сражался Зарок,
И твоё
беспокойное сердце Поэта
Кровоточило
светлыми
каплями
строк.

АННА ПАРЧИНСКАЯ

Родилась в Харькове. С 1960г. жила в Калининграде. Окончила Судостроительный ф-т Калининградского Технического института. Работала инженером-конструктором, позже библиотекарем. Публиковалась в журналах «Смена» и «Библиотекарь». В 1990 г. репатрировалась в Израиль. Публиковалась в альманахах «Долина» и «Галилея», в израильском журнале «22», русскоязычном немецком журнале «Крещатик» и в российском детском журнале «Кукумбер».

В том ли, в этом родился краю,
В ту ли, смуглую, в эту эпоху
И к тому или к этому богу
Обращаешь молитву свою,

В скудной тундре, в курортном раю,
В той ли, северной, в этом ли, южном,
Влажный ветер, горячий ли, вьюжный,
Жизнь подённо листает твою,

Тот ли, этот ли облик дано
Обживать, по себе пригоняя, –
Выбирала удача слепая,
И ворчать на калеку смешно.

И какой там пейзаж за окном –
Дело случая, дело удачи,
И над чем засмеёшься... Но плачешь,
Только плачешь всегда об одном.

Так долго здесь живу – почти привыкла,
что из окна я вижу Назарет.
Не тот – фламандский влажный,
со снежком на красной черепице –
настоящий. Нацерет – жёсткую горбушку на горе,
куда взбирается автобус раскалённый.
Привыкла к покосившейся луне
и к чёрному удушью летней ночи,
к огням арабских деревень в долине
и к ноющим мелодиям Востока,
к тому, что под окном растёт маслина,
а на газоне пальма жестяная.
Я изучила быт соседей, их родню
горластую, что на шашлык приходит в гости.
Мне кажется фантазией придурка
прибрежный лес и мокрый шорох листьев,
пустой осенний пляж, где мы гуляли,
и возвращались каждый раз с находкой:
то с янтарём, то с веточкой дубовой...

Взбредёт же в голову! Да разве это было?

Был вечер ненастный и ветер осенний.
По мокрой дороге спускались две тени
Сквозь тени оград и тени строений,
Сквозь сети – дрожащие тени растений.
Ломаясь гармошкой на гладких ступенях,
В тень дома вошли, постояли мгновенье.
И что-то сказала, сдержав раздраженье,
Тень большая меньшей понуренной тени.
И вышли на свет, и, сменив направление,
Лишь большая тень продолжала движенье.
И ровен был шаг удалявшейся тени
Сквозь вечер ненастный, сквозь ветер осенний.

Я заберусь с ногами на диван,
Возьму английский обстоятельный роман.
В моей душе наступит просветленье
От погруженья в лондонский туман.

Забуду мелкие предательства, обман -
Ведь, там – на море шторм и ураган.
Но парусник, что ждали с нетерпеньем,
Он всё-таки приплыл из дальних стран.

Я отвлекусь от всех своих потерь.
Там – Мэри бедная стучит в чужую дверь.
Ей нищета грозит и злословенья.
А у меня... Какая разница теперь?

ЕЛЕНА ПЕЙСАХОВИЧ

Родилась в Саратове. В Израиле с 1997 года. Живет в Рамат-Гане. Публиковалась в альманахе «Грани», «Кедр», «Роза ветров», других русскоязычных изданиях Израиля. Автор книг «Зеркальный лабиринт» и «Оседлать Единорога» (Э.РА, 2006). Участница альманаха «Год поэзии. Израиль-2006 (Э.РА). Победитель конкурса им. Ури Цви Гринберга в Иерусалиме (2006).

Наверное, я всё же виновата,
В том, что всегда ищущего-нибудь,
Я виновата в том, что младше брата,
В том, что постичь не в состоянии суть,

И даже в том, что не забыта Вами,
Что часто плачу, веря и любя,
И в том, что резко отвечаю маме,
За что потом всегда корю себя...
Я виновата в том, что сигарета
Мне греет душу в отблесках заката,
И в том, что я тобою не воспета,
Я виновата, трижды виновата...

В лохмотьях,
Как нищенка грязная,
Худая,
Как баба с косой,
Шнурками гнилыми
Подвязана,
Взвилась
Над мирской суетой.
Пальцами
Длинными, тонкими
Коснулась моих
Дверей,
И вдруг запела
Звонко,
И стала
Музой моей.
Рассыпались черные
Волосы
По смуглым
Плечам ее...
И пела она
Вполголоса,
И в голос
Сердце мое!

Жизнь – зануда, жизнь – мерзавка.
 Почему же я опять,
 Уцепившись мертвой хваткой,
 Жизнь стараюсь удержать?
 Жизнь – продажная деваха,
 Лгунья, жалкое тряпье,
 Хоть ее пора на плаху,
 Я цепляюсь за нее.
 Я за ней несусь галопом,
 Догоняю ее вплавь,
 И расстаться с ней до срока –
 Боже праведный, избавь.

Наклеив пышные ресницы,
 На губы наложив помаду,
 Она, похожая на птицу,
 Ждала любви своей отраду.
 Но нет, отрада не явилась,
 Она, похожая на птицу,
 Помаду стерла и умылась,
 Отклеив пышные ресницы...

ФЕЛИКС ЗАМИР (ПЕЙСАХОВИЧ)

Окончил Саратовский медицинский институт. В Израиле с 1995 года. Писать начал уже здесь. Автор книги "Марш Мендельсона". Публиковался в альманахе "Грани", газете "Новости недели". Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» (Э.РА).

Брат за брата – на Кавказ,
 По долинам и по взгорьям,
 Автопоездом спецназ
 Ехал через Ставрополье.
 Всё как будто бы ништяк,
 Камуфляж и акэмы.
 Жаль, без этого никак,
 Не решаются проблемы.

12. 09. 2003

Способность мыслить – это чудо,
 И чудо – связно говорить,
 Теперь я третьим вряд ли буду,
 Чтоб чудеса не утопить.
 Теперь я их начну лелеять,
 А забулдыгам – поделом...
 Ведь запахло по жизни клеить
 На почте марки языком.

И не холодно мне, и не жарко,
 И сердечко черствеет, но всё же,
 Только вспомню о Жанне д'Арк я,
 Как мурашки несутся по коже,
 Я добрейшей души человеке,
 Даже мухи обидеть не в силах,
 И поэтому слышу, что шепчет
 Ветерок у меня на стропилах.
 Слышу я, как в глубинах вселенной,
 Переключку устроили звёзды,
 Или как мандражируют вены,
 Посинев в предвкушении дозы,
 Как зародыш в утробе стучится,
 Да закваска в посудине бродит,
 Слышу я, как страдает мокрица,
 Если рядом случайно проходят...

15. 12. 2006

Не твоя заслуга
 Да и не моя,
 Просто это вьюга
 Кружит тополя.
 Почки распустились,
 Сжалася гортань,
 Тополя женились,
 Перейдя за грань.
 Летними правами
 Завладел июнь.
 Как в турецкой бане
 Оказался лунь.
 "Сливочное" тает,
 Хворост нынче сух,
 Кто-то поджигает
 Тополиный пух.

14. 09. 2005

АЛЕКСАНДР ПЕРЧИКОВ

Родился в Куйбышеве (Самаре) в августе 1955 г, первое стихотворение было напечатано в журнале «Студенческий Меридиан» в 1977 г, в 1987 году в Куйбышевском книжном издательстве вышла первая книжка стихов «Неосторожная звезда». Печатался в московских и куйбышевских изданиях («Комсомольской правде», альманахе «ИСТОКИ» в 1988 г., сборнике «Молодая гвардия – 87», нескольких сборниках «День Поэзии» Куйбышевского изд-ва и др.) В 1990 г. уехал с семьей в Израиль. В 2004 г. в Самаре в издательстве «Культурная Инициатива» вышла в свет вторая книга стихов «Город любви». Печатался в Израиле (журнал «22»), в Америке (в четырех альманахах «ВСТРЕЧИ»), в 1999 г. в вышедшем в С.Петербурге «Словаре поэтов русского Зарубежья» есть статья обо мне. Стихи публиковались и в переводе на иврит (сборники МАДРИГОТ-2 и-3) и на английский. Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2007».

E-mail: alexander_pr@bezeqint.net

Мы – беженцы, мы – погорельцы,
 Наш путь затерялся во мгле.
 Артисты, поэты, умельцы –
 Кому мы нужны на Земле?

Не знаем ни края, ни срока,
 Не ведаем, что впереди,
 И вечная тайна Востока
 Занозой засела в груди.

Когда безъязыко и немо
 Мы смотрим в небесную синь –
 Молчит иудейское небо
 Над вечным молчаньем пустынь.

Мы вырваны с корнем, и все же
 Так хочется верить, что нас
 Великий неведомый Боже
 Не просто ты вывел – а спас.

Что в этой земле не случайно
 Останутся наши следы,
 И смутная, древняя тайна
 Не станет знаменьем беды.

Иерусалим, моя столица,
 Мой город вечный и святой.
 Ложится отблеском на лица
 Твой свет прозрачно-золотой.

На эти каменные своды,
 Соцветья башен и окон,
 Ты весь – явление природы,
 Ее таинственный закон.

Как обещание кому-то
 Шептали глухо, как в бреду,
 Среди погрома и галута –
 «Мы будем в будущем году».

И через пыль тысячелетий
 Целебен воздух твой и сух,
 И прорастает Храм твой третий
 Надеждой, высказанной вслух.

Как сквозь века ты смотришь строго,
 Печален и неумолим,
 И слышу я дыханье Бога
 В тебе, мой Иерусалим.

НАТАН ПЕРЧИКОВ

Родился в Самаре в 1983 г. В Израиле с 1990 г. Окончил инженерно-механический факультет Тель-Авивского университета. Продолжает учиться по специальности «оптимальная проектировка конструкций». Стихи пишет с 12 лет. Играет на 6-струнной гитаре. Пишет песни на русском, иврите и английском. Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА). E-mail: perchico@eng.tau.ac.il

Как научиться не бежать,
 А шелестеть по жизни нежно?
 И не топтать свой путь небрежно,
 А, бережно везде ступать!

Как научиться быть ручьем?
 Все познавать, едва коснувшись,
 И свет встречать, едва проснувшись,
 В потоке утреннем своём...

И как не сбиться, научившись,
 И не утратить верный путь?
 И как, в успехи облачившись,
 В неведомую даль шагнуть?...

Я раскину себя шатрами
 Над пустыней твоей печали,
 И безмолвный закат шафранный
 За твоими взлетит плечами.

И вскипит ароматный кофе,
 И глаза засияют немо.
 И земной, просветленный профиль
 Отразит на мгновенье небо.

ОЛЬГА ПИЛЬЩИК

Репатриировалась в Израиль в 1992 году из Москвы. По образованию – экономист. Работала на киностудии «Мосфильм» организатором киносъёмочного процесса. Стихи фактически начала писать в Израиле. В Москве писала мало, не печаталась, в Союзе писателей не состояла. В Израиле регулярно печатается в альманахе «Хронометр», в журналах Севера, в русскоязычных газетах. Сотрудничает с радиостанцией «РЭКА». Участвует в конкурсах: в Израиле занимала призовые места, в зарубежных – имеет дипломы США и Германии. Стихи положены на музыку двумя композиторами, исполняются израильскими певцами. Член литобъединений «Кармель» и «Анахну», г. Хайфа.

Глубинка

Полусгнившая пристань
На речном берегу,
Берег грязен, расхристан,
Подойти не могу.

С перевернутой лодки
Кто-то весла убрал.
Дождь, не слушая сводки,
Хлещет, словно в аврал.

А поодаль избушки,
От воды почернев,
И с водою кадушки,
Покосившийся хлев.

Тяжко в русской глубинке
Этой хмурой порой –
Словно жизни поминки...
Хоть с отчаянья вой!..

Прадед

Мой прадед в синагоге умер.
Какая праведная смерть!
Был праздник развеселый Пурим,
Народ пришел плясать и петь.

И смерть не сразу люд заметил.
Вдруг, петь молитвы перестав,
Старик, что был так ликом светел,
Поник с улыбкой на устах...

Его душа взлетела к Богу.
И я, сомнения гоня,
Смотрю на звездную дорогу,
Где, может, прадед ждет меня...

Мелководье

Здрав подол, бреду по мелководью,
И кажется – иду по серебру.
Вода, лаская, вспыхивает, бродит,
И я в ладони блеск ее беру.

И яркие сияющие капли
Сбегают по моим босым ногам.
А я иду, как по болоту цапля,
Что ловит лягушат по берегам.

А тень моей широкополой шляпы
Идет за мной и гасит блеск воды.
И я кричу воде, как в детстве – капай!
И брызгаю на мелких волн ряды.

ЕЛЕНА ПЛАГОВА

Это стихи Лены Плаговой, погибшей 18 июня 2002 года в одном из иерусалимских терактов. Она, как и многие, не была профессиональным литератором. Она была врачом. При жизни нигде не опубликовала ни строчки. 12.11.03 в Иерусалиме состоялся вечер памяти Елены Плаговой. На вечере были собраны деньги на издание её сборника, и сборник был издан. Подробности здесь: <http://www.jerusalem-korczak-home.com/friends/lenapl/LP.html>

(Михаил Польский)

Касаются виска
невидимые крылья,
Усталые глаза
пытаются уснуть.
На свете, как всегда,
дела всё заслонили,
На небе, как всегда,
сияет Млечный Путь.

Далёкий звездный свет
кропит ночную землю,
Дневная суета
на время прервалась,
И кто-то, сна лишён,
небесным сферам внемлет,
И сознает с собой
их родственную связь.

О, этот запах, запах тубероз,
Его вдыхали Анна и Марина.
О вы, мои любимые, как зримо
Виденье света ваших глаз и слез.

На белоснежный бриг, как на погост,
Взошли торжественно и отрешенно.
Вперед! Спаси и сохрани, Мадонна.
Путь долог, неприютен и непрост.

В глазах таится светлая печаль,
И медленно смыкаются ресницы.
Две женщины, невиданные птицы,
Уносятся в невидимую даль.

В горьком запахе полынном
Сны загадочные дремлют,
Листья мяты, стебли тмина
Укрывают эту землю.

По извилистым тропинкам
Бродят влажные туманы,
Серебрятся паутинки,
Ловят эхо – голос странный.

Всё пронизывает лето
Светом солнечным, желанным –
Птичьи трели в час рассвета
И сиянье слов неожиданных.

В бездонной темной глубине
Средь мириад далёких звёзд
В какой волне, в какой войне
Мой смертный вздох и мой погост?
Меня принявший саркофаг,
Он от звезды плывёт к звезде,
И кто мой друг, и кто мой враг –
Известно всюду и везде.
И я покину этот мир
На неоконченном пути,
Но будет виден Альтаир
Всем, продолжающим идти.

ГРИГОРИЙ ПОДОЛЬСКИЙ

Родился в 1946 г. в Виннице. В 1991 г. репатрировался в Израиль, живёт в г. Хадера. Печатается в русскоязычных СМИ. Призер конкурса юмористических стихов на сайте «Литконкурс.ру».

О виртуальных романах

Прихлопнув тапком таракана,
Который не успел укрыться,
Я слез с протертого дивана,
Чтоб к Интернету подключиться.

– Я молод, строен, романтичен,
Знакомый набираю текст.
– К деньгам, пожалуй, безразличен
И за здоровый быт и секс.

Как гром, раздалось в тишине
Урчанье в животе голодном,
Добавив вдохновенья мне
И стиль изящно- благородный.

– Ищу вторую половину
Моей разорванной души
И так надеюсь на взаимность
На НАШЕЙ вилле в Сан-Виши...

Снеся в приемный пункт бутылки,
Бабуля довоенных лет,
Скребя проплешины в затылке,
Послала и-мэйл мне в ответ,

Набрав привычное клише:
– Я жду тебя, мой верный рыцарь,
С запасом нежности в душе
В своем фамильном замке в Ницце...

ЮРИЙ ПОРТНОЙ

Родился в г. Шепетовка, Хмельницкой области, Украина, 29.11.1948 г. Окончил Киевский политехнический институт. Репатрировался в Израиль 05.05.1991г. Публиковался в сборнике «Музыка в переплёте» и в израильской периодике. Живёт в Бат-Яме.

Рондо месяца ияра

Ехидный месяц молодой
В начале месяца ияра,
Как сумеречный козодой,
Парит над сном земного шара,
Над ним загадочной звездой -
Сатурн восходит, как опара
Торговца местного базара
Непритязательной едой.
Ехидный месяц – чем не пара
Поэту с бородой седой -
Хранителю святого дара.
Как странно пахнет резедой
Ехидный месяц – друг кумара.

ПАРТИЯ В ША... ХМ... А ТЫ?

Подражание А.Кабанову
«УЖИН СНА ТУРЩИЦЕЙ»

Рая серая обманка, раб напитка типа брют,
тонконогая шампанка, пачка сигарет
«Верблюд».

Я – порядочный зануда, Вы, явившись ниоткуда
кукловодом вроде вуду,
объявляете мне шах.
Бродят призраки гамбита
в браге, кошках и мышах.

Возле Трои строя козни, пешка спешила с коня,
два слона тандемом грозным нападают на меня.
Я, теснимый на подушку, говорю себе: – Не трусь!
Трусь о Вас, как та зверушка, но не плачу, а смеюсь.

Странный скрип лады из досок и атака на мази,
увлажня посох в росах – пешка движется в ферзи.
Отхлебнём глоток шипучий, будем смаковать лимон...
В нашей власти Тамагучи – приснопамятный Харон.

Приснопамятность Приапа – тоже кролик из Кентакк,
будучи засунут в шляпу – женской логики бардак.
ВИЧ меня найдёт не завтра – Вы мой инь, а я Ваш янь...
А куда только завтрак. Утро, шахматы, шампань.

Да СВЯТИТСЯ сонета ТВОРЕНИЕ

Что наша жизнь? Несомненно – игра.
Решка-орёл. Или чёт, или нечет.
Раны сердечные время залечит...
Только не надо стрелять от бедра.

Мы – господа? Нет, скорей – фраера.
Те, кто псалмы непрерывно лепечут,
Или свой бисер пред свиньями мечут,
Или угля выдают на гора.

Вывод быть может: – На кой нам девиз, –
С ним ли плывём или без по течению...
Минус – он в банке. И некуда вниз.
Значит – наверх. И Ему восхваленье.
К чёрту бесцельный душевный стриптиз.
И да святится сонета творенье!

ИРИНА ПРАВОСУД

Приехала в Израиль из Донецка в ноябре 2001 года. Живет в Араде. По образованию техник-строитель. Мечтает увидеть мирный Израиль. Верит, что красота и творчество спасут нашу страну и мир.

Не краду, не лгу, не пью,
В невезении не плачу...
Расшибаясь, вновь иду,
Уповая на удачу.
И, надеясь, я смеюсь –
Что нам в жизни остается?
Если с ног, идя, собьюсь,
Вновь встать на ноги придется.
Ну, а если, не дай Бог,
Пригвоздит болезнь к постели –
Смейся, дух мой, будь высок,
Не скорби о брэнном теле...

ИННА РОЗУМОВСКАЯ

Родилась в 1985 году. Приехала из Москвы в 1994. Училась в Хайфском университете. Выступала со стихами на фестивалях авторской песни «Песнь о Земле» 2002- в Текоа и 2004 в Ариэле. Финалистка Ежегодных всеизраильского конкурса молодых авторов (до 35-и лет) в Петах-Тикве. Заняла 3-е место на конкурсе по северу «Возьмемся за руки друзья», посвященному Булату Окуджаве 2004. Печаталась в «Вестях» и в «Новостях недели», в альманахе М. Котлярского «Хронометр», в журнале «Алия». Победитель конкурса им. Я. Корчака в Иерусалиме. Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» (Э.РА).

Пророчество о третьем храме

Комната.
Тусклый свет.
Печь трещит.
Кто это
Столько лет
Плавил щит?
Заново,
Веря сну:
Щит из слов.
Завтра нам
На войну.
Кто готов?
Ощупью
При свече
Найден меч.
Росчерком
На мече
Братьям лечь.
Дочери,
Дом, наш храм,

Лишь на вас.
Зодчие,
Нам пора!
Пробил час.
С честью мы
Вспомним в лад
Старый гимн.
Шестеро,
По углам –
Отстоим!

Осень

Сшила осень сердца –
Не потому, что вместе, а чтобы не врозь.
И неброско слово «не брось!»,
Ибо осень...

– Зори тихие здесь – говорите вы мне, и я верю вам:
Вот затвора щелчок тишиной в одночасье сменен.
Я стою на посту, в перерывах читаю Тургенева –
Вот такую придумал Господь переключку времен.

С автоматом в руках белокожей Тургеневской барышни
Я смотрю на огней полуночных мерцающий нимб,
Будто звезды укажут мне путь к неземному пристанищу
И хотя бы на миг возвратят изувеченных нимф.

Время движется вспять, но зовут телефона сигнальные:
– Слышишь, слышь, – говорит мне подруга, –
наш Гришка убит.
...У Тургенева как-то иначе срывались свидания,
У Тургенева как-то красивее выглядел быт.

Зори юные тут тишиной гробовою окрашены
И струится песок из устало-разжатой горсти.
Как же скоро мы, дети, забыли, отвергли вчерашнее,
А, бесследно простивших, кому же нас ныне спасти?!

Совсем не древняя история

В одной земле, где столько лет,
Луны скользила льдина,
Мужской и женский силуэт
Сливались воедино.

И тихо молвил Авраам:
«Крепка моя надежда»,
А Сара вторила словам
И молвила: «конечно!».

И каждый вечер в караван
Выстраивались звезды –
Так научился Авраам
Простому слову «поздно».

И возвращался Авраам,
Когда во тьме кромешной
Он за порог ступил едва,
Но был ответ: «конечно!» –

Ответ, затертый до кости:
Ночное заклинанье.
И просочилось из горсти
Бездетное молчанье.

На чреве сумрачных саванн
Восстали складки буден,
Но волен верить Авраам,
Что все когда-то будет.

Что Сара так же хороша,
Что небо бесконечно
И что земли утробный жар,
Не тронет междуречья.
...Смывает утро все слова:
Кошмарных снов наследье –
Считает звезды Авраам
Уж три тысячелетья.

ФЕЛИКС РАХЛИН

Родился в 1931 году в Ленинграде. Журналист и педагог. Стихи сочинял «в стол». В Израиле с 1990 года. Статьи, рассказы, эссе, стихотворения печатаются в газетах, журналах, сборниках. в израильских периодических изданиях («Окна», «Еврейский камертон», журнал «22» и др.) Книги «Остаюсь человеком», «Свобода Слова», «О Борисе Чичибабине и его времени». Живет в Афуле. Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» (Э.РА).

Столетие – в накале грозном.
Не передаст ни лирика, ни эпос
эпохи нашей общую нелепость,
которую в е л и ч ь е м мы зовём

Столетие сомнений и тревог:
одержит ли победу юный Разум,
или взорвётся мир, и рухнет разом
всё, что создал земной и смертный Бог?!

Ярлыки

Исполать тебе, Россия,
 что зело на брань добра
 и щедра, хайло разиня,
 на клейма да на тавра.
 О, клеймёных муз обитель, –
 цап их враз за воротник:
 вот вам Пушкин
 (в о з м у т и т е л ь),
 вот он Гоголь
 (о ч е р н и т е л ь),
 вот и Герцен
 (к л е в е т н и к)!
 Удалая раскоряка
 всех сумела покорить:
 р а з а х м а т и т ь Пастернака
 и Марину уморить...
 Мчится век, мелькают лица –
 на подбор лихой народ:
 о т щ е п е н е ц
 и б л у д н и ц а,
 п е р е в ё р т ы ш
 и ю р о д...
 Ярлыков у нас немало,
 новых – нет, и не проси.
 Так уже не раз бывало.
 Так бывало на Руси
 от времён пустых и нищих,
 как боярам топоры
 посулил п р о х в о с т Радищев, –
 до канунной той поры,
 до того ль святого места,
 где стучался на постой
 в дом начальника разъезда
 п р о х о д и м е ц Лев Толстой.
 Лев – а н а ф е м а! – Толстой...

Шлёма Иванов

Годы, годы... От вашей нагрузки
 становлюсь не мудрей, так хитрей:
 на вопрос – вы еврей или русский? –
 отвечаю: я – русский еврей!

Да! Мне стали родными навеки
 этот, вяжущий душу, простор,
 эти сильные, гордые реки,
 разноцветье полянки простой...

От сердобской бобылки Маруськи
 говорок перенявши едва –
 я сказал по-сердобски, по-русски
 свои первые в жизни слова.

И пускай не потомок венедов,
 пусть иных и корней, и кровей, –
 жил-дышал я, не знав и не ведав
 о проклятой породе своей.

Но неведение длилось недолго...
 Только честное слово даю,
 что не Бен-Гурион и не Голда
 сокрушили невинность мою.

Не в заморской приманке и ласке
 корешок затаился-лежит,
 а в соседском веснушчатом Ваське,
 после драки мне крикнувшем: «Жид!»

Ах, не вашим ли, годы, коварством
 нам обоим – по сорок с лихвой?
 Стал Василий мордатым начальством,
 бдит усердно над пятой «граховой»,

совершает, вершит и решает –
и наглет он день ото дня.
А коль так – что ему помешает
новым Бейлисом сделать меня?

«Что ты?! – слышу. – Ну где же резон-то?
Годы, годы – другие, не те...
Не такие теперь горизонты,
чтоб народ пребывал в темноте;

в Лету канул твой Бейлис навовсе,
время ль нынче для прежних затей?»
...Но смеётся истерзанный Вовси.
манит пальчиками
без ногтей...

Та жаровня ещё не остыла,
уголёк не сгорает, чадит...
Это – было. И многое – было.
Что ж наш Вася ещё учудит?

И на дверь я взираю в опаске:
вдруг она загремит, задрожит –
и ворвутся нетрезвые васьки
с оголтелыми воплями: «Жид!»),

и объявят меня людоедом,
предадут всевозможным смертям...
Надоело! Завенюсь! Уеду
к старой Голде, к «нерусским чертям»!

Хлопну дверью – и плечи расправлю!
Для меня ли не сыщется дел?
...Но неужто взовьюсь – и оставлю
милой родины скорбный предел?

Не позволят овраги, опушки,
не отпустят, хоть как ни перечь,
Блок, Булгаков, и Чехов, и Пушкин *,
и родная сердобская речь.

Вот и всё. Решено: остаюсь я!
(...но в тревоге застыл у дверей...)
Потому что я всё-таки русский!!!
(...потому что я всё же – еврей...)

1976

* Ср. у Б. Чичибабина:

*«Прощайте ж навеки и знайте, уехав,
что даже не Пушкин, не Блок и не Чехов,*

*не споры ночные, не дали речные,
не свет и не память – ничто не Россия (...)*

*Вы сами – Россия, вы – семья России,
да светят вам в горе веселья простые».*

*Мне хотелось бы видеть в этих строках ответ на моё
стихотворение, которое он знал*

АСЯ РОДШТЕЙН

Родилась в Москве. Окончила консерваторию в Горьком и студию скрипичного мастерства в Москве. В Израиле – с 1989.

Работает скрипичным мастером. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007».
Тел. 03-631-08-96

В старом Яффо

Любовь ушла по расписанию,
Как электричка под Москвой.
Со мной остались: вечер ранний,
Зеленый зонт над головой,
В кармане рваные билеты
На старый фильм в моцей-шабат,
В пакете русская газета,
Сок апельсиновый «Пригат»,
К врачу назавтра направлень,
Рецепты с каплями дождя
И сувенир ко дню рожденья,
Что я забыла у тебя.

Лишь полстиха да вещи эти
Под нескончаемым дождем.
Стонал над Яффо сонно ветер,
Пел песню низко ни о чем.
И отдавалась в Яффо старом
Дождю седая старина,
И рядом плакала гитара
О жизни, выпитой до дна.

2. 9. 2005, Тель-Авив

Лучше мамы нет на свете

«Пожалейте, дети, маму!
Не кричите, не галдите!
А то мамочка заплачет,
Заболит и умрет».
«Ой!» – сказали дружно дети,
Тему быстро подхватили,
И на папу налетели,
Сто вопросов вразнойбой:
«Если мамочки не будет,
То какая будет мама?
Не хочу худую маму –
Хочу маму толстую».
«Да? – вторая возразила, –
В красоте не понимаешь.
Папа! Маму приведи нам
Обязательно в очках».
Долго ль, коротко ли спор бы
Продолжался летним утром,
Только глупых этих мама,
Посмеявшись, обняла.
Но, жестокие, трещали,
Вырываясь из объятий:
«Если вдруг другая мама
Заболит и умрет?..»
«Успокойтесь, дети. Тихо.
Я заплакать не посмею.
Не придет другая тетя,
Даже толстая в очках.
Лучше мамы нет на свете.
Лучше папы нет на свете!
Лучше девочек крикливых
Никого на свете нет».

Какой закат!
Огонь и перламутр!
Смотрите же, глаза,
Запоминайте!

Сегодня море шумное,
бурлит и завывает.
Волна неугомонная
всю отмель заливают.

И пенятся буруны,
свиваясь и шипя.
И мчатся, скачут волны,
всё на пути круша.

И берег убегает
внезапно из-под ног,
и след ноги глотает
спрессованный песок.

Твой неровный, стремительный лёт,
моя птичка,
твой весенний залиvistый щебет...
Ах, завидую я, но взлететь не могу,
я могу лишь шаги замедлить.

Зима...
А небо смотрит вниз
сияющими, звёздными очами.
Какая тишина!
И в небеса из труб
струится серебро
бесшумными дымами...

Всё пристальнее в зеркало смотрю,
и с каждым годом всё виднее,
как мама проступает сквозь меня...

Тень чайки над водой
и промелькнувший стриж...
А море, утомлённое жарой,
уснуло...

Траву поливают...
А пахнет так сладко.
И детство мелькнуло
весёлой лошадкой

Знакомый запах маттиолы.
Как много он напомнил мне!
Живая мама на балконе
и кружка у неё в руке.
Вода немного расплескалась.
Дрожит рука. Что делать? Старость...
А в нашем ящике цветочном
лиловых крестиков узор.
Темнеет. Тихий разговор:
«Как пахнет! Высеялись сами...»
Я говорю ей: «Спать пора».
И тишина благоухает...
Вот как теперь...
Но рядом никого...
Одна.

10. 10. 2001

ИННА РОС

Ленинградка. Окончила ЛГУ. Физик. 25 лет работала программистом: в Ленинграде, затем, с 1992 г. – в Израиле. Стихи пишет с детства – больше в стол. В 2005 году, сидя на «автале», выгребла из стола и с помощью друзей напечатала в Петербурге подарочное издание «СПЕКТР». Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА). E-mail: innaros@mail.ru

Моим стихам увидеть свет?
 Моим? Подвальным?
 Абсурд, нелепость, полубред –
 На белой простыне
 Журнальной
 Бесстыдно
 Чтоб мой стих
 Раздет
 Был –
 Строгий,
 Ясный, складный,
 Свободный, беспощадный,
 Непродажный –
 Он скрючился б на
 Полосе
 Бумажной
 От холода и страха,
 И стыда...
 Как старой девы сдавленное:
 «Да!»

Псалом

Когда из глубины унылой бездны
 В отчаянье, Господи, к Тебе взываю –
 Мне всякий раз соломинку бросаешь-
 И за нее схватившись, выплываю.

Не лайнер, и не катер, и не яхту,
 Не шлюпку даже и не плот:
 Букашку и соломинку спасёт...
 Как дивен твой бухгалтерский расчёт,
 О Яхве!

Письмо заоблачному другу (памяти И. Бродского).

*Сколь же радостней прекрасное вне тела...
 И. Бродский*

Что сказать тебе, бесценный мой Иосиф,
 Ты теперь обрёл жизнь вечную, иную,
 И паришь в раю, играя напрямую
 Россыпью немислимых оттенков,
 Смыслов, чётких слов лишённых тела,
 Иль умчался в космос, Землю бросив,
 И кружишься в пустоте небесной,
 Став свободным от любой телесности...

А у нас с тех пор особо измениться
 Что могло всего за десять оборотов
 Шарика вокруг его Светила? Лица
 Чуть важней, пожалуй, стали кукловодов,
 Куклы пляшут, не иссяк пока завод их:
 Кому выпало в империи родиться –
 Вновь о Цезаре мечтают, как о сводах
 Крот, нечаянно ход прорывший на свободу.

Да, с тех пор у нас не много изменилось:
 Так же в золоте по горло кровопийцы,
 И чужою кровью тешатся ворюги,
 С кровопийцами обмениваясь силой:
 Ведь ворюга – часто он и кровопийца,
 Ибо то, что он ворует – не водичей,
 Как песок на бережок намыто –
 Потом, кровью, нервами добыто,

Если проследить до основания
 Вертикаль «общественного зданья».
 А оно – по форме – пирамида,
 А по сути – особь, индивидуум,
 Организм, который на планете
 Держится, как тело на скелете,
 Том, что тело двигает в пространстве
 Лишь в пределах допустимых странствий.

Ну а тело кровь обычно греет,
 Кровь же – то, чем сделались евреи
 Уж назад тому, считай, две эры
 Или больше, ухитряясь как-то веру
 Сохранить в заветные святыни,
 Камерам, кострам и рвам, пустыне
 Вопреки, храня свои скрижали,
 Точно ДНК – свои спирали

Две, закрученные хитроумно
 Тем, кто некогда наш мир задумал.
 Так что мы (народ подвижный, вёрткий,
 Ловкий, умный) – точно – кровь нашего вида
 Человеков – занимаемся обменом
 Кислорода, обегая в нужном темпе
 И снабжая всем, что нужно, части тела:
 Оттого и деньги – это тоже, между

Прочим, кровь того, что «обществом» зовётся
 И «прогрессом» – ужас, но уж, видно,
 Эту роль Всевышний иудеям
 Навязал, помимо прочих действий.
 Ну и, значит, селезёнка – наш Израиль;
 Гениталии – то Индия с Китаем;
 Сердце ж – орган, тот, что кровь гоняет с силой,
 Это, видимо, Европа и Россия;

Печень, лёгкие – Америка с Канадой;
 Руки – Южная Корея, думать надо;
 Ну а задница у нас теперь повсюду.
 Вот с мозгами только как-то худо.

А безмозглый организм – вдвойне ведь бранный
 И подвержен разным страхам, к суициду
 Склонен, так и жди, что снова вены
 Себе вскроет от приснившейся обиды.
 И безмозглому скорей стучаться станет
 В сердце дикий бред кровопусканья.
 Вот и видит «человечество» – руины,
 Оглянувшись, и не зная, в чём повинно.
 Посему не удивляйся, коль нагрят
 В безвоздушного пространства эмпиреи
 Новых душ толпа в пыли багряной,
 Среди которых большинство – евреи.

Ты при жизни не сказать, чтобы уж очень
 К нам стремился, да оно-то и понятно.
 Красота – не главное евреям. Впрочем,
 В этом деле мы продвинулись изрядно:
 Колеи петлявших старых улиц
 С перевёрнутыми ящиков рядами
 Рваными (как наследил бы сапогами
 Пьяный Гулливер среди лилипутских

Хрупких незатейливых игрушек:
 Если б вдруг воскрес – ты б умер снова,
 Их увидев, от тоски сосущей
 По классической архитектуре) –
 Ну так мы теперь их рушим – и другого
 Типа зданья строим и, заметь, без крова
 Ни один у нас не мается живущий,
 И сверкают небоскрёбов новых друзы.

Был бы жив – теперь приехал бы, пожалуй,
 (Лишь ленивый к нам теперь не приезжает).
 Верь, остался бы доволен ты поездкой,
 Как и все... Но далеко ты, в небе...
 Может, хоть душою, в райской неге
 Нежась – лёгкою, свободной, незажатой,
 Залетишь к нам, где при жизни так и не был.
 И расскажешь про далёкие созвездья...

БОРИС РУБЕЖОВ

Родился в 1949 году в Андижане (Узбекистан). Окончил педагогический институт языков. Писать стихи начал с пятнадцати лет. В Израиле – с 2003 года. Автор книги стихов «Легче воздуха». Живет в Ришон ле-Ционе.

28-ое апреля

В небесах ухмыляется месяц-злодей,
Снова в щит превратиться готов,
Я не знал, что у возраста столько локтей,
И зубурин, и острых углов.

Очень редко сбываются наши мечты,
И теперь не забыть ни за что
Этот полдень, которым стремительно ты
Шла по Горького в легком пальто.

Все в чернилах ладони и челка у лба,
Полудетский беспомощный рот,
Оглянулся – и понял, что это судьба,
Но уже миновал поворот...

Играя скомканным листом,
Прожилки трогая без меры,
Я расскажу тебе о том,
Как жил – ещё до нашей эры.
Косая зонтика стрела
Узоры вычертит устало,

Ты мне расскажешь, как жила,
Когда меня ещё не знала.
Какая б мука иль позор
Ни всплыли в памяти нетленной,
Всё это будет просто вздор
Перед открывшейся Вселенной...

Никаким Калиостро тебя не унижил Господь,
Край библейских чудес, где весной начинается
лето,
Полумесяца острый повёрнутый кверху ломоть
Здесь кивает с небес, что того ж, что на родине,
цвета.

Зелёный колокол из меди
Недалеко от синагоги
И рядом – ришонский музей
Напоминают о победе
Всего, что ты в конце дороги
Судьбою выстрадал своей.

Не то чтоб счастье – здесь родиться,
Когда ты свой – чему дивиться:
Привыкнешь с детства ко всему,
Но та земля, что помнит Бога,
Не может, право, быть убога –
Она наследует Ему.

Пускай в шабат сияют свечи –
Мы не забыли русской речи,
Ни светлой памяти отцов,
И только, может быть, с годами

Поймём: всё то, что было с нами –
Урок еврейских мудрецов.

Пройдя российские просторы,
Мы подошли к подножьям Торы,
Что гордой высится стеной,
Горит Восток зарёю новой,
Стоит в пустыне куст терновый,
А за спиною – лист кленовый,
И обе родины – со мной.

КЛАРА РУБИНА

Родилась в г. Бобруйск (Беларусь). Окончила Крымский естественно-географический факультет пединститута. В Израиле с 1995 года. Печаталась в СМИ Израиля. Автор пяти книг. Живет в Ашдоде.

Какая музыка была
Весенним утром в Назарете:
Наигрывал на лютне ветер,
Жужжала флейтою пчела,
И птички голоса звенели,
И эхо пело невпопад,
На свой настраивали лад
Кузнечики виолончели,
Альты и скрипки, а рояль,
Наверное, в кустах таился...
И гимн любви струился, лился,
Даруя нежность и печаль.

Во поле

Цветное поле... Зарастает
Ромашкой, клевером, вьюнком,

И лёгкий ветерок, играя,
Звенит пшеничным колоском.

Валяюсь, облака считаю,
Вдыхаю терпкий аромат.
Пчела спешит, и шмель летает,
Кузнечики в траве шуршат,

И муравей свою работу
Вершит без усталости, для всех.
Природа... – вечная забота
И праведный, и сладкий грех.

Натюрморт

Газета, бутылка, горбушки кусок
И ткань кумачовая наискосок...
Давно это было: и беден, и горд,
Мой милый художник писал натюрморт.
На грубом холсте оставляла рука
Не вазы, не фрукты, не окорока,
Не тёмной сирени печальный букет –
Плакатной гуаши отчётливый след.
И жарко былых революций экстаз
При виде картины охватывал вас,
Где буквы, как кони, проносятся вскачь,
Где знаменем красным пылает кумач.
О краски! – гуаши, пастель, акварель –
Мой свет, моя радость, далёкий апрель.
А в папке хранится эскизный листок:
Газета, бутылка, горбушки кусок...

Песчинка – вечность, сочетание тайн,
Космическая память вод и света,
Гонима, и омыта, и согрета,

Вселенская частица, чей-то край,
Начало чьё-то, просто моря дно,
Где всё живёт, волнуется, играет,
Где в раковине тихо созревает
Её мечта – жемчужное зерно.

ЯКОВ РУША

Родился в Крыму. Окончил Крымский медицинский институт. Стихи стал писать в школьные годы. Публиковался в газетах, журналах, альманахах Крыма, Киргизии, Израиля. Один из авторов коллективного сборника стихов "Отражение", автор мини-книжки литературных пародий "Глокая куздра". Член Ассоциации русскоязычных сатириков и юмористов Израиля. Член ЛИТО «Паруса», неоднократный победитель и призер различных литературных конкурсов. С 1994 года живет в Ашдоде. Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2006» (Э.РА).

Сосед

Звук струны за стеною ударил,
Я себе говорю: не дыши...
Вновь играет сосед на гитаре,
Значит, принял уже для души.

Если трезвый – угрюм, бессловесен,
И душа постоянно в узде,
И гитара, тоскуя без песен,
Одиноко висит на гвозде.

От игры и от песни негромкой,
Пропотевшей сквозь стену ко мне,
Ледяная душевная кромка
Растекается, словно в огне.

Кожей чувствую, как из стакана
Он крепленое тянет вино...
Мой сосед так талантливо пьяный,
Что не каждому это дано.

Растревоженным внутренним зреньем
Вижу я сквозь налет шелухи,
Как рисует кабацкий Есенин
На манжетах у века стихи...

Сельский учитель

Он пришел в наш класс,
Сквозь очки оглядел нестрого.
Был невзрачен с виду,
Совсем небольшого роста,
И ходил, слегка припадая
На левую ногу,
И разговаривал с нами
Легко и просто.

Он с порога бросал портфель,
Точно мяч в корзину,
Он чертил на доске рукой
Идеальный круг,
Он умел объяснить урок,
Не жуя резину,
И держал себя с нами,
Как старый и добрый друг.

Все нам нравилось в нем:
И что он небольшого роста,
И его доброта,
И полеты портфеля с порога,
И умение его отвечать на любые вопросы,
Даже то, как он
Припадает на левую ногу.

И когда над селом
Загорались вечерние зори,
Табунок пацанов
Уводил он в мечту-дорогу,
Он рассказывал нам
Про горы, про дальнее море,
И все шло, слегка припадая
На левую ногу.

** Дати – религиозный (иврит)*

ВИКТОР САПИРО

Родился в 1970 году в Ленинграде. В Израиле с 1990 года. Лауреат слёта авторской песни (1998). Лауреат фестиваля молодёжной поэзии 2002). В прошлом – актёр театра-студии, клавишник рок-группы, капитан городской КВН-овской команды... E-mail: victor-s@mail.ru

Весело жить на свете
С пьяной мечтой о лете,
В поле гуляет ветер,
Шалью шалит зима...
С неба водичка льётся,
Пульс на прожилках бьётся,
Сердце на части рвётся,
Можно сойти с ума!

Шар с новогодней ёлки,
Тот, что лежал на полке,
Нынче разбит в осколки
Холода и тепла...
Звёздной души частица,
Хватит во мне крутиться,
Машет рукой жар-птица
С той стороны стекла!

Вот и зима настала.
Снова тоска. Достала!
Как же душа устала,
Просто устала жить...
Сердце кричит от боли
В поисках лучшей доли,
Здравствуй, свобода воли,
Будем с тобой дружить!

Всюду чужие лица,
Хочется с ними слиться,
И на судьбу не злиться
За паутину тьмы...
В мире хватает света,
Песня ещё не спета,
Где-то блуждает лето
С той стороны зимы!

Мысли скользят по веткам,
Сны замечает ветром
С каждым погонным метром
До гробовой доски...
На городском погосте
Черти играют в кости,
К смерти не ходят в гости
Даже с большой тоски!

Сквозь колдовскую вьюгу,
Глядя в глаза друг другу,
Тени летят по кругу, –
Боже, благослови!
Между мечтой и властью,
Между судьбой и страстью,
Сладко живётся счастьем,
С той стороны любви...

ВАЛЕРИЙ САУЛОВ (РУБИНШТЕЙН)
(1941 – 2003)

(подборку составил Михаил Лезинский)

Из цикла «Справа налево»

(в стихах сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации – прим. ред.)

В Израиле светло до слепоты.
В жару и вовсе жалюзи закрыты,
Как если бы за мною – всё не квиты –
Ползли с подслеповатой широты

Потемки – в четверть суток благодать,
Как если бы, в везучести отменной,
Вдруг да случилось стужу и затмение
На зной и помрачение обменять.

Так крайности сошлись. Черта с чертой.
На сумерках. Иллюзия и чудо
Переплелись, как блудники для блуда,
Совпали полусветом с полутьмой.

И в этом правда перемены мест,
Ирония ее, тщета, граница,
Урок, что никому не пригодится:
Бог, мол, не выдаст – так свинья не съест.
Здесь день за днем без облака зенит.
Здесь тени коротки, а полдень долгоден,
Закрывают жалюзи. Задернут полог.
Неистовствует свет. Судьба темнит.

21.6. 91

Подъезжая иерусалимским шоссе,
Понимаешь, что выйдет из-за поворота
Город всем городам, испокон не как все,
И дороги приводят к нему – оттого-то.

Но пока плоскогорье в камнях и траве
Округляется арками и куполами,
Взгляд еще обращен к предзакатной Москве
За вагонным окном и притянут полями

Среднерусскими, горькой рапой Сиваша,
Известковыми тропами древнего Тавра.
Это здесь человеческий Гольфстрим, всполоша
Племена, и мешал, и срывал их недаром

С мест надыханных, влек их наискосок –
На Дунай и в Царьград, в Бухару, к Самарканду,
И мутил европейский северо-восток,
Передергивал и перекраивал карту.

А когда затихал, то отдельной судьбой
Проступало равно, что и в общем начале –
За три моря ходить, в Тегеране ли бой
Принимать, слушать в Грузии песни печали,

Эполеты носить в Кабарде и Чечне,
К Иордану пешком добираться, к Сиону.
Было этой дорогой податься и мне Суждено.
Эти строки не экскуссионны.

Потому что когда завихряется круг
Чужекровной вражды без исхода и срока,
То великое благо – спуститься на юг,
Чтоб подняться в страну родового истока.

Потому что когда открывается вдруг
Золотеющий камень Иерусалима,
Обрывается прошлое (выломав крюк,
Так вагон отцепившийся катится мимо).

Потому что когда исполняются сны,
Обретает устойчивость их панорама –
Нет нужды, что не Храм, а остаток Стены
Лишь и явлен тому, кто не выслужил Храма.

Потому что, ладонь положи на разлом,
Принимаешь как должное: камни негладки.
И Стена отзывается долгим теплом
Заповедных времен в их нетронутой кладке.

Час ужина, жареной рыбы, чувяк
Разношенных. Час обретения дома.
Тот гомон гнезда, без которого всяк
Не птица и не человек. Та притома,
Что с детства понятна. Заведомый знак,
Что вечер уже. И домашние дома.
Все живы еще. И за окнами мрак.

И в новой стране, за чертой судьболома,
Вдруг все повторяется рейсом парома
И, как у причала, стоит у порога
Полвека спустя, поменявшее флаг.
И жарят кефаль или камбалу – так,
Как прежде, а может, хамсу или сома.

Всемирный порядок! Всеобщий просак,
В который не зря попадают. Исконно
Нам это знакомо, и это законно,
Порою – искомо, порою – оскома.
Но жареной рыбою пахнет. И так,
Час ужина, общего сбора, чувяк.
Все живы еще. И за окнами мрак.

ФЕЛИКС СЕГАЛЬ

Кандидат биологических наук, доцент, пишет стихи с от-
роческих лет. Принял участие в двух книгах сына Дениса.
Староста ЛИТО при мэрии Тель-Авива. Живет в Бат-Яме.

За окном лежат снега,
В инее рябина...
Мирно старая яга
Дремлет у камина.
Давнею была весной
Жизнь другого сорта...
Ах, какой был вороной
У шального чёрта!
Как носил их этот конь!
Конь, неутомимый,
Пожирающий огонь,
Вихрь неукротимый!
Степью, звёздною, ночной...
На морозе звоны...
Мчится, мчится вороной!
Льются смех и стоны!

Как ласково звучит «шалом»!
Как лёгкий вздох. Как ветерком
Слегка кольшимый ковыль.
Как под сандалиями пыль.

Как мана стук в худой покров.
Как треск ломаемых хлебов.
Как восхищенья томный стон
В твоё правленьё, Соломон.

Как ток по вадям мутных вод,
 Как памяти тревожный ход,
 Как гром йегудина меча
 От богатырского плеча

По ряду вражеских клинков.
 Как звон спадающих оков.
 Как в даях слышимый псалом...
 Как радость тихая – «шалом»!

Реет плавно над страной
 Эсраэлевых сынов
 Знамя бело-голубое –
 Неба чистого тонов.

И Давида щит державный –
 Тоже неба синий цвет.
 «Не убей!» – Здесь виден главный
 Бога нашего завет.

Нет здесь красок крови, смерти,
 Ни оружия, ни зверей!
 Самый мирный флаг на свете –
 Знамя родины моей!

Но и с ним в шальные годы
 Нет покоя нашим снам!
 Люди! Люди! Дайте отдых
 Эсраэлевым сынам!

ВИКТОРИЯ СЕРЕБРО

Родилась в Харькове в 1947 году. Посещала литературную студию под руководством Бориса Чичибабина, играла в КВН. Окончила Харьковский Государственный университет. Преподавала английский язык на Государственных курсах иностранных языков. В Израиле с 1992 года. Печаталась в газетах «Новости Недели», «Вести», «Время», в журнале «7-40», альманахах «Галилея», «Роза ветров», «Родник», «Истоки» (Харьков). Автор сборника рассказов и юмористических миниатюр «Случайные связи», постоянная участница юмористических программ радиостанции РЭКА. Живет в Хайфе.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ НЕ ЭПИГРАММЫ

Всенародное признание

Игорю Губерману

Еврей, что когда-то покинул Ирак,
 Оле из Марокко, Ливана,
 Порою на рынке ответит вам так,
 Как будто читал Губермана.
 Я от эфиопа преклонных годов
 Узнала: у них в караванах
 Жену допекают, коль чолнт не готов,
 Цитатами из Губермана.
 Верблюда седой бедуин погонял,
 И в выкриках этих гортанных
 Три слова по-русски мой слух распознал
 Из хлестких стихов Губермана.

Леониду Якубовичу

Знаем мы, израильяне,
Уж который год подряд:
Якубович на экране –
Свечи зажигай – шабат!

Так что, стоя перед залом,
Вспоминай, что ты еврей
И не жуй так смачно сало,
Лучше сдай его в музей.

ЛИМЕРИКИ

Как-то Лилли сказал рыжий Вилли,
Обходя лужу близ Пикадилли:
«Дайте руку, мадам!»
«Я и сердце отдам!» –
Предложила с готовностью Лилли.

Холостяк, вдруг отбросив сомненья,
Дал на старости лет объявление:
«Есть душевный настрой
В брак вступить с медсестрой.
(Цвет волос не имеет значенья)»

По секрету призналась Дебора,
Что нашла жениха под забором.
Был он пьян и не брит,
Пуст карман, глаз подбит,
Но поклялся, что женится скоро.

Джонатана из штата Кентукки
Три красотки спасают от скуки.
Тугоух он и хром,
И подагрик при том.
Говорят, полюбили за муки.

Говорят, в старом замке маркиза
Обожала ходить по карнизам.
Флегматичный маркиз,
Глядя вверх на карниз,
Называл это дамским капризом.

Утверждал Соломон из Ахузы,
Что жена для мужчины обуза.
Он у каждой двери
От зари до зари
Поцелуи дарил лишь мезузам.

После встречи в субботу к Натану
В переулке пристала путана.
Был Натан не из тех,
Он сказал: «Это ж грех,
Я платить вам в субботу не стану!»

Услыхали в суде от Василия,
Что не зря он прибегнул к насилию.
Есть резон каждый раз
Дать кому-нибудь в глаз,
Ибо жизнь далека от идиллии.

ВАЛЕРИЙ СЛУЦКИЙ

Родился в 1954 году в Даугавпилсе. Жил в Ленинграде. Окончил ЛГПИ им. Герцена (дефектология, русский язык и литература). Участник сборника «Круг» (Ленинград, 1985). В 1988-90 г.г. заведовал отделом поэзии журнала «ВЕК» («Вестник еврейской культуры»). В Израиле с 1990 года. Автор поэтических книг: «Стихотворения 1970-1977» (2002), «Omnia» (1993), «Новый век» (2002), сборника переводов «Из еврейской поэзии XX века» (2001), книги «Азы достоверного смысла» (2005). Живет в поселении Кдумим.

Из книги «НОВЫЙ ВЕК»

Куст

Столь честно мной посаженный, зачах
Пушистый куст, не то сгорев в лучах,
Иль, может быть, не добирая мощи
Лучей, не то старанием корней,
Ища источник в мертвости камней,
Не преуспел, как преуспели в ней,
Святой земле, оливковые рощи.
Не то с обманной кротостью трава
Подобралась, решив отнять права
У ближнего, расцветшего едва –
Что задушить, чем поделиться – проще.

И грустно мне от собственной вины –
Подвохи были кем не учтены?
Устроить лунку, думал, не проблема,
Не знал, с какой опасностью стороны,
Не доглядел, не вник до глубины
В твою нужду, взывающую немо.

13 февраля 2002

Exodus

По сторонам дверного рубежа
Валялись вещи после дележа
(Забвенью или мне принадлежа).
Исход уже спускался с этажа.
К решимости подвигнутый трубившим
(С разинутым багажником) такси,
Я мысленно скомандовал – «Неси!»,
Движением плеча покончил с бывшим.

Захлопнув дверь движением плеча,
Я спохватился – дескать, сгоряча.
Еще не веря (не было ключа)
Уже непоправимому облому,
Я ручку рвал, ломился в дверь, рыча,
За долей, причитавшейся былому.

26-28 февраля 2003

«Шкода»

Моим друзьям Эстриным

Я сдался с середины выража
На милость (был напротив) гаража,
Докуда, тарахтя и дребезжа,
На минусе резервов и запасов,
С проблемой полетевшего узла
Амфибия удачи доползла,
Значеньем на спидометре числа
Планету раз двенадцать опоясав.

Заклинь рычаг чуть раньше, дескать – пас,
Глядишь – и парабеллум бы не спас.
Единственно не выбранный запас,
А именно, везенья – по сусекам
Наскреб мазутный космос шестерен,
Что нынче на подъемник водворен
Своим («ийе бэсэдэр») человеком.

То, выправясь, казалось, на весу,
 То зная, где сдвигаться колесу,
 Как будто говорившая – «Спасу!»,
 Тянула до подмоги иль попутки.
 Удерживала руку на руле,
 Когда несло к обрыву иль скале.
 Не где-нибудь с бензином на нуле –
 Вставала за слагбаумом у будки.

Впряженные в цилиндры сорок кляч
 Хрипели, выручая, как тягач.
 Количество спасений и удач
 Переходило в качество, которым
 Мостился путь, коварен и зловец.
 «Нельзя не быть», – доказывала вещь,
 Творя везенье шиной и мотором.

9-10 марта 2003

Б. Р.

Я спросил, на стук отворя, –
 Что пришла ни свет ни заря?
 Та, наставя глазной провал,
 Ухмыляется. Знает – звал.

Говорю, – обозналась мной.
 Не грешат мозги слабиной.
 Кажет ушлая нос-дыру,
 Ухмыляется. Знает – вру.

Я, резонем ее разя, –
 Нет лазейки, не быть нельзя, –
 Дверь захлопнул. А та – внутри.
 Ухмыляется, – сам смотри.

12-22 марта 2005

ЛИДИЯ СЛУЦКАЯ

Репатрировалась в 1994 году из Москвы. Живёт в Иерусалиме. Вышли в свет два поэтических сборника: «Солнце на крыше» (1999) и «Зима в Иерусалиме» (2005), а также детская книжка «Мыслишки сынишки» (2002). Один из авторов «Иерусалимского журнала». Публиковалась в детских интернет-журналах. Победитель Конкурса переводов имени Ури Цви Гринберга и международного Интернет-конкурса на лучшее детское стихотворение. Её стихи и переводы можно прочитать на сайте «Стихи.ру». Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Л.С.

Жизнь – манная каша,
 Которую нужно доесть.
 То гуще, то слаже
 Полезно-гремучая смесь.

Бела и невинна,
 Как только что выпавший снег,
 Уж нет половины,
 А кажется – хватит на всех.

Ни съесть, ни убавить,
 Ни выбросить, ни потерять,
 Ни внукам на память оставить,
 Ни маме обратно отдать...

Иврит

Не говорю, но лишь пишу.
 Саму себя понять стараюсь.
 И словно заново рождаюсь,
 Когда слова произношу.

К давно знакомым берегам
 Как будто снова я вернулась:
 Названья вспоминаю улиц,
 Жизнь постигаю по слогам.

Язык, где буквы в роли чисел,
 Где каждый знак как чародей,
 Где в недосказанности смысл,
 И лишь Всевышний – грамотей

Пишущих больше сейчас, чем читающих,
 Если задуматься, – вывод пугающий.
 Где они спрятались, эти читатели?
 Тоже, наверное, пишут – предатели!
 От безысходности, может, как знать,
 Чтоб хоть себя с интересом читать.

Хотя и не бывает драк,
 Но дружбы нету тоже
 У почитателей собак
 С поклонниками кошек.

Строги хозяева собак
 И вместе с тем капризны,
 Кошатник же всегда чужак,
 И это – главный признак.

Он защитить тебя готов,
 И тьмы он не боится,
 Но вмиг забудет тёплый кров
 При виде синей птицы.

Все блага жизни ни к чему, –
 Свободен он как ветер.
 Себе он верен самому...
 Котам, жене и детям.

Что ты ищешь врагов, моя бывшая Родина?
 Ты бы лучше своих не теряла друзей.
 То ли славы тебе в своё время не додали,
 И ты мстишь за своих позабытых князей.

В твоих детях так много кровей перемешано,
 Что им корни непросто свои отыскать, –
 С чужаками сражаются слепо и бешено,
 В них боясь разглядеть иль отца, или мать.

ЛЕОНИД СОРОКА

Родился в Киеве, в эвакуации жил на Урале. Окончил три курса Киевской сельхозакадемии и филологический факультет Киевского университета. Работал в детской газете. В Киеве вышло две книги лирики и три книги для детей. В Израиле с 1991 года. В Санкт-Петербурге в издательстве «Гуманитарное агентство «Академический проект» вышли книга лирики «Галилейский круг» (2002) и книга для детей «Про мышонка Шона, про амстердамского кота Тома и про многое другое» с рисунками Леонида Каминского (2004).

Член Союза писателей Израиля, член Международного ПЕН-клуба. Живёт в Кармиэле.

Несу своё сердце к минувшей войне.
 Но ждалось птенцом беззащитным во мне
 Оно и раскрыться боится.

Как будто сковал его лютой мороз.
 И острые льдинки из пролитых слёз
 Вонзиться готовы в ключицы.

И ясность мысли, и рука
Уже не те, что были ране.
Блеснет рыбёшкой строка
На небе, словно на экране.

И ускользнет в речную гладь,
Пустив круги по водоему.
Наверно, удочки смотать
Пришла пора и двигать к дому.

И, возвращаясь по песку
Назад в свою периферию,
Впадать без повода в тоску
И без причины в эйфорию.

Никто не купит Дона-Аминадо.
Стоит он в супере, издание «Летний Сад»,
Поскольку никому его не надо,
Своё отпел он много лет назад.
Другие доны выросли и доньи,
Вздывая к небу нервны ладони,
Выходят на проспект для променада,
В упор не узнавая Аминадо.
А зря, обуреваемы гордыней,

Забвение сулят они ему.
Опять его корабль из дали синей
Приплыл, и мы выходим на корму...
И пушки на борту не устарели,
И порох сух, и тяжела картечь.
И всех певцов залиvistые трели
Не заглушат его простую речь.

Прощание с мамой

Отодвигая прозу и стихи,
без поисков особенного лада
письмо домой – собранье чепухи:
мол, всё нормально, ничего не надо.

Кто знал тогда, что мама тот листок
в больнице доставала то и дело.
В нём нежность находила между строк
И преданность сыновью без предела.

А «преданный и нежный» разгильдяй –
он ничего не знал. Но телеграмма
его за грудь встряхнула: «Приезжай!
при смерти мама».

Нет, я успел, прошёл я сквозь посты:
и мама китель гладила ладонью
и тихо говорила: «Вот и ты,
теперь я умереть могу спокойно...»

Что бормотал я? Уверял я в чём?
Родной комочек, сжавшийся от муки...
Тень жизни, пролетевшей за плечом,
прозрачные и тающие руки.

Словно взбитый мамою матрас,
пахнущий травой сушёной малость,
ускользает вечность из-под нас,
на которой так спалось-мечталось.

ГОША СПЕКТОР

Родился в Ростовской обл. в 1961 году. В Израиле с 1994 года. Автор публикаций как в Российских, так и в зарубежных русскоязычных периодических изданиях и литературных альманахах. В Израиле принимал участие, как автор и как один из редакторов сборника «Долина». Живет в Афуле.

Даждь нам днесь

Не спорь со мной. Все споры будут зря,
Пока роняет свет на мостовую
Кривой фонарь. И возле фонаря
Какой-то парень девушку целует.
Не ты, не я.
Уже не, ты не я.

Им хорошо, наверное, вдвоем
Парить незримо над ночным кварталом.
Ты в детстве тоже изредка летала,
Пока не стал похож на водоем
Твой зыбкий сон, в котором одеяло,
Как лед, обратный путь перекрывало.

Немало дней прошло с тех самых пор,
Когда с тобой мы целовались тоже.
Но время шло, сужая кругозор
До уровня гостини и прихожей.
И стал банален каждый разговор.

Отматывает память эпизод
И возвращает нехотя к началу
Иных времен, где нам предназначалось
Совсем не то. Совсем наоборот.
Там до сих пор не выключенный чайник
Зовет кого-то тихо и печально.

Там до сих пор прогорклы вечера,
И воздух полон сигаретным дымом.
Там нет того, что нам необходимо,
И нечего утрачивать. Игра
Еще не обрела жестоких правил.
Никто не служит и ни кто не правит.

Привычный быт творил свою игру;
Гремел в кроватке детской погремущей,
И оставлял на скомканной подушке
Не оттиск страсти – слезы и слюну.
И постепенно обольщались души
Желанием обидеть и разрушить.

Не спорь со мной. Все будет, так как есть
Мы здесь, сейчас, и выбор минимален
Невольно повторяя «Даждь нам днесь»
Глядишь во двор из затемненной спальни
Как Саваоф из сумрачных небес.

И подступает подленькая злость,
И отвращенье к собственному дому,
Но личный страх перерастает в дрему.
Пока не пелось – до тех пор жилось.

Не спорь со мной. Все будет по-другому...
Но только «по-другому» не пришлось.....

Мистегрис

Осенний день, двухцветный парадиз.
«Ах, Мистегрис, – сказала дама в белом –
Я с детства обожаю тихий риск
В уютном будуаре, телом к телу».
Закат вспотел нечаянным дождем,

За окном перетекали грозы,
И черный всадник под ее окном
Не изменял монументальной позы.

«Ах, mon ami, – промолвил старый фат,
А ныне камергер и соглядатай –
Ведь ваш супруг ни в чем не виноват,
Здесь, видимо, природа виновата.
Ну что с того, что толст и лысоват, –
Король, по рангу, часто неподвижен.
А дамы на прическу не глядят –
Они предпочитают много ниже...»
Холодный ветер зябким сквозняком
Стонал, как баньши где-то в галерее,
А черный всадник за ее окном
В промокший плащ закутался плотнее.

«Увы, мой друг, я больше не юна,
И он мне изменяет, с кем попало.
Налейте же анжуйского вина,
И принесите шаль из будуара».
Старик поднялся и покинул зал,
А черный всадник вынул пистолеты.
Король вчера убийцу нанимал,
И камергер прекрасно знал об этом...

Нелепая фантазия... Стихи....
Иллюзия забытого напева....
Реальны лишь сплошные сквозняки
И шахматы.
Король и королева.

Обратный отсчет

Еще над Петербургом спит весна,
И коммуналки катятся в былое.
В стакане возле тумбочки алоэ,
И будущность до одури ясна.
Сушняк с утра.
Вчерашний день забыт.
Знобит строку, смущает перегаром.
И всем видна отягощенность даром,
Покуда пьян, талантлив и не брит.
Вот так братан,
Я скоро буду крут,
И все поймут и примут, как пророка.
Налей же мне «Мартини» на дорогу,
И сдачу, дорогой мой, не забудь.

Еще над Ленинградом тщится бог
Поправить ситуацию немного.
Успеть бы выпить спирта на дорогу,
Пока не подогнали воронок.
Всему свой срок. И так тому и быть.
Кому в Норильск, а после срока – в ссылку.
Мы встретимся с тобой на пересылке
И будем долго ночью говорить.
Вот так то сын.
Мы выбрали страну,
Хотя возможно было и иначе.
Не плачь, родной. Ведь нынче много плачут,
А после признают свою вину.

Над Петроградом снегом стыл февраль,
И сквозняком скользил по половицам.
И с фотографий улыбались лица
Тех, кто пропал. И бесконечно жаль
Вдруг становилось собственной судьбы,
Хотя точнее говорить «судьбины».

Мы встретимся когда-нибудь в Харбине,
 Осатанев от внутренней борьбы.
 Вот так то друг.
 Пустеет длинный стол
 И не понятно, кто удачлив боле.
 А если ты не ощущаешь боли,
 Так, видимо, безвременно ушел.

Еще над Петербургом тщится март
 Пробиться через снежные заносы.
 К чему вопросы, если на вопросы
 Ответ один – он тоже виноват.
 Но все потом – отъезд, и личный ад,
 И лизоблюдство, как возможность выжить.
 Мы на сочельник встретимся в Париже,
 Что б подсчитать количество утрат.
 Вот так то, брат..
 Их всех не перечесть,
 И сорок сороков не перемелешь.
 Пока живешь, невольно все приемлешь,
 Но только лишь покуда ты живешь.
 Покуда помнишь...

Полночь – не порок.
 Пророк уснул, раскинувшись в кровати.
 Еще у мамы с папой все в порядке,
 Еще ни слов, ни музыки, ни строк...

ИРИНА СПИВАК

Родилась в Бердичеве, но росла с 3-х летнего возраста в Харькове. Главная профессия – воспитание детей в детском саду. В Израиле с 1990 года.

Писала, помимо стихов, новеллы и переводы с русского на иврит детской поэзии. Печаталась в периодике и в альманахах «Галилея» и «Долина». Живет в Афуле.

Оранжевая

Мы росли за стеклом.
 Самых главных лучей не хватало.

Впрочем, было светло даже ночью.
 И почва – как рыхлая лень.
 Мы не сильно дышали:
 Ведь воздуха там было мало,
 Но зато был полив, и обильный,
 И минимум – три раза в день.

Нас ветра не трепали,
 Жестокие грады – не били,
 Хоть грозу и слышали,
 Но чужд был нам воздух ее.
 Мы всей правды не знали,
 А ту, что узнали – забыли...
 Но теплицу разбили,
 Над нами кружит воронье.
 И теперь не понять,
 Как же мы проживем без полива.
 Мы лепечем невнятно,
 Когда переменят меню.
 Непривычное небо
 Порою бывает красивым...
 Но боюсь, что засохнем,
 Боюсь, – загнием на корню.

1987

Издалека

а морями и долами
Мы уже встречались с вами
И своими голосами
Разговаривали сами.

За снегами и дождями
С вами были мы друзьями
И сидели в общей яме,
За оградой, по программе.

За горами, за лесами,
И встречались мы глазами,
И плечами, и губами
За озерами – лугами.

А теперь не знаем сами,
Где увидимся мы с вами...
Если будем бедняками, –
Может быть, за облаками.

Раскидало нас, разметало
Буйным ветром по белу свету
Разнесло – и уже не стало
Ни корней, ни стволов, ни веток.

Закружило нас, завертело...
Где душа моя и где тело?
Что под ветром весенним пело?
Что под ливнем июньским зрело?

Закружились мы... Разлетелись,
И упали: кто мягко, кто – больно.
Есть в высоком полете прелесть,
А падений – с меня довольно.

И теперь летят только мысли
В длинных письмах... О, что за время!
Да и кто мы? Опавшие листья?
Или семя, упавшее в Землю?

1

Горы спрятались в тумане,
Под туманом спит долина,
По дорогам мчат машины
И врезаются в туман.
Это истины простые,
Первозданная стихия:
Есть земля, вода и песня,
Правда есть, и есть обман.
Есть квартиры, мебель, деньги,
Есть газеты и пластинки –
Все подвластно измерению,
Все имеет цвет и вес...
Но тоска не измерима,
И ее как будто нету...
Что же мне на сердце давит?
Что несу, как лишний вес?

2

Поглядите, над полями
Пролетает аист белый,
И совсем ненужным делом
Сердце занято в груди.

И смотреть неловко сверху
На дома и на деревья,
Но кому какое дело?
Раз неловко – не гляди!

Улетает белый аист,
Облака плывут кудряво,
Заходящее светило
Разливает алый свет.

Отчего же сердцу душно?
Отчего же конь упрямый
Бьет и бьет траву седую
Бесконечно много лет.

Холодная луна и горы Галилеи
И бег небесных вод,
И свет нездешних звезд,
И ветер все сильнее,
И времена все злее.
Судьба глядит в глаза,
И близок мой черед.

Зачем пришла сюда?
Куда уйду отсюда?
Молчат о том луна
И горы, и закат.
Лишь ветер все поет
И предвещает чудо
Расплавленный булаг –
Невиданный полет.

Того, на чем стою
Не объяснить словами,
Рассудку вопреки,
Наперекор судьбе
Без голоса пою,
А вы услышите сами
Немного обо мне,
Немного – о себе.

ЛЕВ СПИВАК

Родился в 1931 г. в Одессе, журналист, поэт, композитор. Лауреат конкурса «Пушкинская лира» в Нью-Йорке. В 1995 году вышли два первых поэтических сборника, в том же году на конкурсе на лучший исторический очерк об Одессе получено первое место. В Израиле с 1996 года. Всего издано 11 книг – поэзия, шаржи и эпиграммы, сборник (в соавторстве) музыкальных произведений, книга документальной исторической прозы «Времена и судьбы». Член литературных объединений «Анахну» и «Кармель» в Хайфе.

Рахманинов *Соната си-бемоль мажор*

На погосте вороны, вороны
Землю черную, землю черную роют.
Над погостом тучи хмурые, грозные
кругом ходят, хороводят.
А вокруг тишина, тишина и безмолвие –
одинокое.

Степь пустынная, степь безбрежная
простерлась далеко.
Пробежал ветерок, шевеля листвою,
в степь ворвался волной перекатною,
засвистел, загудел и умчался долой –
безвозвратно.

Тучи стаей большой, синь небесную скрыв,
землю сумерками спеленали.
Птицы, в высь устремясь, беспокойством полны,
тучам громко, тревожно кричали.
Грянул грома раскат, повторяясь вдали,
в небе молния след прочертила:
и погоста кресты, и бескрайнюю степь
на мгновение собой ослепила.
Дождь по пыли, рысцою слегка протрусив,
вдруг пролился сплошной стеною...
По натянутым нитям ветер пальцами бил,
и они отзывались струною.

Лились звуки: в них слышались вздохи земли,
ветра ярость грозила, стеная.
По погосту, по серой безмолвной степи
билась музыкой осень седая.

Вдруг! С маха! Вдруг! С размаха
В распластавшихся ромашек поле
Вдруг! Птица! Вдруг! Птаха!
Мое счастье в желтом море.

Бушует цветенье бело-желтой поэзии –
Грудью, ноздрями вдыхаю запахи.
Ты рядом песней весеннею,
Небо над нами огромной ромахою.

Дала любовь нам счастье волнения,
Дала крылья свои могучие.
Ты вся – мое вдохновение,
Моя поэзия лучшая.

Мне вдруг открылась клинопись берез:
вдоль по стволу чернеющие точки.
И был поэтом первый, кто нанес
на бересту придуманные строчки.

Березовая речь в лесной тиши
и шепот оголенными ветвями.
Им отзываюсь музыкой души
и говор их перевожу словами.
Я слышу, как под белою корой
бьют родником березовые соки.
Так сердца своего я слышу бой,
так просыпаются во мне созвучий строки.

С березой мы переплелись душой.
У наших родников одни истоки:
надрез души, березовый и мой,
и людям в дар живительные соки.

АЛЕКСАНДР СТУПНИКОВ

Родился в г. Остров (Россия) в 1953 году. Учился на факультете журналистики Минского Государственного университета. Был исключен за сионизм. По этой же причине был выслан из СССР. Жил в США, Англии, Белоруссии. Работал в журнале «Новый американец», в русской службе ВВС, был директором независимого телеканала в Минске и шефом бюро НТВ в Польше и Белоруссии, откуда в 1997 году был выслан за «подрыв белорусско-российской дружбы». С лета 1997 года живет в Израиле, в Ашдоде. Шеф бюро НТВ на Ближнем Востоке, автор программы «Сегодня в Израиле». Печатался в СМИ России, Белоруссии, США, Израиля. Автор трех поэтических книг. В 2005 году сделал передачу о книге «120 поэтов русскоязычного Израиля», продолжением которой является настоящее издание.

Нет смысла в том, что быть могло,
Когда есть то, что совершилось.
И, не начавшись, завершилось...
А кто-то скажет: «Повезло».

Нет смысла в том, что было злом,
Когда добро взошло удачей.
И вот плачу,
Как будто плачу.
А кто-то скажет: «Повезло».

Нет смысла в том, что наросло,
Когда топор уже в работе.
И дух готов проститься с плотью.
А кто-то скажет: «Повезло».

Когда уже произошло,
Нет смысла в том, что объяснимо.
Но если б не было любимой... Сказал.
И сердце обожгло.

1984

Не избежать тому навета,
Кто радость спрятать не сумел.
И быть удачливым посмел.
Зачем я думаю об этом?

Нет заблуждения опасней,
Чем на беду
Делиться счастьем.

1982

Я на Земле – транзитный пассажир.
И жизнь себе на время одолжил.
А имя от рождения меня,
Стихи пишу, как будто вспоминаю
Увиденные в прошлом миражи.

Мигель де Унамуно и Вийон,
Десятки неизвестных мне имен –
Мои единокровные собратья.
Чего во имя
И чего не ради
Я с вами одиночеством скреплен?

В глаза мне удивленно посмотри,
Единовец мой – Аль Маари.
Все тот же мир:
И запахи, и краски,
И лицемеров вежливые маски –
Как запертые двери изнутри.

Аль Маари, порвем календари!
Нет тлена, если жизнь – самосожженье.
И пламя опрометчивых решений
Обдуманностью слово озарит.

Когда немые в голос говорят,
И души одинаково горят,
Мы все обречены на откровенье
Жить в новом
Обрамлении лица,
Как тени
От своих
Стихотворений.

1984

Не знаю я, где правда, где обман...
Я в жизнь пришел, Хотя и не был зван.
И тридцать верст остались за спиной,
Как тридцать гнезд, разрушенных войной.
И тридцать зим
За тридцать медяков
Меня держали в стае дураков.
Куда я торопился и зачем,
Когда есть одиночество ночей?
И, словно наказание, благодать
Все знать
И ничего не понимать.
Незванный я. И все-таки не гость,
Поскольку мне родиться довелось.
Но утренний рассеялся туман –
Не знаю я,
Где правда...
Где обман...

1983

Какая бы беда
В окно ни постучала,
В ней меру доброты
Дается приобрести.

Где не было конца –
 Не будет и начала.
 Лишь в поисках себя
 Мы лучше, чем мы есть.
 Даровано любить.
 И нет превыше истин,
 Чтоб помнить –
 Как забыть
 И нищенство, и спесь.
 Ресницами дрожат
 Взволнованные листья.
 Им слез не удержать –
 Мы лучше, чем мы есть.
 Жить, радуясь стихам
 И восхищаясь пением,
 Которых не затмят
 Ни клевета, ни лесть.
 И даже час греха Предстанет
 искуплением.
 А может – и предстал.
 Мы лучше, чем мы есть.
 Назло.
 Но для любви.
 Себе на удивление.
 Сгорая от стыда
 За попорченную честь,
 Не слушая кликуш,
 Поверить без сомнения:
 Мы есть.
 И навсегда
 Мы лучше, чем мы есть...

1983

Зачин

Все кончится. Все очень просто кончится.
 Вселенная от боли будет корчиться.
 Распятая невежеством Земля
 Рассыплется,
 По космосу пыли,
 И человека гордое высочество,
 Забытое про имя и про отчество,
 Свой запуск
 Отсчитает
 До нуля.

1980

ЮРИЙ СУПОНИЦКИЙ

Родился в городе Черновцы, окончил медицинский институт в Тюмени, репатриировался в Израиль в 1990-м году, работает врачом-анестезиологом. Член союза русскоязычных писателей Израиля. В Израиле публиковался в периодике, состоял членом редколлегии альманаха «Галилея», издал две книги стихов «Возвращаясь, всегда забываешь» (Израиль, 1998) и «Откровения осени» (Харьков, 2001). Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Опять Луны бесцеремонный свет:
 Ночной блудницы желтая лампада.
 Бродячий ветер в лабиринтах сада
 Бесцельно рыщет: Минотавра нет.
 И меркнут огоньки иных планет:
 Неразличимым шагом конокрада
 Туман давно прокрался за ограду,
 Мучительно не пишется сонет...

Я жду во мраке. Или это – блажь,
И Время не прощает мелких краж,
И в чередѣ бессмысленных соитий
Судьба не морщит лоб из-за кулис.
Я и приманка, я и первый приз –
Тянусь к своей неощутимой нити...

Поле битвы – зеленая мятая простынь,
Над распластанным чревом склонились хирурги:
Слишком поздно для самых логичных вопросов.
Удержаться бы только в разорванном круге.
И на вытертом ложе, в последней попытке,
В ледящих объѣтах крючков и пинцетов
Рвутся в спешке под пальцами синие нитки,
Рвется в небо душа в пляске крови и света.

Я снова засыпаю без тебя,
И робкий дождь стучит по рыжей крыше,
На мокрое стекло неслышно дышит,
Обломанную ветку теребя.
И этот дождь, блуждающий во мгле,
Шагает по незамкнутому кругу,
И крепко держит Ночь свою за руку,
Легко ступая по сырой земле.

Между нами – дорога. Ни ветра, ни слез, ни тоски.
Бесконечная лента пустого и стылого шляха.
Это просто судьба, что не сцена сегодня, а плаха.
Декорации те же: столбы, небеса и пески.
Так уходят поэты, свечу погасив на столе.
Фаворитам печали объѣтия вечности сладки,
Но, листовая порою, забытые всеми тетрадки,
Мы вдруг видим все дальше и дальше в пугающей мгле.

О чем не пишутся стихи?
О том, что горе безутешно,
О днях напрасных и безгрешных,
О тайных снах полубесчестных,
О зыбких сумерках тоски,
О том, что в небе нет ответа,
О том, как истины сладки,
Как пьют густую кровь реки
Уста кровавые рассвета,
О том, как в желтизну листа
Навек вгрызаются чернила,
О том, что ангелы бескрылы,
А жизнь проста.

Небо цвета портянки,
Промокший песок.
Тусклomorдые танки
Ползут на восток.
Сизым дымом – моторы,
Черным дымом – стволы
Красят синие горы
Цветом липкой золы.
Тонким шрамом – дорога,
Жирным шрамом – река.
Блажь безумного бога:
Две строки некролога
В два свинцовых плевка.

Стихи забытого дождя
звучат над улицей туманной,
уходит вечер безымянный
и тихо плачет, уходя.

Так наши годы: за черту,
что нам почти неразличима,
они летят неумолимо
и тают, тают на лету..

Г. С. Кановичу

Ни слезы, ни молитвы дураков,
не воротят утраченного счастья,
не породят иллюзию всевластья,
но не спасут от боли и плевков.

И будет жизнь, как прежде, тяжела,
а ночь длинна, как будто нет рассвета,
молитвы останутся без ответа,
день догорел, и молодость ушла.

Но все же Бог, о, всемогущий Бог,
вмешается в игру страстей дешевых,
и выронит меж бусинок дешевых
алмаз на перекрестке всех дорог.

Ненасытная вера в удачу кружила меня
по дорогам разлуки, сменяя пустые пейзажи.
И столбы верстовые несли свою странную стражу,
торопливые дни в бесконечное завтра гоня.
Я смотрел им вслед. Эту веру, как тайну храня,
разбазаривал сны, не жалея отнюдь о пропаже.
Не склонял головы. То в десятку стреляя, то мажа,
то печатая шаг, то как старый лакей семена,
я минутам прощал беспричинные мелкие кражи
и тащил свою ношу, не в силах облегчить поклажи.
Глядя в ясные очи еще не рожденного дня,
из обломков Луны собирал на рассвете коллажи.
Из тумана лепил серокаменных сфинксов. И даже
находил постоянство в горячем дыханьи огня.

БОРИС СУСЛОВИЧ

Родился в 1955 г. в Днепропетровске. Окончил мехмат ДГУ. В Израиле с 1990 года, работает программистом. Пишет стихи 4 года. Перед этим был 22-летний перерыв. В какой-то момент понял, что жизнь без стихов не для него. Автор книги «Просыпается слово» (Э.РА, 2006). Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА)

Сыну

Ханука, тихий вечер.
Сказка приходит в дом.
Благословляем свечи,
Свечи горят рядком.

Свет раздвигает стены,
Пламя взлетает ввысь.
Праздник во всей вселенной.
Время, остановись!

Дай мне в тебя взглядеться,
Дай мне тебя понять.
Радость сжимает сердце.
Время уходит вспять.

Пламя стоит стеною,
Светит годам, векам.
Юный еврейский воин
Вносит светильник в Храм.

Время за мною мчится,
Чуду наперерез.
Свечи летят, как птицы,
В нежную темь небес.

Будет народ мой счастлив?
Где она, благодать?
Свечи давно погасли.
Сказка, иди-ка спать.

*Йом хаАцмаут **

С запрокинутой головой
Сколько сможешь ты простоять?
Пять минут? Или, может, пять
Дней творенья? Пойди, постой.

Разрастаясь, гремит салют.
Вместо звука крошится свет...
Для тебя даже места нет –
Потерпи эти пять минут!

Пять минут – ерунда, пустяк.
Вырываясь из пустоты,
Рыбы, птицы, ручьи, цветы
Обживут первобытный мрак.

Приближается твой черёд.
Небо в схватках... Разрыв, как крик...
Чтобы ты в этот мир проник,
Размыкается створ ворот.

...Ты увидишь Творца вдали,
За мгновенье до тишины:
День рожденья твоей страны –
День рожденья Его Земли.

** йом хаАцмаут(иврит) – День независимости Израиля*

Я знаю, ты придёшь ко мне,
Но на свою беду,
Запутавшись в бессвязном сне,
Куда-то сам иду.

Как будто в темноте возник
И сквозь неё пророс
Улыбкой освещённый миг
В мельчайших брызгах слёз...

Ласточка

Вечерняя птица,
Окликнула вдруг.
Наверное, мчится
Быстрее, чем звук.

Всё выше взлетая
Над кромкой земли,
Уносится стая,
Темнея вдали.

И окрики птичьи
В немой вышине
Родятся вторично,
Стихами – во мне.

Движеньё без правил,
Как песня без нот,
Где музыкой правит
Свободный полёт,

Где каждое слово
Ложится точь-в-точь.
И прячется снова,
Как ласточка – в ночь.

* * *

Мы так мирно, так сладостно спали.
Неожиданно рядом возник,
Никому не мешая вначале,
То ли свет, то ли звук, то ли миг.

Все мгновения сцеплены были,
Но одно из них выпало вдруг
И растаяло в утренней пыли:
То ли миг, то ли свет, то ли звук.

Было что-то спросонья задето,
Чему даже названия нет.
Померещилось, видимо, это:
То ли звук, то ли миг, то ли свет.

МАРК ТВЕРСКОЙ

Врач, доктор медицинских наук. В СССР после нескольких юношеских публикаций прекратил печататься в первые застойные годы, так как мнение автора обычно не совпадало с мнением редакторов. После репатриации в Израиль (январь 1974) выступал со стихами и рассказами в газетах и журналах русского зарубежья. Автор нескольких сборников юмористических стихотворений и книг документальной прозы. В 1983-84 г.г. работал в США, где был награжден литературной премией и кубком «Малый Гарик». Член Союза писателей Израиля. Член литературных объединений «Анахну» и «Кармель», г. Хайфа. Участник альманаха «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА). mt8@zahav.net.il

В ответах на любой вопрос
Живет еврейский колорит.
Кто виноват?

Наш паровоз.
Что делать?
Выучить иврит.

Первой «аидише маме» была
Дева Мария. Не мудрствуя много,
Мужа до ручки она довела
И сотворила из сына – Бога.

Однажды в студеную зимнюю пору,
Меня пригласили зайти к прокурору:
Какой-то подонок состряпал донос.
Я из дому вышел, был сильный мороз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном
Пришел я к нему, как мужчина к мужчине,
Подсунул конвертик – с валютой, вестимо.
Он взял и промолвил: «Ступай себе мимо».

Что впереди?
Успехи или невзгоды?
Предугадать судьбу я не берусь.
Все в равной мере тянут из колоды,
Где только лишь один козырный туз.

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы русских традиций хранитель –
Где бы бедный еврей не страдал.

А король-то голый!
Ну и что ж?
Голых королей – куда ни ткнешь.
Присмотритесь:
Вероятно, соль
В том, что хоть и голый, а король.

Говорила жена мужу:
– Будем жить мы душа в душу.
Дело в том, что тело в тело
Им давно осточертело.

Идут в политику раввины,
Вооруженные единством.
Они воюют со свиной
И уживаются со свинством.

Дела давно минувших дней –
С Россией сблизился еврей.
Они взаимно пили кровь,
В грехах друг друга обличали.
Была без радости любовь,
Но нет разлуки без печали.

ИРИНА ТВЕРСКАЯ

Поэт, художник. Живет в Иерусалиме. Публиковалась в журнале «Алия» и других периодических изданиях Израиля.

Самолеты по небу рисуют.
 Что без самолетов небеса?
 Выцветают небеса, пустуют,
 Забывают наши голоса.
 Самолет, серебряный кузнечик,
 Забери с собой беду мою.
 Встретишь Бога, скажешь, человек
 Передал с Земли, сказав – Дарю.
 Он ее на облако положит...
 Самолет, не зацепись крылом!
 И никто понять уже не сможет
 Что зияет пустотой в былом...

11.04.94

Тропа – тропа – тропиночка
 Роса – роса – росиночка
 Искра – искра – пожарище
 Вокруг стола товарищи,
 Вокруг ствола – вьюнок,
 Ликер, чтоб пить, фольга – шуршать,
 А юность – чтобы спать мешать.
 И песня, чтоб дышать и петь,
 И голос твой, чтобы пьянеть,
 Земля чтоб из-под ног!
 А в мире – экономия,
 Оценки, анатомия,
 История, онегины, обломовы, на дне,
 И все это не музыка, и все это не светится,
 И плачет кукла месяцы,
 Забыта на окне.

Вчера еще казалось – напишу
 Размашисто, с налета, не считая
 Ступенек, строк, минут – и разрешу
 Себе поверить в то, что есть иная
 Судьба, дорога, песня, суть вещей
 И ясные, безоблачные сны.
 И вот они уже – ворота рая,
 Открыты, но... с обратной стороны.

З. Т.

В мире время странных утех.
 Тяжелые тучи низко – низко
 Плывут над городом обелиском
 Дождь. Небо плачет о тех,
 Кто ушел по-английски,
 Из самых нужных и самых близких...

Изгиб строки, изгиб руки, твоя рука...
 Ладонь раскрыла возле самого лица
 Все скобки.
 Тяжелей свинца
 Скатилась по щеке тоска
 На берег топкий.

Я хожу там, где мы ходили,
 И мне под ноги попадаетеся
 То лоскуток твоей ласки случайной,
 То полночи брызги, что мы когда-то пролили,
 То вдруг тень моя спотыкается
 О звук в форме ложечки чайной...

ЕЛЕНА ТЕКС

Родилась в 1948 году в Украине (г. Кривой Рог). Инженер-химик. В Израиле с 1993 года. Член литобъединения «Анахну» и литературной студии «Кармель». В Израиле вышел первый поэтический сборник о любви «Листая дневника страницы». Печатается в альманахе «Хронометр». Лауреат международного поэтического конкурса 2004 года «Пушкинская лира» в США (3 место), победитель (3 место) конкурса «Северная лира». Живет в Хайфе.

Свидание с Марком Шагалом

О Витебск, маленький Париж,
Зеленоликий, краснохатый.
И ангел – серафим крылатый
Крылом твоих коснется крыш,
Где, сидя на печной трубе,
Скрипач играет бородастый,
И льется музыка над хатой,
И плачет скрипка по тебе.
Летит зеленая коза,
Ее живот распух от счастья...
Но сердце рвет мое на части
Ее печальные глаза.
Любовь парила в небесах,
Как будто пряталась от взоров,
Уйдя от пересудов, споров,
Присев у Бога на весах...
И так не плотен, зыбок мир,
Где васильков щемящей синью
Пропитан холст Его, доньяне
Похожий на оживший миф.

Что чувствовал, когда писал
В Париже – витебские лица?
А мне опять все ночи снится
Лица растянутый овал.

Моление о дожде

Все никак зима не наступит,
Не обрушит дождя потоки.
День туманом лицо насупит
И озябнут стихов все строки.

И воздону к небу я руки,
Попрошу у Бога немного,
Чтобы дождь все прошлые муки
Смыл потоком своим с порога.

Излечил от печали душу,
Напоил живительной влагой
Все вокруг, и страждущей суше
Подарил бы себя, как сагу.

«Да воздастся тебе, просящий!» –
Молвит Бог, и дожди косые
Побегут во мгле морозящей,
Словно детские ноги босые.

.....
Упиваясь дождем, как медом,
Твердь земная счастьем сияла,
Тяжела долгожданным плодом.
Наконец-то зима настала.

Я просила у Бога уменя –
Он учил!
Я просила у Бога терпенья,
Он лечил!
А когда попросила забвенья
Я – любя,
Молвил, бросив мне горстку мученья –
Для тебя!

ЯРОСЛАВА ФАВОРСКАЯ

Родилась в 1972 г. в России. До репатриации жила в Латвии. В Израиле – с 1999 г. Журналист. Автор книги «Верлибры рифмы».

За лёгкой паутиной облаков
Уже скользил жемчужный полумесяц,
Синь небес и моря слились в одно.
Вы тихо созерцали
округлый спелый плод
летающего к закату солнца,
перебирая пальцами песок,
дышали в такт с прибоем.
Ветер коснулся лаской ваших щёк и плеч.
Но, боже мой, зачем ты так смутилась,
Когда столкнулась с ним горячим взглядом?
Иступлённо, как в последний раз,
В ветвях дерев шальные пели птицы.
Потом всё смолкло.

Телеграфическая виртуализированная попытка ритуального суицида

Ку-да? Ах – да, на север спешат поез-да.

Опасные связи, дитя порока,
Странные игры, грязные танцы.
Стынет душа, горят ланиты.
Он уйдёт не спеша.
Сердце разбито, оно оборвалось.
Мы навсегда – врозь.

Позади – вождение,
впереди – наваждение.
Погас свет.
Его нет.

Потёмки его чужой души бездонны, нехожены,
заповедные –
Не колодец в зной,
а прорубь – зимой,
отрезвляюще. Навылет сквозное ранение
сразит удар током – взгляд жестокий.
Он уйдет до срока, не выдержав этой мороки –
роли пророка на шумном базаре Востока.
Но
словно оком всевидящим смотрит без
сожаления и на путь наслаждения,
и на припавших к груди осквернённой отчизны
в этой первой попытке оторваться от
призрачной жизни.

МАКС ФАРБЕРОВИЧ (1944-2006)

Родился в 1944 году в семье военных медиков, служивших во фронтовом эвакуационном пункте в степи под Одессой. Детские годы прошли в гарнизонах – в Югославии, Венгрии, Одесской области, на Сахалине. Закончил Одесский технологический институт. Жил и работал в Целинограде (Казахстан), Одессе, на Украине. Стихи пишет с 1956 года, был членом литстудии при одесском отделении СП СССР. В Израиле с 1997 года, живет в Кармиэле. Публиковался в кармиэльских периодических изданиях, участвовал в работе Литературной гостиной при Культурном центре Кармиэля. Стихи опубликованы в альманахе «Год поэзии. Израиль-2006».

Стражи ночи

Мы крысы хитрей, мы вертлявей ужа –
Кентавры ночей, пустоты сторожа...
И быт наш суров – обживаем углы,
В подвалах домов разжигаем котлы.
Дежури́м посменно и маемся сутки
В воде по колено пускаем фореунки.

Мы прячем ключи, на жратве экономим,
И смотрим в ночи
на дрожащий манометр.
А с нами коты и прибулдные псы
В пространстве ночей коротают часы.

Насосы вращаются, нрав их неистов...
»Козел» да фонарь,
допотопный транзистор.
А вместо кроватей – корявые доски,
На коих набросаны чьи-то обноски.

Старинные кресла, матрас и диван,
Замызганный столик и мутный стакан.
И вот уже полночь. Двенадцать часов.
Мы дверь открываем, и вновь на засов.

Из темени ночи в шершавые руки
Впадают подруги – дешёвые суки:
Бомжихи, шалавы, блядушки с Привоза.
Стакан «бормотухи» – законная доза.

Их валим на тряпки, целуем взасос.
И хаваем триппер и хламидиоз.
И, смену закончив в дурном полусне,
На двор мы выходим и жмёмся к стене.

В моче и окурках желтеют сугробы.
И сводит нам скулы от страха и злобы.
Не смейся, прохожий, и шляпу сними,
Мы пьяные рожи, но были людьми.

Но вырвало скрепы и дамбу прорвало,
И мы опустились во склепы подвалов.
Когда, накачавшись, мы дремлем на стульях,
Нам снятся конторы и рейссовский кульман.

Медали и грамоты ВДНХа,
Журнал «Огонёк» да отрывок стиха,
Шесть соток на даче, на озере клёв.
И пенсия в сто тридцать восемь рублёв...

Мы пленники ночи, мы зябнем в клоаке,
Но пламя форсунок пылает, как факел,
В грязи и пылище, гори – не сторай...
Мы рыщем, мы ищем Потерянный Рай...

1997-1999

Сельская пастораль

Поездки в колхоз вспоминаю
И вижу в печальном бреду:
Над пашней летящую стаю
И уток на грязном пруду.

Посёлков презренная проза,
Бурьяном заросший овраг,
А в центре – правленьё колхоза
И вечно закрытый сельмаг.

Застоя зловещая кома...
Курганы исчезнувших орд...
Начальник-м...к из райкома
И в стельку упитый парторг.

И запах колхозной столовки,
Блестящий молочный бидон,
И кашу из крупной перловки,
И в банке крутой самогон.

И месяц ущербный над хатой,
Ночное бречанье гитар,
И ватник, слегка сыроватый,
И утренний перегар.

У краешка лесопосадки
С утра разведённый костёр,
Красивую гриву лошадки,
Предзимний прозрачный простор.

Невинные эти забавы –
Хождение студентов в народ...
Заборы и сорные травы,
Запущенный огород.

Девчоночки брючки в обтяжку,
Спортивные тапки в грязи,
Грудастую девку Наташку
С которой арбузы грузил.

Оторванность и отстранённость
От этой огромной страны.
И поздняя дурь. И влюблённость
В посадке у края стерни.

Два ряда хатынок убогих
И улицу только одну.
Себя – идиота из многих,
Умом не понявших страну.

Когда, завалившись в кузов,
В Одессу неслись вдоль села
Студенты технических вузов,
Глотая кисляк из горла.

Дорогу в грязище и в ямах
И ЗИЛа рычащий мотор.
И степь, что от моря до самых
Карпатских загадочных гор.

И рыжую тощую суку,
Пустырь, где пасётся коза...
И, словно предвидя разлуку,
Слезой наливались глаза...

2001-2002 гг.

Зима в Галилее

Так томит ожидание снега...
 Но взамен низвергается дождь
 С галилейского тёмного неба
 На квадраты оливковых рощ.

Над долиною Бэйт А-Кэрэм -
 Облака тяжелее свинца.
 Открываются вечности двери,
 Разбиваются насмерть сердца.

Это дом из дождя и тумана,
 Над горами разрядов раскат,
 Жидкий студень небесного манна,
 Марка Поло забытый рассказ.

Светят кфары в предгорьях кострами,
 Буйный ливень потоком чреват...
 Я бреду – очарованный странник,
 Оловянный забытый солдат.

Бьются молнии в белой горячке
 Переполнен водою ковчег.
 При себе не оставив зачатки,
 Я иду в наступающий век.

Мы живём, но уже не растаем
 И стареем, и сходим с ума,
 Но над нами лишь небо-«шаманм»,
 А под нами земля-«адама».

Кипарисы и пальмы промокли,
 Тьма над миром... Но снятся душе
 И песком занесённые Гопры,
 И Цюрипинск в кольце камышей.

Над степною страной, что погибла,
 Где под снегом спокойно полям,
 Запинается призрак верлибра
 И хрипит издыхающий ямб.

Мы, последние пленники рифмы,
 Нарастившие плоть на скелет,
 И от Сциллы стиха до Харрибды
 Расстояние сходит на нет.

Зеленеет Аскания-Нова,
 Польша полей пустота.
 И бредёт бесприютное слово
 Вдоль белеющей пашни листа...

2003-2004 гг.

МАРИЯ ФЕРДМАН

Родилась в 1952 году. В 1991 году приехала в Израиль из г. Гомеля. Живет в маленьком городке Рехасим недалеко от Хайфы. У нее двое детей. Автор сборника «А звезды нам светят одни и те же». Лауреат конкурса «Северная лира» и международного конкурса в Нью-Йорке. Член литобъединений «Анахну» и «Кармель».

Как старость беспощадно подошла,
 Лежат устало, отработав, руки,
 Детей своих имеют даже внуки,
 А им помочь уже ты не смогла.
 О скольких их успела обстирать,
 И накормить, и приласкать сумела.
 Какие песни ласковые пела...
 Им до тебя уже давно нет дела.
 Все говорят – устали от забот.
 Как хорошо, что память тебе врет,
 Чтобы укрыть тебя от равнодушья,
 От одиночества, как от удушья.
 Глаза твои покрыты пеленой.
 А как детьми когда-то любовалась,
 И уходила от тебя усталость,
 Когда на стул вставал, играя, внук,
 Из бедной скрипки извлекал он звук.
 Как хорошо, что память тебе врет,
 И день, и ночь в единое сливает,
 А за окном уже метель витает,
 Все замерзает, тихо замерзает.

АННА ФИШЕЛЕВА

Родилась в Полтаве 27 января 1923 года. Жила в Харькове, училась на филфаке Харьковского университета, участница войны, работала зав. кабинетом математической литературы на физмате Харьковского университета, муж – поэт и журналист, инвалид войны Борис Сухоруков. В 1994 году репатрировалась в Израиль, жила в Нацрат Илите. В Харькове, в филиале изд-ва «Фолио» усилиями дочери, тоже поэта, Инны Захаровой и ее мужа Евгения Захарова, известных правозащитников вышли две поэтических книжки А. Фишелевой: «Дожди, Деревья» и «Города, Дороги». Последняя – посмертно. Умерла 24 апреля 2001 года в Харькове.

Приносим благодарность Марку Азову за предоставленные материалы, см. в рубрике «Литературный архив» статью об Анне Фишелевой и другие ее стихи.

Отчий дом

Облетан лист ветрами,
 Обломан голый глос.
 На яблонях с годами
 Мельчает жесткий плод.

И домик в углу доке
 Доверчивых небес
 Косится сизым оком
 На пригородный лес.

Плывет в рассветной рани,
 Обидами набит.
 Травы произрастають
 Округу шевелит.

Не вынесут в совочке,
 Не выбросят в углу
 Забывчивые дочки
 Лежалую золу.

Кружит их свежий ветер,
 Пролитывая век.
 А детство спит и светит
 В проемах ставен-век.

Я вижу улицу свою
 В платочке света.
 Она у света на краю:
 Была — и нету.
 Я по ночам слетаю к ней,
 И ноты окон
 Выводят песенку огней
 Для одиноких.

И возникаю на углу,
 И безвозвратно
 Плыву в приглушенную мглу
 Кинотеатра.

И если дождик или грязь,
 То мой порожек
 Хранит асфальтовую вязь
 Собачьих ножек.

Там Бог слоняется в тени
 Без всякой цели.
 Уносит пасмурные дни
 В своем портфеле,

Там убывают облака
 В контору ночи,
 Напоминая свысока,
 Что срок — просрочен.

В микрорайоне — мелочь веток.
 Асфальт, асфальт.
 Микрорайону в профиль ветер,
 И зной — анфас.

В микрорайоне много неба
 И нет богов.
 И каждый дом — белесый слепок
 С домов-врагов.

Микрорайон зажат руками
 Упругих трасс.
 И только сказки — островками—
 Ласкают глаз.

В микрорайоне скачут дети
 В квадратах дней.
 Цветет троллейбусный билетик
 В саду камней.

Безгласны вывески и краски,
 Разъят объем.
 На рубежах равняет каски
 Микрорайон.

АЛЕКСАНДР ФРЕЙДЛЕС

Живёт в Ашдоде. Репатрировался в 1991 году в Израиль из Воронежа, где 35 лет проработал в отделе главного конструктора Воронежского экскаваторного завода, пройдя путь от рядового конструктора до главного конструктора проекта. Пишет стихи и прозу. Печатается в газетах и журналах. В Израиле издал книгу «Онегин из ОГК» – роман в стихах. Член ашдодского литературного объединения «Паруса». Лауреат (второе место) международного конкурса сатиры и юмора «Чем чёрт не шутит» (2006 г.)

Вальс

Достану скрипку и сыграю вальс,
Тот старый, чтоб сильнее смог пронять,
Хотя и вальс теперь уже едва ль
Сумеет над землёй меня поднять.
А как когда-то этот вальс кружил,-
У молодости нескончаем век,
Казалось – человеческая жизнь
И будущее это фейерверк.
С тех пор промчались вскачь полсотни зим
И у любви седая голова, –
Стал шлягером обиденным интим,
Но в юбилей непременно вальс.
Ах, юбилей! Как же мало вас!
С благоговеньем скрипку я достал...
Она рассохлась и старинный вальс
Впервые словно шлягер прозвучал.

08. 10. 2005 г.

ИГАЛЬ ХАГАЙ

Родился в 1938 году в Киеве. Окончил политехнический институт. В Израиле с 1991 года. Публиковался в СМИ Украины и Израиля, автор книг «Прогулки под Нептуном» и «В конце дней». Руководил литературной студией при мэрии Тель-Авива.

Юле

А на детской тусовке
посиделки мамаш,
те ж совки и уловки,
тот же лепет и блажь,
пересмешки и в спешке
древнемамин ликбез,
с «язычком» вперемешку
сленг российских словес.
Над песочниц египтом
мах качелей и скрип –
кипарис с эвкалиптом
вместо кленов и лип
Но, как в сказке-подсказке,
старо-басенный стих,
чувства вечной опаски
за родимых своих.
Как похожи заботы
этих вечных аллея
на забытое фото
из прадедовских дней,
где нам «делает ручкой»,
с лаской смотрит вослед,
так похожий на внучку –
ее матери дед.

Римские каникулы

Красоты и моши мера,
 буро-каменная скрепа;
 - Аве, Рим!
 Столица мира –
 храм колонн, что держат небо.

Побряцавши на псалтыри,
 грянем в раках первосклепа:
 – Аве, Рим!
 Столица веры!

Оглядимся. Как нелепа
 арка Тита на задворках,
 раз над Городом Восторгов
 синь сионского семейства.

Вот он – ротор Колизея –
 грохот павшей Иудеи –
 память славы иудейства!

К 200-летию...

Задумайтесь, однако, вещуны,
 над тайной исторических развилоч –
 Вольтер и Бонапарт
 возвращены в столичный град
 из послесмертных ссылок,
 украсив ряд, что им принадлежит,
 затмив сравненьем века побрякушки.

А ссыльный Пушкин там же, у церквушки,
 как при царях, на псковщине лежит.

Российский миф, ходячий анекдот,
 три тыщи статуй в позах без печали,
 игрок и гаер «с пониманьем» ждет –
 когда-то срок окончится опале.

06.06.1999

В накатах волн – шуршание страниц,
 прочтение не терпит промедленья,
 сюжет иной грядет через мгновенье
 и тут же будет перевернут ниц.
 Прибой прикатит каменный балласт –
 цветные дива средиземных склонов,
 сокровища пропавших галеонов,
 и верховодный мусор – пенопласт.

Их выметет на отмель Посейдон,
 в его кладовых и без «фенек» тесно,
 и нужно только помнить час и место,
 где в полнолуние верховодит дон.

Обвенчанные древнею игрой,
 верны спокойно карме неминучей,
 кому кольцо с камнями «на случай»,
 кому-то только камешек с дырой.

Бойца награда старая найдет,
 как меч Юдифи шею Олоферна,
 и ты свое получишь, в свой черед.

Из тьмы и пены каждодневной скверны
 тyani пока свой козырь лицемерный,
 свои удачи в десять агорог.

БОРИС ХАЙКИН

Родился 22 мая 1949 года в городе Ромны, Сумской обл. (Украина). В Израиле с 1999 года. Автор семи поэтических сборников, в том числе «Линия Судьбы» и «Караван из галута» (Э.РА), вышедшие в Израиле. Публиковался в Антологии поэзии Кобринского (Израиль 2005), Альманахе поэзии №12 (США, 2005), коллективных сборниках, различных изданиях Казахстана и Израиля. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Светлой памяти любимой супруги Беллы посвящается

Табу

Ни слова о тебе, ни слова о себе...
Пусть дактиль или ямб читателя морочат.
Но только о волшебстве, но только о судьбе,
Где лакомая суть осталась между строчек.

Где юные слова стыдились естества,
Да образ или два всё ходят в постояльцах.
И обморочных снов осенняя листва
Как вешняя вода, сочилась между пальцев.

Но времени метла её не замела.
Отмыла добела чернённое когда-то.
Вернули мне назад кривые зеркала
Эфирный образ твой, увы, без адресата.

Опять, как жизнь назад, цветёт и пахнет сад,
Где старый палисад юнцами зацелован.
– Скажи, зачем тогда кружится листопад
из песен о любви, где о тебе – ни слова?

Лотос

Белый Лотос, омытый дождём,
Разметался на водной постели.
Руки грешные были у цели.
Ты ж молила: «Давай, подождём!»

Хороша и довольна собой,
Стать единственной ты не спешила.
Как цветок из семейства кувшинок.
Мне оставила горечь и боль.

По течению, гордая, ты
Унеслась, аромат источая.
И срывал я земные цветы,
Все обиды на них вымещая.

Губ раскрытых созревший бутон.
Лепестками сложились ресницы.
– Это ты, или снова мне снится
белый Лотос, омытый дождём?

ВЛАДИМИР ХАНАН

Родился 09.05.1945 в Ереване. В том же году переехал в Ленинград, где жил до переезда в Израиль в 1996 году. Окончил истфак Ленинградского Университета. До перестройки печатался в «сам»- и «тамиздате». Публиковался в сборниках и журналах России (постперестроечной), Литвы, Австрии, Германии, Великобритании, США, Франции, Югославии. Участник нескольких поэтических антологий, в частности, американской и немецкой, автор книг «Однодневный гость» (стихи), «Аура факта и неопределенный артикль». Живёт в Иерусалиме.

Зачем было кричать?

Зачем было кричать? Я говорил Акиве:
«Куда тебя несёт – там давка, толкотня,
Глядишь, ещё обчистят...» Нет, упёрся,
Хочу, мол, поглядеть на суд. Не каждый день
Увидишь Прокуратора» Конечно,
Им, молодёжи, только б пошуметь.
Нет, чтоб подумать: наше ль это дело,
Что кто-то там из дикой Галилеи
Назвался Кесарем? Тут не до шуток –
За меньшее на крест отправят. Мой закон –
От дел таких чем дальше, тем спокойней.
Да разве дураков удержишь? – Чёрта с два!
Сбежались и давай орать в сто глоток:
«Распни его! – галдят – Распни его!» – Боюсь,
Аукнутся не раз ещё нам эти крики.

29, 06, 2005

В Венеции. В Венеции прекрасной

Короче, так: у некой знатной дамы
(Из окруженья Дожа) было что-то
С каким-то лейтенантом. А супруг –
Он был военачальником – в то время
Сражался с генуэзцами на Крите
(Или на Кипре? – надо уточнить)
При этом фигурировал платок –
Не то её, не то подброшен кем-то
(В Венеции хватает интриганов)
И, в общем, там всё так переплелось,
Что не могло закончиться без крови.
Вернулся муж и нате вам – два трупа!
Хоть слухов было тьма, боюсь, что полной
правды
Нам не узнать. Ни сплетням я не верю,
Ни объяснениям официальным:
И те и эти врут. На этом умолкаю.

26, 06, 2005

После Трои

Он в наших воевал местах. Вернувшись
В Элладу, был убит своей женой.
Так написал Эсхил (назвав причиной
Мужеубийства женское коварство)
Попробуем взглянуть на этот факт
Прискорбный по иному. Как известно,
Война тянулась долго. Это важно.
Её важней её причина: что
Погнало Агамемнона с десятком
Других царей в Пергам, какая цель.
А цель была проста: вернуть домой
Блудливую супругу Менелая.

Однако, с точки зрения Клитемestры
 Причиной уважительной – чтоб годы
 Одной скучать в супружеской постели –
 Цель эта не была. Отсюда и
 Явленье соблазнителя Эгисфа.
 Дальнейшее известно: возвращенье
 Царя – и подлое его убийство.

Два слова в заключенье: Агамемнон,
 Будь он умней – вполне мог ожидать
 Чего-то в этом роде... – Не у всех ведь
 Ахейских жён терпенье Пенелопы.

01, 07, 2005

Всё хорошо – я возвратился

Всё хорошо – я возвратился.
 Всё хорошо – жена и сын дождались.
 Ночами с ней раскачиваем ложе,
 Как мой корабль раскачивали волны.
 Раскачиваем ложе – нет, не то.
 Раз двадцать обошёл я остров,
 С народом разговаривал – твердят,
 Что с нетерпеньем ждали господина.
 То ль правда, то ль неправда – всё равно.
 Простые люди с лицами простыми,
 Совсем простыми лицами – ни капли
 На *те*, на *памятные*, не похожи.
 Я с *ними* говорю – они молчат.
 Ещё раз двадцать обойду я остров,
 Ещё качаем мы с женою ложе,
 Ещё рассказываю сыну о походах,
 Но чувствую, что не смогу на месте,
 Что уплыву когда-нибудь на запад,
 Чтоб умереть у Геркулесовых Столбов

21, 07, 2005

Благословен, кто понял

Когда приехал навестить родных и встретился с
 друзьями
 Сказал: «Что более всего меня волнует:
 Когда уйду, как тот и тот и та,
 Кого мы вместе с вами хоронили,
 Вас не увижу за моим я гробом»
 Сказал ему потом один хабадник:*
 «Конечно, не увидишь, ведь в гробах
 Мы не хороним. Будет на носилках
 Лежать твоё спелёнутое тело,
 От взглядов скрытое, и будет всё равно
 Ему тогда – могильщик ли с лопатой
 Или мильён людей за ним идёт, рыдая.
 Благословен, кто это рано понял:
 И жизнь у нас, и смерть у нас другие»

09. 07. 2005

АЛЛА ХАНАНАШВИЛИ

Родилась в Москве в 1965 году. По образованию филолог. В Израиле с 1990 года. С 2000 г. занимается переводами, а в 2004 г. попробовала свои силы в жанре поэтического перевода. Переводит в основном с английского и немного с иврита.

ШЛОМО ИБН-ГВИРОЛЬ (1021/22-после 1045)

Семь небес

Семи небесам не вместить Тебя,
Они не в силах возносить Тебя.
Любому творенью дано чтить Тебя,
Оно пропадет, но вечен Твой лик.
Мой Бог, Господь, Ты безмерно велик!

О славе Твоей поют без конца,
Не смеют узреть Твоего лица
Силы и Власти в Храме Творца.
И кто посмеет, коль Ты так велик?
Мой Бог, Господь, Ты безмерно велик!

Любовь в слова как облечь сполна,
Если славить душа днем и ночью должна
Величье и Имя во все времена?
И в сердце моем свет знания велик:
Мой Бог, Господь, Ты безмерно велик!

Нет меры величию славы Твоей –
Как в Скинии Ты уместись своей?
Колеса Причин и Следствий мощней
И больше Ты, ибо могуч и велик.
Мой Бог, Господь, Ты безмерно велик!

С четырех сторон – изгнанию итог.
И Четыре Зверя – тому залог.
Лет Избавленья реки нам срок –
Агнцам, чьим горестям счет велик.
Мой Бог, Господь, Ты безмерно велик!

АЛЬФРЕД ХАУСМЕН (1859-1936)

На ярмарку в Ладлоу сотнями сходятся парни,
Из кузниц и с мельниц, оставив овин и стада.
Милы им девицы, милы им попойки и псарни,
Но части состариться не суждено никогда.

Из сел, городов и с полей повалили гурьбою,
Немало надежных и храбрых меж ними там есть,
И много пригожих и статных, и добрых душою,
И мало, кто в гроб унесет свою юность и честь.

Хотел бы их я опознать по невидимым знакам –
Счастливых ребят, что уже не узрит этот град.
Удач пожелать незадачливым юным воякам –
В путь парни уходят и не возвратятся назад.

Но сколь ни гляди, их узнать и окликнуть не вправе.
Вернут незатёртой людскую монету туда,
Где ждет их создатель – парней, что погибнут во славе,
Которым состариться не суждено никогда.

Когда я был в тебя влюблѐн,
Отважен был и чист.
Был каждый встречный удивлѐн,
Какой я альтруист.

Но сердце больше не горит
Любовью неземной.
И каждый встречный говорит –
Я стал самим собой.

**УИЛЬЯМ УИЛЬФРЕД КЭМПБЕЛЛ
(1858?-1918)**

Маниту

(Остров Маниту на оз. Гурон)*

В трепете брызг и в шуме Гурона,
В сини озёрной, стремясь в высоту,
Отделѐнный от мира туманов короной,
Далѐкий от страсти, гнева и стона
Остров скалистый стоит, Маниту.

Где омывает пещеры седые
Великого озера грозный прибой,
О берега разбиваясь крутые,
Спрятан храм Маниту за туманы густые,
Он услан лесом, укрыт синевой.

Зубцы скалистых иссушенных кражей
Ущелья хранят сколь длятся века,
Никто не стремится пройти мимо стражей,
Разведать пароль не пытается вражий –
Их губы немые, неподвижна рука.

Лишь бог светила над ними годами,
Огненным следом встречает весну.
Лишь птицы парят, гонимы ветрами,
Клочки облаков покрывают крылами
Всю безымянную эту страну.

Века миновали и канули в Лету,
Здесь остров стоит – одинокий приют.
Туман от земли поднимается к свету,
К звездам стремясь, но гонимый к рассвету,
Шепчут леса, берега поют.

Вдали от мира, страстей мимолѐтных,
Шлют берега друг другу привет,
Средь звѐзд безмолвных и полдней дремотных
Где скорбь – лишь биенье приборов свободных
И трепет безумного озера вслед.

** Божество североамериканских индейцев*

**РОБЕРТ УИЛЬЯМ СЕРВИС
(1874-1958)**

Смерть и жизнь

На кладбище в любви слились
Мы с Мэй во тьме крошечной
И на могиле предались
Утехам страсти грешной.
Женитьбы нашей близок час –
Бранить нас нет причины...
Запретный слаще нам экстаз,
Чем брачные перины.

Средь страстных вздохов и утех,
 Прильнув к губам губами,
 Не мог не думать я о тех,
 Кто мирно спит под нами.
 Бедняги! Долг вас чтить велит,
 Нам ваша милость – в радость.
 Надеемся, не возмутит,
 Вас, мертвых, жизни сладость.

Когда уйду я в мир иной,
 В могилу землю бросят,
 Пусть часто клятвы надо мной
 Влюбленные приносят.
 Обет услышав, я сердит
 На них не буду верно –
 Любовь жизнь новую родит –
 Я рад тому безмерно.

ГЕЛИЙ ХЕЙФЕЦ

Родился в Ленинграде в 1929 году, пережил блокадную зиму 41-42 гг. 3,5 года воспитывался в детском доме. Окончил два средних и одно высшее учебное заведение. В Израиле с 1999 года. До отъезда, в этом же году издал первый томик своих стихов «Близким, друзьям, коллегам». Живет В Беэр-Шеве. Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007».

Солдатка

В автобус девчонка садится.
 Глазища – как зёрна агата.
 Рюкзак на верзилу сгодится,
 До попы ремень с автоматом.
 Росточком она крохотуля
 И вид совершенно не грозный.
 Но где автомат, там и пуля,
 И всё это очень серьёзно.

Я предков желаниям внемлю,
 Хоть странны такие порядки.
 Как надо любить свою землю,
 Чтоб были такие солдатки.

93. Тель-Авив – Хайфа

С годами сердце повзрослело
 и реагирует подчас
 на все события умело –
 без лишних слёз, без лишних фраз.

НАТАЛЬЯ ХЕЙФЕЦ

Родилась в 1954 г. в г. Сталино, ныне Донецк, Украина. Профессиональное образование получила в музыкальном училище в г. Кировограде. Работала учительницей в музыкальной школе и в школе искусств в г. Александрия. Репатрировалась в Израиль в 2001г. Живет в г. Хайфа. Член литературного объединения «Кармель»

Гаданье

Вот возьму и устрою гаданье:
В зеркала окунусь, как в море.
Или картам задам вопросы
Обо всем, что было и будет.

Но тиха вода в зазеркалье.
Но молчат короли и дамы.
Лишь валеты сошлись в сторонке
И хихикают меж собою.

Я спрошу у Ветра с Водой,
Я спрошу у Земли и Солнца.
Может быть, хоть они ответят,
Что же сбудется надо мною.

И сказал мне гуляка Ветер:
«Будет гость у тебя. Готовься.
Он, как я: только был, и нету.
Так что очень-то не надейся».

И сказала Вода морская:
«Растворишься в объятьях нежных.
Только помни – прилив недолог,
На рассвете волна отхлынет».

И сказала Земля-царица:
«Срок цветенью и плодоношенью.
Но придет и срок расставанья,
Увяданью открыв дорогу».

И сказало ясное Солнце:
«Жар страстей не вечен, не скрою.
Но ведь я не только сжигаю,
А еще и свечу, и грею».

Вот теперь я вся в ожиданье:
Где же гость мой, вольный, как ветер,
Что придет и цвести заставит
Перед самой порой увяданья.

И объятья его – как волны,
И палит его страсть – как солнце.
Или, может, у этой сказки
Толкованье совсем иное?

Не сама ли волной морскою
Обниму, прижму, приласкаю?
Не сама ли утренним солнцем
Обогрею и уврачую?

Не гляжу на дам с королями.
Не дружу теперь с зеркалами.
Может быть, ничего не случится,
Но пророс во мне страх – отразиться.

Ночной звонок

Голос в трубке звучит, голос тает вдали.
И манит, и зовет: «Натали! Натали!»
Он шуршит и лепечет. И кажется мне,
Что паук, ухмыляясь, прядет в тишине.

На груди паутина свивается в ком.
 Ночь нема, одиночеством полнится дом.
 И постель без него, как сугроб, холодна.
 И для слез моих время – колодец без дна.

Мысли мчатся в смятенье, уздечки порвав,
 И невинный – виновен, и правый – не прав.
 Сладким ядом наполнен тот голос вдали.
 И журчит, и зовет: «Натали! Натали!»

ИННА ЦИВИНА

Родилась в 1936 году в Ленинграде. Окончила Ленинградский станкостроительный техникум. Многие годы была членом Ленинградского клуба сатиры и юмора. Печаталась в местной газете «Смена». В Израиле с 1992 года. Автор сборника стихов «Мозаика» публиковалась в СМИ Израиля, Германии и США. Живет в Беэр-Шеве.

Осень

Салат из листьев золотых
 Приправлен утренним туманом
 И кажется почти обманом
 На блюдах серо-голубых.

Зима

Мороз впаял хрусталь в песок,
 А солнце высветило грани
 Оставшейся зимы кусок
 Хрустит под нашими ногами.

ЛЮДМИЛА ЧЕБОТАРЕВА

*(в сети известна также под никами
 Люче и Федерика)*

Родилась 31 декабря в Воронеже. С 1993 г. живет в Израиле, в г. Нацерет Иллит. Поэт, прозаик, переводчик с английского, испанского и иврита, автор и исполнитель песен, член Союза писателей Израиля. Стихи и песни пишет с детства. В 1981-82 гг. стала лауреатом молодежных литературных конкурсов «Солнечные кларнеты» (Украина) как поэт и переводчик. В Израиле публиковалась в периодических изданиях, в альманахах «Галилея», «Роза Ветров» (признана лучшей в номинации «Успешный дебют»). Выпустила книгу стихов «Четыре времени души».

Из цикла «Вечные женщины»

Жена Лота

Покидая пределы ада,
 Одолев миллион преград,
 Я твердила себе: не надо!
 Не оглядывайся назад!

Уходя, обруби канаты
 И сожги за собой мосты.
 Засыпает затихший кратер
 Под назойливый вой пустынь.

Я внушала себе: не струшу,
 Я покину без слез юдоль.
 Только соль разъедает душу,
 Да из глаз вытекает соль.

А ладони влажны от пота,
 Дом, сквозь дым, различим с трудом.
 Застываю женою Лота,
 Оглянувшись на бывший дом.

Кариатида

Я в замке из песка служу кариатидой,
Пытаясь удержать чужой надежды свод.
Былые страсти, сны, нелепые обиды –
Вот то, что мне века покоя не дает.

А видеть довелось не только мелодрамы –
Трагедии любви, шекспировским под стать!
Безжалостно песком шлифуют хрупкий мрамор,
Чтоб блеска, красоты и прочности придать.

И вот стою. Держу. Я, вроде, беспристрастна,
Но душу обвила тугим кольцом тоска –
Быть может, оттого, что все уже напрасно:
Ведь замка больше нет – есть только горсть песка.

Пандора

*Когда Пандора открыла сосуд, врученный ей богами,
в который были заключены все людские пороки и несчастья,
по земле расплозились болезни и бедствия. Только надежда
осталась на дне сосуда. Но Пандора испугалась содеянного
и ахлопнула крышку...*

Так люди были лишены даже надежды на лучшую жизнь.

Зачем с тобой нас сделали врагами
Слепые звезды на дороге млечной?
Одаренная щедрыми богами
И проклятая ими же навечно,

Я, будто настоящая Пандора,
Сорву печать на золотом сосуде –
И расплзутся по Земле раздоры,
Болезни, беды – в наказание людям.

Потом я в клочья изорву одежды
И притворюсь глухою и незрячей.
Но не людей лишаю я надежды –
Я от себя свою надежду прячу.

Взрослая Герда

...А зеркало падало, словно в замедленной съемке.
И кадр замирал, будто время давал на раздумье...
Но я цепенела безвольной спеленутой мумией,
И сердце пронзали мне злые осколки-обломки.

А мы это зеркало вместе с тобой покупали
И в доме ему выбирали достойное место.
Оркестр сыграл наш финал furioso и presto,
И с нотой последней твои отраженья пропали.

А тролль, чей случайный каприз нашу жизнь исковеркал,
Злорадно хихикал – он знал эту сказку заранее,
А значит, предвидел бесплодность и тщетность стараний.
Колочими звездами медленно падало зеркало...

И было нельзя ничего изменить и исправить,
Но в сны вдруг врывались однажды забытые лица...
О Боже, как долго мгновенье падения длится!
Так, может быть, все же успею я руки подставить?!

АНДРЕЙ ЧЕРЕПОВ

Живет в Ришон ле Ционе. В настоящее время служит в рядах ЦАХАЛ. Автор книги стихотворений «Внутри себя» (Э.РА, 2006). Участник альманахов «Год поэзии. Израиль-2006» и «Год поэзии. Израиль-2007» (Э.РА).

Долго звал меня во сне
Кто-то, на тебя похожий.
Я же, как простой прохожий,
Думал: это не ко мне.

Думал: это просто дождь,
Или клёнов тихий шелест,
Или это просто тени
Слов, нанизанных на нож.

Когда на улице морозит, я сверху шапкой накрываюсь
И кости плеч моих широких прилежно греет ткань фуфайки.
Я рассекаю хрупкий воздух своим в мехах погрязшим телом
И валенки дорогу плющат, покрытую глубоким снегом.
Когда на улице не хладно, то я бесстыдно обнажаюсь:
Хожу я в шортах и футболке, нахально бороду топорща.
Я в море плаваю свободно, в том, что у ног твоих мурлыча,
Лежит, мягкой волной укрывшись, и по ночам вздыхает тяжко.
Когда ж на улице дождливо и ветер оземь птиц швыряет,
Сию я, плесенью покрывшись, и думаю о чём-то старом.

Лучше я пойду домой;
Деревя в лесу замёрзли,
Скучно, холодно зимой
Без огня живого возле.
Льдом покрылись сосны ног,
Ивы рук украсил иней,
Сердце бьётся о порог
Предрассветной дали синей.
В пустоте крошечных толп
И ненужных обещаний
Мой заснеженный чертог
Вьюги колыбель качает.

ОЛЕГ ЧИМКЕНТСКИЙ

Родился в 1957 году в Чимкенте Казахской ССР. Жил в Литве, Белоруссии. По специальности – техник-механик. Работал и инженером, и слесарем. Писать начал в Москве, после полученной травмы руки. Публиковался в казахстанской прессе, издано 5 сборников стихов (в Москве и в Израиле), пишет музыку к своим стихам и к стихам других авторов. Выпустил два диска. Живет в Бат-Яме.

Я Богу строю храм...

Я Богу строю храм в душе своей
(Кирпич к кирпичику кладу на стены).
Быть может, простоит он много дней,
А может быть, развалится мгновенно.
Грехи в раствор из слез и добрых слов,
Мечты – под купол, совесть – на опоры.
Не слышит Бог мой звон колоколов,
Ни крик муллы, ни восхваленье Торы.

Я Богу строю храм в душе своей.
 Как все... один-единственный на свете.
 Я верю, добродетели моей
 Грехи мои земные – перевесить.

Бренность

Светится Луна головкой сыра,
 Звездочки лампадками горят.
 Ощушаю первозданность мира.
 Сверху рай, а где-то снизу ад.

Может статься, звезды – это души!
 Светят, охраняя наш покой.
 Наших душ свечение нарушит
 Лучик солнца с утренней зарей.

Как обычно утренней порою
 Растворятся звезды и Луна;
 Спрячутся за дальнюю горою,
 Отдохнут немного дотемна.

Зябким утром город полусонный
 Постепенно снова оживет.
 Неужели этот мир огромный –
 Для меня когда-нибудь умрет!

Сын степей

Девятый день ломает ветер
 Хребты могучих тополей.
 Косой подхлестывает плетью
 Каскады солнечных лучей.

В борьбе с агрессией жестокой
 Деревья гнутся, верещат.
 Шакпак, напыжив злобно щеки,
 С пути сметает все подряд.

Срывает крыши и антенны,
 Гуляет в парке среди аллей;
 С фонтанов, включенною пеной,
 Плюет в прохожих – лиходея.

Шакпак на розовой ракете
 Умчался прочь. В груди моей
 Бушует тот же дерзкий ветер,
 Ведь, как и он, я – сын степей.

Земля обетованная

Израиль – страна молодая и ветхая,
 Ей статус особый начертан историей,
 Где светская явь и религия предков,
 Где мир и война меж собой в вечном споре.

И к райским воротам, и в преисподнюю
 Отсюда прямая дорога ведет.
 К печальной стене и к гробу господнему
 Из разных краев приезжает народ.

Под толщей песка весом в тысячелетия
 Джин в лампе томится в пустыне унылой.
 Страна синагог, церквей и мечетей,
 Бог любит тебя – он дает тебе силы!

Бат-Ям, 1996 г.

Странник

Октябрьское утро – здесь осень, как лето.
 Под пальмой сажу и курю сигарету.
 Гляжу я на берег пустынный, немой,
 Дышу никотином и влагой морской.
 На море смотрю – там в лазурной дали
 На рейде угрюмо стоят корабли.
 Старинная Яффа по берегу слева
 Взирает с холма целомудренной девой.
 Там храм христианский глядит в небеса,
 В нем Петр-апостол творит чудеса.
 А справа – повдоль – выступают чванливо
 Громадные призмы домов Тель-Авива:
 Отели, посольства, кафе, рестораны...
 В них праздные люди, туристы, путаны.
 Я будто на стыке двух разных эпох,
 Как странник босой на развилке дорог.
 Что делать, не знаю... С собою я спорю:
 Назад повернуть? Впереди только море.
 Но Бог дал мне крылья, чтоб мог я, как птица,
 Взлететь в облака и над миром кружиться!

Бат-Ям, 1996 г

МАРК ШАБАШКЕВИЧ

Родился в 1935 г. в Одессе, но жил там всего 6 лет до начала войны, потом помотался по тылам СССР и осел в латвийском городе Лиепая, куда мой отец после фронта был послан на работу на единственный в то время в Союзе линолеумный завод. В Лиепе я прожил до самой репатриации в ноябре 1989 г. с перерывом на учёбу в Таллинском Политехническом институте, который закончил, как инженер-механик по судовым силовым установкам. По распределению вернулся в Лиепая на судоремонтный завод, женился, 2 дочери, 3 внука. Работу менял, но жену нет. Стихи начал писать ещё в школе, примитивные, конечно. Постепенно они приняли более приемлемый вид. Большая их часть написана здесь, в Израиле. Работал почти по специальности. Сейчас на пенсии, хотя и работаю четыре часа в матнасе на должности «ав байт» (завхоз).

В карту впившись взором
 Ты с трудом найдёшь
 Ту страну в которой
 Много лет живёшь.

Длинным своим боком,
 Краешком земли
 К морю на востоке
 Прилепился клин.

Угол в море Красном
 В город вбит Эйлат.
 Там купаться классно
 И отели в ряд.

Там всё дно в кораллах
 Ёлкой горит.
 Там на скалах алых
 Золото зари.

Ёлкою горит.
Там на скалах алых
Золото зари.
Где не жизнь, а сказка,
Сказка наяву.
Где по морю с маской
Я меж рыб плыву.

А из клиньев разных
В мире он один.
Маленький, прекрасный,
Богом данный клин.

Июнь, 2003 г.

Мне сегодня приснилось, что я маленький мальчик.
На Приморском бульваре мы гуляем с отцом.
Между клумбами прыгает солнечный зайчик
И лучи золотые согревают лицо.

Вот я маленький мальчик. На большом пароходе
Мы плывём в Мариуполь. Мы от немцев бежим.
А над нами из облака «Юнкерс» заходит
И от выстрелов палуба мелко дрожит.

Вот я маленький мальчик. И я вечно голоден.
И уж очень мне хочется сытно поесть.
Но война никого стороной не обходит.
И обид и опасностей детских не счесть.

Вот я маленький мальчик. И в мечтах постоянно
Я на фронт собираюсь, я хочу воевать.
У меня под подушкой пистолет деревянный,
Что нашёл я недавно и припрятал в кровать.

Вот я маленький мальчик. Мной, спасённый от бедствий,
Целлулоидный мишка одеялом укрыт.
Это всё, что я вывез из счастливого детства,
Из войною разбитой довоенной поры.

И во сне лишь осталось то далёкое детство.
Сколько было находок, сколько было потерь!
А вернуть это время? – Нет волшебного средства.
Был я маленький мальчик, стал я дедом теперь.

Декабрь, 2001 г.

Эвкалипты – как берёзы,
Только листья чуть длиннее,
Только чуть темнее слёзы,
Только ствол чуть-чуть полнее.

И растут они не в рощах
Под Москвой или в Рязани,
А на наших землях тощих,
На холмах Прииорданья.

И не зря качал их ветер,
Не впустую беззаботно.
Он помог деревьям этим
В Хуле осушить болота.

А теперь, уж на покое,
Сделав сад из мест убогих,
Шелестят своей листвою
Эвкалипты у дороги.

Июнь 1999 г.

СЕВЕРИНА ШКОЛЬНИКОВА

Родилась в Сибири. Образование агрономическое и техническое. Кандидат технических наук. Детский писатель. На Урале, в Челябинске, была издателем и главным редактором детского литературно-познавательного журнала «Тропинка» с 1996 по 2000 г., а также автором стихов, сказок, загадок и исторических очерков в этом журнале. В России вышло несколько книжек ее произведений для детей. В Израиле с 2000 года. Публикуется в литературных альманахах «Хронометр», «Галилея» и др., в местной прессе. Член литобъединений «Кармель», «Анахну», г. Хайфа. E-mail: printerr@012.net.il

ТРАВЫ, ДЕРЕВЬЯ, ЛЮДИ

Чужая тайна

Хранят деревья русла бывших улиц.
Щемяще детством пахнут пустыри.
И грузный тополь, старчески сутулясь,
Хранит святую тайну – «М + Ри...»

Та надпись поразила, словно током,
Та формула всерьез лишила сна.
И притаился ряд барачных окон...
Чужая тайна... Как сладка она!

В углах шептались милые подруги:
Кто б эту тайну разгадать сумел?
Кто «Ри» – понятно, «Ри» одна в округе.
Но – Мишка, Марк, Махмут и Микаэл...

Ох, любознательности жребий тяжкий...
Ну, как умирить любопытства пыл?
«Дурак ты!» – Микаэл сказал Наташке,
А Мишка Нинку толстую побил.

А «Ри» ходила, глаз не опускала.
И как, скажите, это понимать?
Володька из соседнего квартала
Ей стал в кино билеты покупать.

А надпись, и наверно, не случайно,
Белела, не хотела заплывать.
И значит, в мире есть такие тайны,
Которые не надо открывать.

Шумят деревья в руслах бывших улиц,
Польнно детством пахнут пустыри,
И грузный тополь, старчески сутулясь,
Хранит святую тайну – «М+Ри»

Чернобыльник

Чернобыльник, чернобыльник,
Черноногая польнь!
Над тобой и надо мною
Невозможная теплынь.
Солнце ярко, небо сине,
Лист чеканный у лица,
На губах моих польни
Небольшая горчица...
Значит, вот что напророчил
Мне зимою Дед Мороз –
Чернобыльника листочком
На окне моем пророс! –
Нет, не веткой Палестины
Звал меня в библейский рай,
А послал меня в польнный
Дорогой и милый край.
Чтоб впитала я отныне
Эту синь и эту высь,
Запах скошенной польни –
На оставшуюся жизнь.

Чтоб в грядущей круговерти
 Мне в душе их не избыть,
 И в краю далеких предков
Край родивший не забыть.
 Чернобыльник, чернобыльник,
 Черноногая полынь
 Над тобой и надо мною
 Солнца ласка, неба синь...

Пижма

На полустанке-остановке
 Курьерский поезд дважды в день
 Летел вперед без остановки,
 На нас отбрасывая тень.
 Какая сила – непостижно –
 Меня к курьерскому влекла!
 И в струнку вытянувшись, пижма
 Со мною поезда ждала.
 Он налетал гремящим валом,
 И мчался, застывая свет,
 Она металась, трепетала,
 Головками качала вслед.
 А я стояла неподвижно,
 Придерживая прядь волос.
 Сердечко билось, словно пижма,
 И вслед за поездом рвалось.
 В пространстве путь наш не угадан...
 Мой поезд весело летит.
 Наш переезд ловлю я взглядом.
 А там девушка с пижмой рядом
 В платочке бьющемся стоит...

Накидка

В узоре тонком кружевницы
 Я угадала сушеницы
 Воздушный, звездочкой, цветок,
 Сухой и тонкий стебелек,
 Листочков узкие полоски...
 Они так нежно, негромоздко
 Легли легко и озорно
 В плетеных кружев полотно.
 На деревенской посидушке
 В ткань подвенечной накидушки
 С любовью легкие коклюшки
 Вплетали нитью в перекрест
 Рисунок травки здешних мест –
 Вплетали тайные надежды
 В свои венчальные одежды,
 Чтоб сушеница – присушила,
 Чтоб все наветы отвела,
Чтоб никакая в мире сила
 Не отняла, не развела...

ГРИГОРИЙ ШМУЛЕНСОН (ГАШ)

одился в 1937 г. в Минске. В Израиле с 1992 г. Его книги изданы в Украине, Белоруссии и России. Печатается во многих изданиях стран СНГ, Израиля, Германии и Америки. Автор десяти сатирических книг. Наиболее известна «Приколы сионских мудрецов». Помимо Израиля, выступает в Америке, Германии и России. Победитель большого конкурса эпиграмм российского телевидения в 1993 году. Последнее время работает в новом литературном жанре афоризма-двустушия. Критика называет его пионером этого жанра.

Обращение к евреям СНГ

Приезжайте к нам скорее.
 Вся страна – ваш отчий дом.
 Только климат и евреи
 Переносятся с трудом.

В Министерстве внутренних дел

Чтоб здесь гражданство получить
 (А посторонним вход заказан),
 Поэтом можешь ты не быть,
 А вот евреем быть обязан!

Я спокоен

Хоть нас непрерывно трясёт
 Непокойное время шальное,
 Я знаю, есть в Греции всё,
 А в Израиле – всё остальное!

Закон сохранения евреев

Есть в мире еврейский закон сохранения.
 Он действует в каждой отдельной стране:
 Убавятся где-то в числе населения,
 Прибавятся сразу в другой стороне.

Начало поэмы из жизни новых репатриантов

Летит в самолете на встречу с судьбой
 Вскормленный свиной оле молодой....

Телеграмма из Израиля

Антисемитам всех мастей.
 Я наконец –
 Не ваш еврей!

Неожиданность

Приехал в поисках корней
 Сюда как идиот.
 Еврей и в Африке еврей,
 Хотя совсем не тот.

Как ругаются в Израиле

Здесь ругань, что ни говорите,
 Диапазон имеет узкий.
 Есть смесь высокого иврита
 С необычайно низким русским.

(*высокий иврит – литературный иврит,
 израильское выражение – прим. редактора)

Простое объяснение

Взять турка, шведа или эскимоса –
 Не видят дальше собственного носа.
 Гораздо прозорливее еврей –
 Нос у него значительно длинней.

Наши корни

В Израиле аборигены,
 Когда-то были Бори, Гены.
 Теперь они, еврейства ради,
 Все сплошь Барухи или Гади.

Олимам 60 +

Совет проверенный хотите?
 Необходимо взять в расчёт.
 Письмо любое на иврите –
 Внизу есть сумма – это счёт!

Не верю!

Не хочется мне в поговорку верить.
 Её для нас придумал гой.
 Пока мы семь раз будем мерить,
 Отрежет кто-нибудь другой.

Ошибка на порядок

Святая встретила земля.
 Готов был всё начать с нуля.
 Иной порядок первых дней:
 Пришлось начать мне с двух нулей.

И пророки ошибаются

Ошибку сделал Моисей,
 Хотя и мудрый был еврей.
 Мне если б выбор предоставил –
 В Египте многих бы оставил.

Мы поступаем иногда,
 Как пишем – задом наперёд.
 Осталось выяснить, КУДА
 Мы Б-гом избранный народ.

На стройках сионизма

На строительствах страны
 Механизмы не нужны.
 Сто арабов, два еврея –
 И дешевле, и быстрее.

Особенности менталитета

Еврей любую вещь продаст,
 Стремясь в цене тебя нагреть.
 Еврей еврею жить не даст,
 Но не позволит умереть.

Обрели свободу

– У каждого своя свобода, –
 Сказал знакомый мой, Абрам.
 – Я сын избитого народа,
 Теперь любому в морду дам!

МИХАИЛ ЮРКОВЕЦКИЙ

Родился в 1964 году в Одессе. Психолог. В Израиле с 1990 года. Печатал стихи и прозу в периодике и альманахах. Автор сборника «Дом без крыши». Живет в Беэр-Шеве.

Горе,
Город...
Береника,
Тит,
Изданные камни...
Город сходится в подрамник,
Горд выдавлен
Из мига...
Рвётся пламя,
Будто грим;
Храм,
Дымящийся боками;
И дрожит
Великий Рим,
Высекая это пламя.
Он в экстазе пляшет –
Рим! –
Топают.
Не ходи в Иерусалим, –
Стоп, поэт!
Ты любил,
Холодный Тит,
Гладко
Бритый,
Что в глаза
Тебе
Молчит
Береника...

2000-2003

Молдаванка

Молдаванка – это дворик.
Это – длинный виноградник.
У забора – палисадник
И в заборе жёлтом лаз.
Молдаванка – это осень,
Где дворами ветер носит
Рифмы, строчки и аккорды,
Новоросский пересказ.

Молдаванка – это Бабель
Здесь Еврейская больница,
Рыжий Эдуард Багрицкий,
Старый катер, узкий мол.
Молдаванка часто снится,
Словно бронзовая птица,
Конь копыта робко ставит,
На земле бульжный пол.

...Старая, как мир, биндюга,
По бульжнику стучит.
А «ревун» вскочил с испуга
И кричит,
кричит,
кричит...

Прощание с Одессой

Вот и трамвай уходит, мне пора
Прощаться с детством, городом и домом,
Расстаться с другом, садиком знакомым,
Скамейками у школьного двора.

Продали мебель, опустел наш дом:
Высокий потолок, резные окна,
Бельё забыто, под дождём промокло,
Сейчас морщит и сушится теплом,
И парусом белеет за окном.

«Давай пропустим старенький трамвай» –
Прошу судьбу – «Пускай другой приходит».
Судьба шепнула: «Миша, осень бродит,
Так не тяни и, с богом, поезжай!»!

Ярмарка

Вереницы, вереницы, –
Ярмарка и крик возниц.
Мне к тебе не возвратиться,
Мне тебя не вернуть.
Самовар пузатый медный:
Облаками пар летит...
Тот богатый, этот – бедный,-
Воздух холодом прошит.
Я беру цветы и льдины
И даю тебе, бери!
Улицы качают спины,-
Пешеходные ряды...
Ярмарка ... И розы – губы
Обжигает пирожок.
И ворон пугает грубо
В стаю брошенный снежок...
Разукрашен день морозом,
Сквер юлит, хвала Юле!
Жаль, цыгане прячут розы
Запотевшие в стекле.

ВИКА ЮНУС

Родилась в Харькове, работала учительницей. В Израиле, в Беэр-Шеве продолжила. Жизнь Вики оборвалась очень рано, в 32 года. Вика была талантлива во всем: не только в творчестве но и в общении; она всегда была душой компании. После нее остались стихи, песни, память друзей и близких...

Солнечный луч попадает впросак,
Точку поставив в рассказе про осень.
Длинным тире между тучами просинь,
И многоточием дождь так-так-так...

Высохший лист – вопросительный знак –
Ищет в последней дороге ответы:
Где всё же спрячется осенью лето?
И почему умирает он так?

Глянь, покатились слеза запятой,
Месяц повис незакрытою скобкой,
Высохший день, невесомый и робкий,
Скрылся неслышно в дали золотой.

И двоеточьем напротив глаза,
В них –восклицательный знак дикой боли.
Так и живём мы в кавычках неволи
В вечном стремлении вырваться за...

Отображеньем странных снов
На крыши желтые домов,
Как желтый снег, летел песок,
И, падая, не таял в срок.
От жажды изнывал Восток,
Весь желтый, как из манго сок,
Он сам себя спасал как мог,
А сверху это видел Бог.

Две капли желтого дождя
 Послал Он в душный мир шутя,
 И, ожиданью вопреки,
 Как струи желтые реки
 Течет с небес наискосок
 Песок, песок, песок, песок...

*Погибшим 1 июня 2001 года возле
 Дельфинариума посвящается*

А что смерть – это злая старуха с косой,
 Оказалось, то – ложь.
 Молодая девчонка. Кулончик слезой.
 Брюки модные клёш.
 На бретелечках тоненьких маечка-топ.
 Маникюр. Макияж.
 И любимая музыка – рэп или поп,
 То ли дурь, то ли блажь.

А что смерть – это злая старуха с косой,
 Оказалось, то – ложь.
 Молодой паренёк в тёмной майке простой,
 Надпись – не разберёшь.
 Шорты ниже колен. Золочёная цепь.
 Стрижка ёжиком. Гель.
 И любимая музыка – поп или рэп.
 То ли так, то ли цель.

Предпочтение танцам отдав, не войне,
 Смерть сменила маршрут.
 Нынче молодость даже у смерти в цене,
 Старики подождут.

Не насладились мы зимой,
 Хоть намекал не раз нам ветер,
 Когда, врываясь к нам домой,
 Толкал друг к другу на рассвете.

Мы проворонили весну.
 А нас предупреждали птицы,
 Что, в солнечных лучах блеснув,
 День должен был вот-вот разбиться.

Не разглядели лета мы
 За невесомостью туманов,
 На грани неба и земли
 Скрывавших наши же обманы.

Желтел и таял от тоски
 Наш календарь, забытый нами.
 И облетевшие листки
 Шурали тихо под ногами.

Когда усталость навалилась – оглянись,
 Ведь всё, что пройдено тобой – ещё не жизнь.
 И сотая ошибка – не урок,
 А годы – это возраст, а не срок.

Страдал – ещё не значит: твой удел.
 Пытался петь – не значит: что-то спел.
 Массовка – это так, ещё не роль.
 А принц он кто, он принц, а не король.

Любовь – не первый, не последний раз,
 А «нет» в ответ – не значит: дан отказ.
 Вот лестница... Она и вверх и вниз.
 А ветер – может, шторм, а может, бриз.

Вот камень на развилке – выбор дан.
И «вымысел ещё не есть обман».
А жить – совсем не значит: крест нести.
Прийти к ответу – не конец пути.

Баю-баю, спите, дети.
Папа бродит в интернете.
Вы немного подрастёте,
С папой в сайт гулять пойдёте.
Баю-бай, не спят лишь чаты,
Папу просят: «Отвечай ты»,
Ищет папочка ответа
В лабиринтах интернета.
Баю-бай, наш папа очень
Виртуально озабочен.
Я от этого устала,
На имэйл его послала.
Баю-баю, вот расплата:
Из порталов нет возврата.
Вы немного подрастёте,
Папу в сайт искать пойдёте.

Я прорасту в тебе зерном разлуки.
И ты мой вкус запомнишь – вкус полыни.
Выращивай меня не по науке,
Чтоб дождь не смыл, когда он вдруг нахлынет.

Я прорасту в тебе зерном надежды,
И ты мой цвет запомнишь – цвет покоя.
Ты сразу не срывай с меня одежды,
А вдруг замёрзну под твоей рукою.

Я прорасту в тебе зерном тревоги,
Когда меня улыбкой грустной встретишь.
Но я боюсь, что это шутят боги.
А вдруг меня в себе ты не заметишь.

ИРИНА ЯВЧУНОВСКАЯ

Ирина Явчуновская – член союза писателей Израиля, филолог, преподаватель английского языка. В Израиле с 1993 года. Печаталась в журналах «Юг», «Алия» Израиль, «У» Москва и др. Перевела на английский и иврит стихи шестилетней узницы гетто – ныне поэта Аллы Айзеншарф, сочиненные на Украине в годы фашистской оккупации. Книга этих стихов «Голос из бездны» (2007г.) издана на четырех языках при поддержке Международной Академии Науки и Искусства (Калифорния) и отправлена в ООН. Ирина - участник антологии «Звездный Ковчег» Израиль, 2007г., Автор сборника стихов и переводов «Пестрый мир» и иллюстрированной детской книжки «Мир вверх тормашками», изданных издательским содружеством Э.РА, Тель-Авив - Москва, 2005, 2007г. Участник коллекции «Год поэзии. Израиль- 2006» и «Год поэзии Израиль-2007». Ее стихи, переводы и электронные книжки можно прочитать на сайтах:
<http://jerusalem-korczechhome.com>;
<http://www.starkovcheg.com>
<http://www.detki-74.ru>;
<http://iras-israel.tripod.com/israel/profiles/Irene-Yavchunovsky.html>;
<http://www.odessapage.com>

Девочка на шаре

У картины Пикассо

Узнает любой картину –
Могуч, как скала на вид,
Широкую выпрямив спину,
На камне атлет сидит.
На шаре, в дымчато-синем,
Покачиваясь слегка,
Девочка балансирует,
Хрупка, нежна и легка.
Она будто мне знакома,
Я тоже за годом год

Ступаю по самой кромке,
Над бездной мой поворот.
Я тоже машу руками,
За воздух едва держусь.
Я тоже ищу тот камень,
К которому прислонюсь.

А шар так огромен и вечен,
А бездна под ним велика,
Путь долог, но не бесконечен,

А вдруг соскользнет нога.
Кому невдомек, тем завидно,
Что ноша моя легка,
Ведь с виду я не солидна,
А смотрят издали.

Над бездной свой груз несу я,
И, спрятав от взглядов груз,
Скажу: – Я всегда танцую
На шарике. И улыбнусь.

Булату Окуджаве из 21 века

*Сладкое время, глядишь, обернется копейкою:
Кровью и порохом тянет от близких границ
Смуглая сабра с оружием, с тонкою шейкою
Юной хозяйкой глядит из-под черных ресниц.
Булат Окуджав «Хозяюшка», Израиль, 1995г.*

До чего в этом мире перемены обманчивы,
Только форма другая у наших солдат.
Новый век, но опять нашим девочкам, мальчикам
Машем вслед. Говорим: «Возвращайтесь назад».

Вы опять в карауле и от пули не прячетесь.
И опять ваши мамы поздней ночью не спят.
Вы ловили за партами солнечных зайчиков,
А сегодня под солнцем разорвался снаряд.

До чего в этом мире перемены обманчивы,
Только песни другие у наших ребят.
Вновь страна доверяется девочкам, мальчикам.
Повторяем опять: «Возвращайтесь назад».

Памяти солдат, погибших в Ливанской войне 2006 г.

Мяч футбольный и парга,
Звон гитары, походы,
Но разыграна карта,
И вы стали пехотой.

Но повестка в конверте
Все решила так скоро –
Время жизни отмерьте
На ливанских просторах.

Изогнулись лианы
В дивных парках Ливана,
Кровь струится из раны,
В сочных травах Ливана.

Мир кричит: «Вы убийцы
С берегов Иордана».
Ваши детские лица
Смотрят с телеэкрана.

Взгляд живой, безмятежный,
Но молчите, ни слова.
Немы и безутешны
Ваши мамы и вдовы.

Снова птицы летают
У реки, у Литани.
Время след не сметает...
Кровь застыла в Ливане.

ГРИГОРИЙ ЯРОК (Константин Гриншпун)

Библиография: «Стриптиз души» («Кама», 1993 г.), «Бессонница – святое время суток» («Кама», 1994 г.), «Параллельные миры» (1994-2005 гг.), частично в сети, частично в столе». Автор книги рассказов «Линия жизни» (Э.РА, 2007).
Для писем: kongrin@pisem.net

Непаханой земли здесь женские изгибы
Так плавно переходят в дальний лес,
Возле него заброшенные избы
В себя вбирают нежный цвет небес.
Траншеями вдаль тянутся овраги,
Рекой затоплен неба край.
И полосой из белой в крап бумаги
Столбы берез – граница птичьих стай.

Одинокие зонтики, словно медузы,
Плывут над скользким тротуаром.
В лужах сумрачные карапузы
Черпают дождь сапогами на пару.
Сварливо выговаривает ветер
Раздетым веткам и озябшим детям
И, словно сторож, гонит со двора,
Но старика не слышит детвора.

Стеклянной нитью осень держит лето,
И птицы не спешат на благодатный юг:
Раз даль полна спокойствия и света,
Не верится в возможность зимних выюг.
Обманчива и красота, и ясность –
Последняя попытка удержать.
Даль запредельная зачем-то манит властно,
И от судьбы уже не убежать.

Фортуна

Напрасно я жду от фортуны подачки,
Смотрю безнадежно с любовью ей вслед.
Она в легкомысленной шляпке, с собачкой,
С усмешкой гранатовый вертит браслет.
Так близко, так рядом, что слышу дыханье.
Щекочет духами и сводит с ума.
Кому предназначено это созданье?
Про это кокетка не знает сама.
Сегодня с одним, а завтра к другому
Уходит лишь только забрезжит рассвет.
Беспутна. И все же чиста, как ребенок,
Мне в тысячный раз говорящая «нет».

Черный зонт

Я прислонился к стене из дождя,
Порванной жестью рекламы визжат.
Вывернул ветер мой зонт и меня
Черной изнанкой наружу.
Черный тюльпан уронил лепесток,
Ветер уносит его на восток,
В потоке машин и вымокших ног,
По свихнувшимся лужам.
Ветер укатит тебя и твой зонт
Как закатное солнце за горизонт.
Красный диск мне прикажет –
Немедленно стоп!
Черная птица кружит,
Пытаясь взлететь с перебитым крылом.
В стене из дождя есть окно. И ты в нем...
Сейчас бы сидеть вдвоем за столом –
И больше никто не нужен...

Русскоязычная поэзия Израиля

(120-плюс – продолжение книги
«120 поэтов русскоязычного Израиля»)

Составители Михаил Беркович и Эвелина Ракитская
(на общественных началах)

Гарнитура «Times New Roman». Формат 60 x 84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
16, 5 уч. изд. л. Заказ № 288

Контактные координаты издательства Э.РА:

е-mail: era-izdat@inbox.ru
0545-95-31-30
тел. в Москве: +7(495)-431-02-97
+7-926-227-99-25
+7 -962-904-46-18 (Эвелина Ракитская)
Сайт: <http://www.era-izdat.ru>